

А.В. Иконников

Современная архитектура Швеции

УДК 72.036(485)

Печатается по решению секции редакционного совета Стройиздата от 31 июля 1973 г.

Иконников А. Современная архитектура Швеции. М., Стройиздат, 1978. 152 с.

Освещаются вопросы развития градостроительства и архитектуры современной Швеции. Рассматриваются проблемы взаимосвязи архитектуры и ландшафта, формирования жилой среды. Выявлены особенности развития крупных городов страны и прежде всего ее столицы Стокгольма. Анализируется опыт жилищного строительства, показано своеобразие объемно-планировочных решений общественных зданий.

Книга предназначена для архитекторов и искусствоведов.

Рис. 102, список лит.: 24 назв.

И $\frac{30202-368}{047(01)-78}$ 43-78

© Стройиздат, 1978

Редакция литературы по градостроительству и архитектуре
Зав. редакцией А. Ф. Крашенинников
Редактор Г. И. Тимошкина
Мл. редактор В. Б. Бараева
Внешнее оформление художника В. М. Храмова
Художественная и техническая редакция Е. Л. Темкиной
Корректоры М. Ф. Казакова, Г. Г. Морозовская

Сдано в набор 02.12.75. Подп. в печать 08.12.77. Т-05723. Формат 60 X 90¹/₁₆ д. л. Бумага мелован.
Гарнитура журнальная рубленая, печать высокая, 9,5 печ. л. (11,50 уч.-изд. л.). Тираж 10 000 экз.
Изд. № АIX-4780. Заказ 9634.

103006, Москва, Каляевская, 23а

Ордена Трудового Красного Знамени ленинградская типография № 3 имени Ивана Федорова
Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли. 196126, Ленинград, Звенигородская, 11.

Введение

В современной архитектуре капиталистических стран архитектуре Швеции принадлежит особое место. Эту страну не коснулась калейдоскопическая смена архитектурных направлений, охватившая Западную Европу и США в 60-е гг. Здесь не сложилась система "архитектурных звезд", профессиональной элиты, нацеленной на создание шедевров, предназначенных для того, чтобы вытеснить из общественного сознания проблемы "рутинного", т. е. массового строительства. Шведы не создавали произведений с намерением поразить воображение; репутация шведских архитекторов основывалась на высоком качестве проектирования обычных зданий, а главное на их настойчивом внимании к проблемам городской среды.

В отличие от таких лидирующих в архитектуре Запада стран, как США или Япония, Швеция не выдвинула мастеров, впечатляющих яркой индивидуальностью. Однако она сумела создать свой стиль и свое градостроительство в то время, как и США, и Япония довольствуются "хаотизмом" стилевых поисков и планировкой, т. е. механическим размещением на территории отдельных объектов вместо подлинного градостроительства.

Сильная сторона шведской архитектуры заключалась в умении органично связать новые сооружения с существующим "контекстом" - сложившейся системой города или природным ландшафтом; стремление к единству системы подчас ценой анонимности отдельных зданий стало прочной профессиональной традицией. Внимание к целостности распространяется на то наполнение пространственной основы, которое создают дизайн и монументально-декоративное искусство как в городских комплексах, так и в интерьерах. Первичной единицей архитектурной композиции обычно становится жилой комплекс или общественный центр. Национальная специфичность шведской архитектуры раскрывается прежде всего через отношения застройки с характерной северной природой.

Шведские города не поражают помпезными ансамблями. Уютные и обжитые фрагменты жилой среды, связанные рациональной транспортной системой, - главное достижение шведского градостроительства. Рассредоточенность промышленного производства определила специфический характер урбанизации, при котором малый город остается доминирующим элементом системы расселения, а большие города развиваются как системы малых населенных мест (Стокгольм, Гётеборг). "Полурастворенный" в природе, подчиненный естественным формам чуть подправленного ландшафта небольшой поселок неистребим как "идеальный стереотип" жилой среды в массовом сознании шведов. Производство же сохраняет традиции добротной провинциальной кустарности при всех усовершенствованиях, вносимых научно-техническим прогрессом. Особенно

живучи эти традиции в строительном деле, подчас определяя специфические "интонации" языка архитектурной выразительности. Да и само то рационалистическое направление, которое шведская архитектура устойчиво сохраняет с начала 30-х гг., кажется воплощением крестьянской трезвой рассудительности.

Современная архитектура Швеции может быть верно понята лишь в общей системе социальных отношений и культуры страны, во многом связанных со специфическими чертами ее исторического развития. В прошлом бедная крестьянская страна, население которой на протяжении веков закалилось в борьбе с суровым климатом и скудностью почв, Швеция не прошла стадии развитого крепостного права. Повседневный тяжкий труд, требовавший взаимной помощи, постоянное сопротивление посягательствам на личную свободу и плоды труда вели к сплоченности сельских общин, к укреплению в сознании их членов свободолюбия, трудолюбия, прочных этических норм. При постоянном давлении народных масс, но без революционного взрыва, в длинной череде компромиссов между дворянством и буржуазией совершился переход от феодализма к капитализму. Уже тогда в медлительном течении реформ "просвещенного абсолютизма" проявилась удивительная гибкость шведских буржуа в борьбе за свои интересы. В дальнейшем, в ходе классовой борьбы с пролетариатом, приспособляемость шведской буржуазии все более совершенствовалась. Это оказало известное влияние и на рабочее движение, которое господствующий класс пытался подчинить своим целям и своему руководству - вначале с помощью либеральной буржуазии, а позже - правых социал-демократов"¹. Сплоченности трудящихся господствующие классы Швеции исстари стремились противопоставить не прямую силу, а дезориентирующий маневр.

¹(Мысливченко А. Г. *Философская мысль в Швеции*. М., «Наука», 1972, с. 197.)

Когда влияние Великой Октябрьской социалистической революции и экономический кризис начала 20-х гг. вызвали в Швеции подъем рабочего движения, буржуазия, стремясь снизить его активность, использовала демагогические лозунги социал-реформизма. Выдвигались теории об "исключительности" шведского капитализма и возможности построения некоего "скандинавского социализма" в сотрудничестве с буржуазией, без революционных потрясений.

Чтобы понизить накал социальных противоречий, правящие круги Швеции провели некоторые демократические реформы. Одним из основных направлений реформистской политики стало регулирование жилищного строительства. Кризис, затронувший Швецию в начале 30-х гг., способствовал приходу к власти шведских социал-демократов, выступивших с антикризисной программой, основанной на лозунгах государственного регулирования капитализма. Популярность понятий "план" и "контроль" была своеобразным отголоском успехов плановой социалистической экономики в Советском Союзе. Градостроительство превратилось в одну из

областей деятельности, где развитие контролирующих функций государства прокламировалось с особенной настойчивостью. Однако и здесь политика шведских социал-демократов не выходила за рамки существующей социальной структуры и не затрагивала основ частной собственности на землю и недвижимости. Орудием их градостроительной политики стала налоговая реформа. Увеличение прямых налогов заставило шведскую буржуазию поступиться некоторой частью своих богатств, расширяя финансовые возможности государства и муниципалитетов. Последние в свою очередь активизировали скупку земель.

Подобная практика открывала более широкие, чем в других капиталистических странах, возможности последовательной реализации градостроительных программ, не вступая в противоречие с "основами" капиталистической системы. Средством регулирования была покупка земельных участков за счет налоговых поступлений, а целью - эффективное использование территорий, передававшихся в аренду предпринимателям-застройщикам. Концентрация же капиталов обеспечивала преимущество крупным строительным фирмам, которые могли осуществлять комплексную застройку больших городских массивов по единому плану.

Несомненно, что быстрое и повсеместное распространение рационалистических идей в шведской архитектуре 30-х гг. стимулировалось не только внутрипрофессиональными процессами развития архитектуры, но и внутренней близостью к идейным основам жилищной и градостроительной политики шведского социал-реформизма. В концепции функционализма были программно заложены "жизнестроительные" претензии, утверждалась возможность совершенствования общества путем рациональной организации его пространственной среды - без социальных катаклизмов и революций (суммарным воплощением таких претензий был афоризм Ле Корбюзье - "архитектура или революция", утверждающий мысль, что архитектура как альтернатива революции может принести все то, к чему устремлена борьба за преобразование общества). Привлекал шведских политиков и показательный практицизм (по существу скорее символический), присущий функционалистской архитектуре: он мог служить выражением их лозунгов, обращенных к крестьянской рассудительности среднего шведа, недавнего выходца из деревни или горожанина "второго поколения", унаследовавшего черты деревенской психологии.

Однако насаждавшийся сверху функционализм получил в Швеции своеобразное и яркое развитие благодаря соответствию общему культурному климату страны. Идейный кризис буржуазного общества - следствие первой мировой войны и революций, прокатившихся по Европе, не миновал и Швецию. Но ощущение великого перелома истории здесь не было таким глубоким, как в других странах. Оно не привело к крушению "традиционных ценностей" и возникновению пессимистического иррационализма - буржуазный гуманизм и рационалистическое мировоззрение не только выстояли, но в 30-е гг. и окрепли в противовес попыткам идеологической

экспансии фашизма. Благодаря этому функционализм в Швеции наполнился новым, прогрессивным содержанием.

Вторая мировая война, в которой Швеция сохранила свой ставший традиционным нейтралитет, не принесла стране существенных потерь, если не говорить об экономических трудностях, вызванных нарушением внешнеторговых связей. Военные годы дали толчок новому этапу развития государственного регулирования и соответствующему увеличению функций административного аппарата.

Нейтралитет в период второй мировой войны, да и все полтора века неучастия в войнах определили известную исключительность положения Швеции среди европейских государств. Традиционно относимая к категории малых стран, поскольку ее население лишь ненамного превышает 8 млн. чел. (хотя по территории она уступает в Европе лишь СССР, Франции и Испании), Швеция вошла в десятку наиболее развитых экономически капиталистических государств. Если абсолютные показатели ее экономики несравнимы с аналогичными данными США, ФРГ или Японии, то по стоимости валовой продукции на душу населения Швеция вышла на второе место в мире, опередив эти страны и уступая лишь Швейцарии. Подобная ситуация облегчала социал-демократам, по-прежнему возглавлявшим правительство, их тактику затушевывания социальных противоречий. Страна стала полигоном, где испытываются "новейшие модели" государственно-монополистического капитализма и методы социал-реформистской политики.

Опираясь на косвенные средства экономического регулирования, прежде всего на финансовую политику, и используя земельную собственность муниципалитетов, шведские государственные органы в послевоенные годы выдвинули многочисленные программы градостроительных мероприятий. При этом задачи, связанные с развитием структуры расселения в целом, ставились очень осторожно в частных и ограниченных аспектах. Основное внимание уделялось развитию в "болевых точках" стихийно определившихся процессов урбанизации - и прежде всего в Стокгольме и Гётеборге. Целью было размещение объемов нового строительства таким образом, чтобы функциональная эффективность сложившейся системы города не уменьшалась, а возрастала. К достижению этой цели были направлены выдвинутые во второй половине 40-х - начале 50-х гг. градостроительные концепции и планы развития транспортных и инженерных инфраструктур в крупных городах.

Американские социологи выдвинули идею манипулировать сознанием и поведением масс, формируя жилую среду по образцу замкнутых патриархальных поселений. Однако прагматичные шведы восприняли предлагавшееся членение города на иерархию ясно очерченных единиц не как социальную программу, а лишь как возможную функциональную схему.

Придавая ей гибкость, они умело изменяли ее в соответствии с конкретной ситуацией и возникновением новых требований.

"Успешное в целом экономическое развитие 50-х гг. облегчило на исходе десятилетия профсоюзам и рабочим партиям борьбу за увеличение реальных доходов трудящихся. Уровень жизни теперь заметно поднялся не только по сравнению с послевоенными, но и с довоенными годами. По абсолютному уровню жизни шведы значительно превосходили не только своих соседей, но большинство европейских народов"¹. Разделение труда между местными рабочими и иммигрантами позволило шведским предпринимателям именно на последних переложить тяжкие и низкооплачиваемые обязанности.

¹(Кан А. С. *История скандинавских стран*. М., «Высшая школа», 1971, с. 287.)

Однако повышению материального достатка не соответствовали темпы развития духовной культуры. Еще в 1935 г. такую опасность почувствовал Михаил Кольцов: "Удобства жизни, еда, сон - это большее, чем культ в Стокгольме. Это страсть, перешедшая в религию и психическую манию". И далее: "...буржуазное обожествление удобств вырождается в подлинный идиотизм. Цивилизуя до предела каждое отдельное отправление человеческого организма, люди незаметно ударяются в противоположность, становятся разнеженными двуногими скотами"¹. Кольцов не отрицал, что "по пути это рождает немало вдумчивых изобретений и талантливых догадок", но он смотрел глубже.

¹(Кольцов Михаил. *Бывший северный Рим. «Избранные произведения», т. 2. М., 1957, с. 346.*)

Приток в города нового населения, порвавшего с традиционной культурой деревни, но лишь поверхностно приобщающегося к культуре городской, усилил тенденции примитивного накопительства. Растущее равнодушие к духовным ценностям и распространение конформизма сопровождалось широким внедрением стереотипов так называемой "массовой культуры", формируемых и направляемых в интересах буржуазии. Социальная структура, порождающая "культ потребления", культ денег и вещей в ущерб культурным и этическим ценностям, в конечном счете рождает не только социальную апатию, но и все обостряющуюся неудовлетворенность, особенно среди молодежи. Противоречие между материальным достатком, совершенством технической оснащенности жизни и возможностями духовного развития личности глубоко и мучительно переживают мыслящие люди страны.

Шведская архитектура, отойдя в послевоенные годы от программного аскетизма 30-х гг. и изоляционистской национальной символики военных лет, обратилась к проблеме гармоничного формирования среды. Своеобразное романтическое восприятие природы и стремление сделать архитектуру связующим звеном между природой и человеком определили тональность, существенную для художественных решений зодчества 50-х гг.

Однако вместе с давлением "потребительской культуры" утрачивалось эмоциональное отношение к предметному окружению человека.

В 60-е гг. шведская архитектура становится все более прозаичной и прагматичной. Возврат к лаконизму и геометричности зданий и пространственных структур не был, однако, возвратом к художественным идеалам 30-х гг. с их "бедным искусством" и жестким самоограничением. Простота архитектуры 60-х гг. - простота, порожденная равнодушием ко всему, что не обеспечивает дополнительного комфорта, простота, которая лежит вне этики и эстетики. Отголоски протестов против духовного застоя звучат в грубоватой вещественности бруталистских построек, не получивших, впрочем, широкого распространения. Решительнее и смелее они проявились в "контрэстетстве" начала 70-х гг., в попытках уйти от каноничных представлений об "искусстве архитектуры" к разумной и гибкой организации деятельности, к созданию среды, стимулирующей не пассивное созерцание, а активизацию культурных функций.

Конец 60-х гг. стал для Швеции временем некоторого экономического спада. В его условиях обострилась классовая борьба. "Впервые за многие десятилетия, - отметил Л. И. Брежнев на XXIV съезде КПСС, - крупные классовые столкновения имеют место в скандинавских странах, в Голландии"¹. Противоречивость социально-политической ситуации в стране отразилась на динамике развития ее архитектуры, которая, по-видимому, исчерпала возможности идей, которыми она питалась. 30-е гг. были в истории шведской архитектуры четко очерченным, завершенным периодом развития. Создается впечатление, что начало 70-х гг. - финал следующего периода, начавшегося в послевоенные годы, и что дальше должны намечаться какие-то новые пути, новые вехи...

¹(Брежнев Л. И. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1971, с. 20.)

1. Проблемы расселения и градостроительства

Швеция не принадлежит к числу перенаселенных стран. Ее население (8144 тыс. человек к началу 1974 г.) размещается на территории около 450 тыс. км², почти вдвое превышающей по площади территорию Великобритании или ФРГ. Однако средняя плотность - 18 чел/км² отнюдь не характеризует реальную ситуацию, так как распределение населения по регионам чрезвычайно неравномерно - большая часть его живет на равнинах центральной Швеции и в ее южной части - Сконе. В 1970 г. на четверти территории страны проживало 86% ее населения. В трех крупнейших агломерациях, сложившихся вокруг Стокгольма, Гётеборга и Мальмё, сконцентрирован 31% населения Швеции. Меньшие, но быстро разрастающиеся агломерации, складываются вокруг Норчёпинга, Вестероса,

Эребру и др. При сравнительно невысокой средней плотности населения Швеция достигла высокого уровня его урбанизации.

Стокгольм, крупнейший город и столица Швеции (751 тыс. жителей в 1969 г.), почти вдвое больше Гётеборга, второго по величине города (446 тыс. жителей) и почти втрое - Мальмё (259 тыс. жителей). Ни один среди остальных городов страны не достиг населения в 100 тыс. человек. В общей сложности лишь 13 городов из 1829 имеют более 50 тыс. жителей. Многочисленность малых городов остается характерной для системы расселения в стране.

В свое время острый недостаток минерального топлива и высокий уровень электрификации, основанный на использовании гидроресурсов страны, стимулировали рассредоточенность размещения шведской промышленности. Предприятия располагались среди сельскохозяйственных областей вблизи источников сырья. Следствием этого были быстрое развитие малых городов и сравнительно невысокий темп роста крупных центров в период между первой и второй мировыми войнами. Еще в начале 40-х гг. в сельской местности жило больше промышленного населения, чем в городах. Значительную часть новых предприятий (около 40%) размещали в малых поселениях и в последующем периоде (в 1946 - 1961 гг.). В настоящее время доля "рассредоточенной" промышленности также остается высокой, обеспечивая жизнеспособность малых городов Швеции. Сохраняют свое значение связанные с ними культурные традиции и специфические черты общественной психологии, включающие предпочтение к среде небольших населенных мест.

Однако научно-техническая революция определяет новые факторы, стимулирующие развитие крупнейших центров страны, с их широкими возможностями получения информации и обширными рынками квалифицированной рабочей силы. Именно здесь прежде всего сосредоточивается разрастающийся бюрократический аппарат государства и крупных капиталистических монополий. Уже в 1961 г. служащие составляли 41% всех лиц наемного труда в Швеции, а темп увеличения числа служащих в 1945 - 1965 гг. в 10 раз превосходил темп роста численности промышленных рабочих (рост соответственно на 60 и 6%).

Самые высокие темпы роста населения имела за последние десятилетия агломерация Вестероса (2,4% в год за 1960 - 1965 гг.); за ней следовали агломерации Стокгольма (1,75% в год), Гётеборга и Мальмё (1,55% в год). Однако общая доля этих трех крупнейших агломераций в приросте населения страны составила 80%, причем на долю Стокгольма приходилось почти 50%. Столица поглотила и половину притока неквалифицированной рабочей силы из-за рубежа, который к концу 60-х гг. достиг размеров, весьма значительных в сравнении с величиной самой страны (в 1969 г. в Швеции работало 183 тыс. иммигрантов, 62% которых составляли финны, датчане и норвежцы). Миграционные потоки к Стокгольму были направлены из всех частей

страны, кроме региона Мальмё. Особенно активно притягивала столица жителей северных ленов. Если в 1900 г. население Стокгольма составляло 7% нации, то 1,4 млн. жителей агломерации Стокгольма в 1972 г. уже составляли 18% всего населения страны, и эта доля имеет тенденцию к дальнейшему росту (по прогнозам регионального плана 1970 г. до 26% к 2000 г.).

Характерным процессом для Швеции сегодня является то, что при населении, малом по сравнению с территорией, развитие одних районов сопровождается сокращением населенности других, прежде всего лежащих на севере страны.

Крупные города притягивают наиболее активную часть молодых возрастных групп. Вместе с общим увеличением в стране доли населения пенсионного возраста отток трудоспособной молодежи усугубляет социальные проблемы малонаселенных, традиционно отсталых районов. Проф. Эрик Вирен из Технологического института в Стокгольме считает, что наиболее тревожная проблема развития расселения в Швеции - "акселерация экономической деятельности в самых больших агломерациях. Эти агломерации забирают самых квалифицированных молодых людей, не видящих возможности найти подходящую для них работу в своих родных местностях"¹.

¹(*The Architect*», 1972, V.)

Развитие транспортных связей между тремя главными агломерациями вызвало активизацию расселения вдоль путей, которые их соединяют. Начинает намечаться "коридор урбанизации" между Мальмё и Гётеборгом вдоль западного побережья страны и далее на северо-восток к Стокгольму. Вторая линия несколько меньшей концентрации проходит от Мальмё к Стокгольму через южную часть Швеции.

В последние годы серьезные проблемы были связаны с быстрым увеличением числа автомашин, на которые сейчас приходится более 85% пассажирских перевозок в стране. Еще в 1950 г. в Стокгольме приходилось 37 автомобилей на 1000 жителей и в генеральных планах исходили из перспективной нормы 150 машин на 1 тыс. человек. Но этот показатель был достигнут уже к концу 50-х гг., а в 1970 г. число машин превысило 300 на 1 тыс. жителей. Нашествие автомобилей потребовало создания новых мощных транспортных инфраструктур в больших городах, реконструкции уличной сети малых городов, устройства крупных автостоянок в городских центрах. Серьезные коррективы пришлось вводить в организацию торгового обслуживания.

В условиях государственно-монополистического капитализма проблемам градостроительства уделяется большое внимание. О "пространственном планировании" часто говорят как об инструменте, регулирующем экономическое развитие. Однако на деле возможность влияния на

экономические и социальные процессы путем создания определенных пространственных систем иллюзорна. Пространственное планирование, не подкрепленное планированием экономики, остается лишь пожеланием. Это подтверждает и опыт Швеции, где частному сектору принадлежит 85% общего объема производства.

Реальные планировочные мероприятия осуществляются в пределах юрисдикции муниципалитетов, неизменно руководствующихся сугубо местными интересами. Районная планировка, которая должна обеспечить рекомендации для увязки муниципальных планов, за два десятилетия не смогла достичь практических результатов. Попытки правительственных органов планировать распределение экономических ресурсов между регионами имеют ограниченный характер и не связываются с тем планированием, которое ведут муниципалитеты. Так, принятый ландстингом (местным исполнительным органом) столичного лена план развития агломерации Стокгольма до населения в 2,5 млн. к 2000 г. был открытым вызовом политике регионального планирования. Жест этот был вызван стремлением городских властей сделать Стокгольм конкурентоспособным в соревновании с другими западноевропейскими метрополиями за престиж и привлечение зарубежных инвестиций.

Возможности пространственного планирования на уровне муниципальных общин и городов определяются собственностью на землю. Градостроительные мероприятия становятся возможны лишь в случае, когда муниципалитет обладает достаточными финансовыми ресурсами для широкой скупки земель под застройку. Практически в роли крупных лендлордов, распоряжающихся своими земельными владениями для развития городских структур, выступают только муниципалитеты Стокгольма, Гётеборга и Мальмё. Высокие ставки местных налогов дали им средства для приобретения крупных массивов пригородной территории, чтобы осуществлять развитие городских организмов. Кроме того, закон, принятый парламентом в 1953 г., предоставил муниципалитетам возможность экспроприировать незастроенные участки для нужд реконструкции городских центров, а в 1967 г. был принят закон о преимущественном праве города на приобретение земли в тех же целях.

Планомерное развитие городских структур фактически остается привилегией самых крупных и богатых муниципалитетов и прежде всего Стокгольма. Градостроительные принципы, выдвинутые и разработанные шведскими архитекторами в годы после второй мировой войны, по существу порождены спецификой этого города: особенностями его сложившейся структуры и ландшафта, земельной собственностью, которой располагал его муниципалитет. Планировочные идеи, выдвигавшиеся для развития других шведских городов, фрагментарны и явно вторичны.

Стокгольм, муниципалитет которого выступает как крупнейший лендлорд, - пример для капиталистических стран уникальный. Необычайная ситуация

имеет свою историю. Со средних веков до XIX в. в Швеции существовала система аренды земельных участков, земли же считались принадлежащими королю или муниципалитетам. Однако уже к 1830 г. по мере развития капиталистической экономики большая часть городских земель перешла в частную собственность. Трудности, созданные тем самым для рационального развития городов, стали очевидны достаточно скоро. И когда широкую популярность получили идеи города-сада, муниципальная администрация Стокгольма, чтобы обеспечить их реализацию, вновь начала скупать крупными массивами пустующие земли вокруг городских границ. Много позже, уже после второй мировой войны, крупные жилые комплексы Стокгольма строились на муниципальных землях, сдаваемых в аренду. К 1970 г. земельная собственность города составляла 50 тыс. га (включая зеленые зоны отдыха).

Развитие структуры Стокгольма

Сложная система акваторий - глубоко врезающихся в сушу морских заливов и протоков оз. Меларен - предопределяет расчлененность пространственной структуры Стокгольма и естественные границы ее частей. Озеро в недавнем прошлом было частью Балтики. В XIII в. поднявшееся дно отрезало Меларен от моря, оставив только два пролива по сторонам острова Стандсхолмен, где был основан Стокгольм, а теперь находится "Гамла стан" - старый город. В границы Стокгольма входят около 20 островов и 3 разделенные водой материковые территории. Транспортные связи обеспечиваются 42 мостами. Более половины территории города покрыто скалами. Южная часть ее расчленена глубокими узкими долинами; ряд скальных плато поднимается на 80 - 90 м над уровнем моря. Равнинные участки лежат в северной и западной частях региона - гряды скал здесь лишь в отдельных местах расчленяют местность.

После сильных пожаров, опустошивших деревянную застройку города, в 1640 г. в Стокгольме было создано самое старое в Европе управление городской планировки и составлен первый генеральный план, определивший пространственную структуру, сохраняемую в общих чертах и сегодня в историческом ядре города. Однако вплоть до середины XIX в. столица Швеции оставалась небольшим городом (100 тыс. жителей в 1850 г.). Быстрое развитие (к 1900 г. число жителей достигло 320 тыс.) началось вместе с промышленной революцией в 1860-е гг. Центральные районы перестраивались на старой планировочной основе "в берлинском стиле" - с небольшими, периметрально застроенными кварталами пяти - шестиэтажных каменных доходных домов, образуя "Каменный город". За пределами благоустроенных буржуазных районов, у вновь создававшихся заводов возникали жилища рабочих. Разные социальные группы селились на различных территориях.

Железные дороги, а затем и трамвай, облегчив сообщение с пригородами, сделали их модными среди обеспеченных слоев населения, которые начали

перемещаться из "Каменного города", сжатого кольцом трущоб, в идиллическую полусельскую среду. Возникшие в конце 1880-х гг. Дьюрсхолм и Салтшебаден с их особняками, расположенными на обширных участках пересеченной местности с романтическим пейзажем, типичны для богатых старых пригородов Стокгольма.

Стремясь сократить эмиграцию, которая на рубеже XIX и XX вв. достигла угрожающих размеров, шведское правительство в 1904 г. учредило фонд займов для строительства индивидуальных домов - считалось, что таким образом открывается путь к улучшению жилищных условий рабочих. Однако для рабочих индивидуальное строительство было вообще недоступно и субсидии использовались "средними классами" - мелкой буржуазией и чиновничеством. Возникло движение "за собственный дом", находившееся под влиянием распространенных в то время идей "города-сада". Пригородные поселки "средних классов" в 10-х - начале 20-х гг. XX в. были застроены гораздо более плотно, чем Дьюрсхолм или Салтшебаден. Их пространственная организация имела аморфный, хаотический характер. Стремясь упорядочить пригородное строительство, муниципалитет Стокгольма в начале 20-х гг. выделил земли для пригородов-садов Бромма и Бреннчюрка, где участки сдавались в аренду под застройку в соответствии с генеральным планом. Однако и эти комплексы оставались поселками-спальнями. К концу 20-х гг. земельные ресурсы в пригородной зоне Стокгольма начали истощаться и стало необходимо более эффективное использование территории. Между идиллическими пригородами-садами создавались группы многоквартирных домов городского типа, в основном трехэтажных (по шведским строительным правилам максимальная этажность при отсутствии лифта).

Разразившийся в начале 30-х гг. кризис заставил повысить требования к экономичности планировки. В условиях когда буржуазия стремилась компромиссами смягчить общественный резонанс экономических потрясений и недовольство трудящихся, были использованы градостроительные концепции зарождавшегося шведского функционализма. В 1930 г. его лидер Гуннар Асплунд опубликовал градостроительную программу. В ней подчеркивались недостатки периметральной застройки кварталов вдоль улиц-коридоров и гигиеническая недопустимость внутренних дворов, лишенных света и воздуха. Гигиенические аспекты градостроительства были выдвинуты на первый план, эксперименты немецких функционалистов конца 20-х гг. принимались как эталон решения проблем.

Пригородные зоны Стокгольма - Хаммарбюхейден, Фредхелл, Траннеберг - были застроены в соответствии с этим эталоном "строчками" параллельно расположенных одинаковых трехэтажных блоков-пластин. Однако принцип "пригородов-спален" при этом сохранялся.

Новый прием планировки позволял сохранить природное окружение как часть жилой среды, дома получали хорошую инсоляцию и проветривание. Были определены оптимальные разрывы между корпусами. Однако механическое единообразие строчной застройки рождало психологически подавляющее ощущение монотонности окружения.

Развитие Стокгольма в 30-е гг. происходило в основном за счет наращивания новых пригородных массивов, однако и на свободных участках в районе "Каменного города" создавались жилые комплексы с наиболее дорогими и комфортабельными квартирами (например, на северной набережной оз. Меларен и в районе Гэрдет). Их организация подчинялась тому же приему строчной застройки, но высокая стоимость земли во внутренних зонах города побуждала сильно повышать плотность путем чрезмерно тесной постановки шестиэтажных домов с широким корпусом. Истощение резервов территории вблизи старого городского ядра заставило в конце 30-х гг. строить новые группы жилищ уже на расстоянии 10 - 15 км от мест приложения труда в старых частях города.

Сокращение строительства в годы второй мировой войны (объем строительства в 1941 г. был втрое ниже уровня 1939 г. при продолжавшемся притоке в Стокгольм людей из других районов страны) привело к катастрофической нехватке жилищ. Жилищный кризис, сильно ударивший по интересам трудящихся превратился в острую политическую проблему. Это принудило правительство стимулировать жилищное строительство, предоставляя субсидии муниципалитетам и жилищно-кооперативным объединениям. Пригодные для застройки территории в пределах внутреннего ядра Стокгольма, четко обозначенные природными рубежами, были к этому времени до конца использованы: в 1943 г. население "Каменного города" достигло своего пика - 465 тыс. человек. Широкая реконструкция внутренних зон города исключалась из-за огромных затрат и трудностей, определяемых частной собственностью на земельные участки. Не было возможности разместить крупные объемы нового строительства и среди бесформенной внешней зоны "пригородов первого поколения". К тому же стало ясно, что при любых формах концентрического развития с единственным центром систему обслуживания трудно организовать.

Необходимо было принципиальное решение проблемы рациональной структуры городского организма. Логическим результатом оценки фрагментированности города, определявшейся ландшафтом, и его обширности, заданной положением внешних пригородов, стал принцип расчленения единого организма на сравнительно независимые элементы. Создание "самодостаточных", пространственно изолированных городов-спутников в соответствии с идеями английских градостроителей исключалось: существующий пригородный пояс уже поглотил территорию, где они могли быть созданы, да и сам масштаб городского организма Стокгольма не оправдывал бы такого решения.

Коллектив архитекторов-градостроителей, руководимый Свеном Маркелиусом (Х. Алберг, Г. Сиденблат, Т. Рюберг, Х. Блюм и Т. Вестман), выдвинул идею "полусателлитов" или полуавтономных районов, обладающих развитой системой обслуживания с крупными общественно-торговыми центрами и местами приложения труда. Будучи четко организованными структурными единицами, эти "полусателлиты" вместе с тем функционировали как части единой системы, взаимодействуя как с центральным городским массивом, так и со старыми пригородами. По генеральному плану Стокгольма, разработанному в 1944 - 1952 гг., полусателлиты размещались на пустующих землях между границами "Каменного города" и пригородами "первого поколения". Их центры, а частично и места приложения труда должны были включить в сферу своего влияния аморфные городские окраины и "пригороды-спальни" внешней зоны, образуя организованную структуру функций обслуживания и занятости на всей территории Стокгольма.

Маркелиус писал, что новые части Стокгольма "нельзя рассматривать функционирующими как города-сателлиты в полном смысле этого понятия... Фактически мы рассматриваем город в очень важных функциональных отношениях единым целым, хоть и состоящим из независимых частей. Независимость, самообеспеченность - вопрос комфорта и рациональной организации. Но она не означает изоляции. Житель Стокгольма, живущий в его пригородах, остается стокгольмцем"¹. В отличие от традиционно концентрических планировок английских городов-сателлитов полусателлиты Стокгольма получили линейную структуру, развивающуюся вдоль коммуникационных линий: радиусов метро, дополненных магистральными и распределяющими автомобильными дорогами.

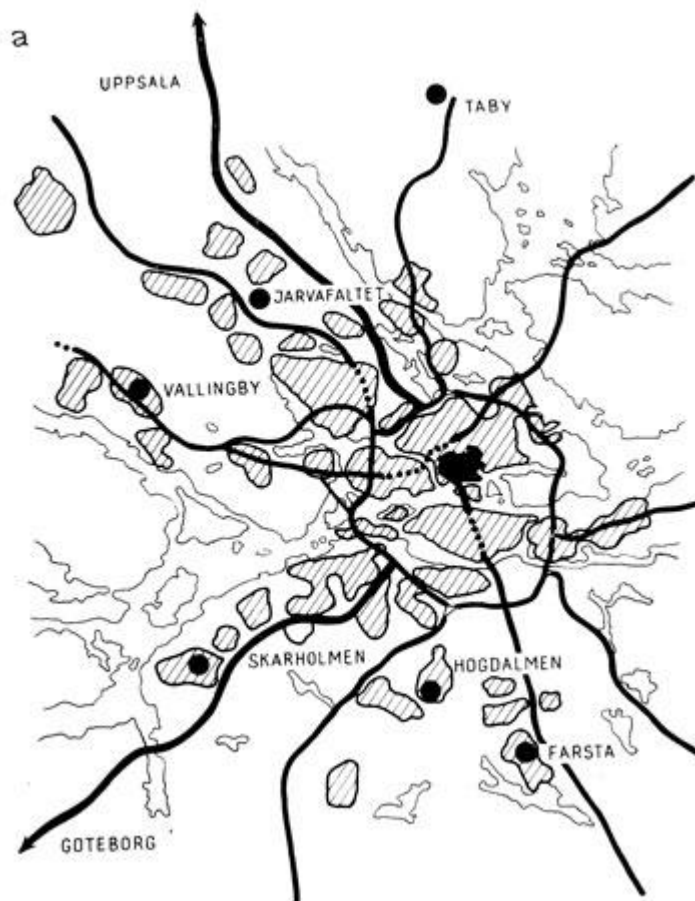
¹(*Kidder Smith G. E. Sweden Builds. New York, 1957, p. 25.*)

Вопрос о создании метро был поднят еще в 1908 г. Однако к строительству приступили лишь в 1946 г., когда стала очевидной необходимость обеспечить транспортной инфраструктурой второе поколение" пригородов. Первая линия Хессельбю-Фарста (41 км), связывающая через центр северо-западные районы города с южными, была закончена в 1957 г.; вторая - Ропстен-Воберг (23 км) от юго-западных районов к северо-восточным открыта в 1964 г.; в 1975 г. должна быть завершена третья, северо-западная линия.

Статичная по своей сути английская концепция городов-спутников была заменена динамичной, обеспечивающей гибкость структуры новых элементов города, возможность их расширения и приспособления к меняющимся функциям. Полусателлиты Стокгольма по своей функциональной организации напоминают "линейные города", проектировавшиеся в конце XIX в. испанским архитектором А. Сория-и-Матта. Структура последних, однако, равномерно растягивалась вдоль коммуникации, а система обслуживания распылялась между мелкими центрами у частых остановок трамвая. Структура пригородов Стокгольма как

бы пульсирует, концентрируясь в сгустки застроенной территории вокруг станций метро, расположенных на расстоянии 1 - 1,3 км. При этом центры обслуживания располагаются не в глубине селитьбы, а связываются с коммуникациями, иногда "оседлывая" их и образуя своеобразные мосты между частями территории. Система обслуживания приближается не к жилищам, а к главным пешеходным путям, ведущим к остановкам общественного транспорта.

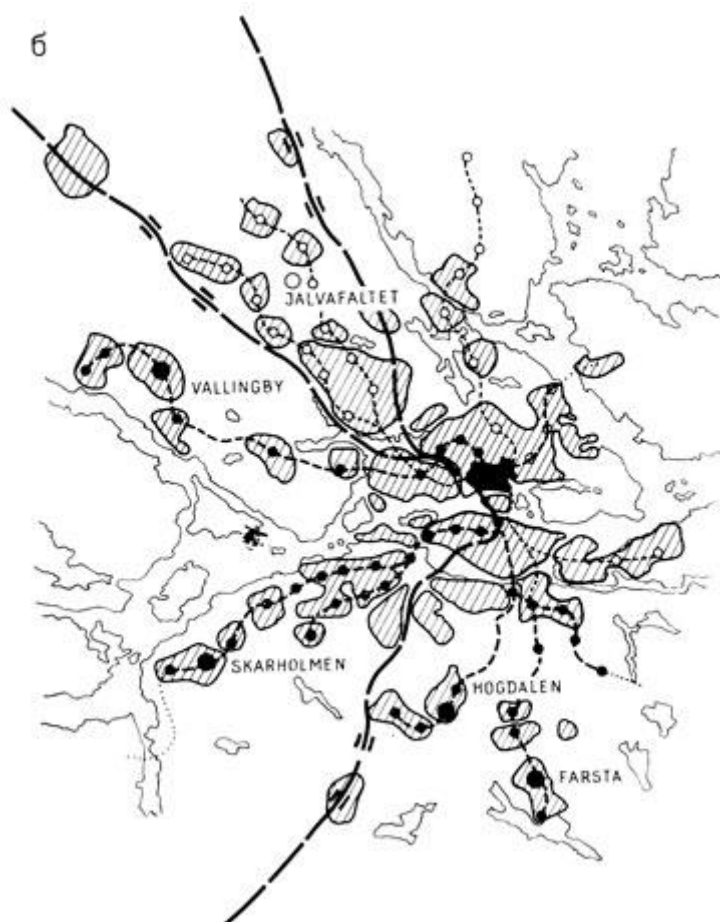
В каждой цепочке жилых районов, "нанизанных" на один транспортный радиус и образующих полусателлит, выделен один район, занимающий место, наиболее удобно связанное с окружающей местностью. Его центр формируется как главный в комплексной системе городского района-полусателлита; в то же время он становится и ядром системы обслуживания на территории региона в целом, захватывая в сферу влияния старые пригороды-спальни и городские окраины, не имеющие своих центров. Веллингбю на западном направлении, Фарста и Хегдален на южном, Шерхолмен на юго-западном стали такими главными звеньями полусателлитов с населением 50 - 80 тыс. каждый. Центры этих районов обслуживают от 100 до 300 тыс. человек в окружающей зоне.

Система коммуникаций Стокгольма. Система автомагистралей

Характерным при разработке генплана Стокгольма в 1944 - 1952 гг. было стремление создать расчлененную структуру городского организма не на

основе иерархии скованных своей внутренней законченностью частей (к такой иерархии стремились английские градостроители), а на основе линейно-групповой организации, позволяющей перейти к органически связанной региональной системе. Полусателлиты не становились самостоятельными организмами, они входили в систему, усиливая ее единство.

Система коммуникаций Стокгольма. Система линий метрополитена

Природные условия пригородной зоны Стокгольма с ее скалистым рельефом и водными протоками определили естественную канву для развития четко сформированной структуры. Границы жилых районов и полусателлитов, как правило, подчеркнуты формами ландшафта, в то же время ясно ощутимые членения территории не перерастают в пространственную изоляцию частей. Уникальная природная ситуация Стокгольма с резкими перепадами рельефа, скальными грядами, глубокими долинами и водными протоками позволила почти везде связать границы структурных единиц с естественными рубежами, что исключает опасность их стихийного сращения в аморфную массу, несмотря на сравнительно неширокие разрывы.

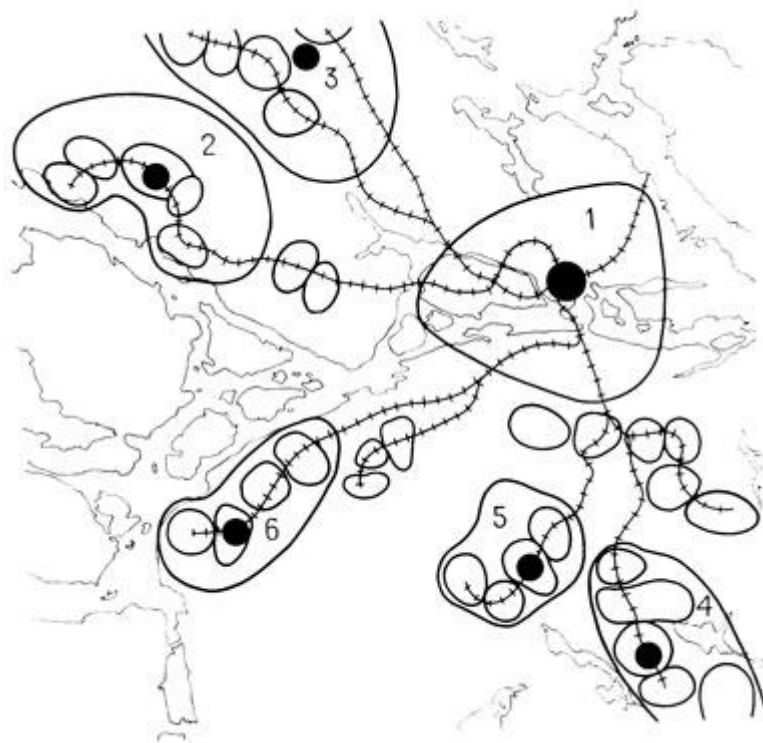
Застройка "пригородов второго поколения" Стокгольма могла быть осуществлена в соответствии с генеральным планом благодаря тому, что, выступая в качестве земельного собственника, муниципалитет выдвигал как

основное условие аренды территории соблюдение детальных проектов ее застройки.

Развитие новых пригородов было синхронизировано с сооружением линий метро. Минимальная плотность населения на территории определялась возможностью оправдать вложения в инфраструктуру. Для районов, обслуживаемых метро, такая плотность была определена в 100 жилых комнат на 1 га, для внешнего пояса пригородов - в 20 - 50 комнат на 1 га и для зон индивидуальной застройки - 10 комнат на 1 га.

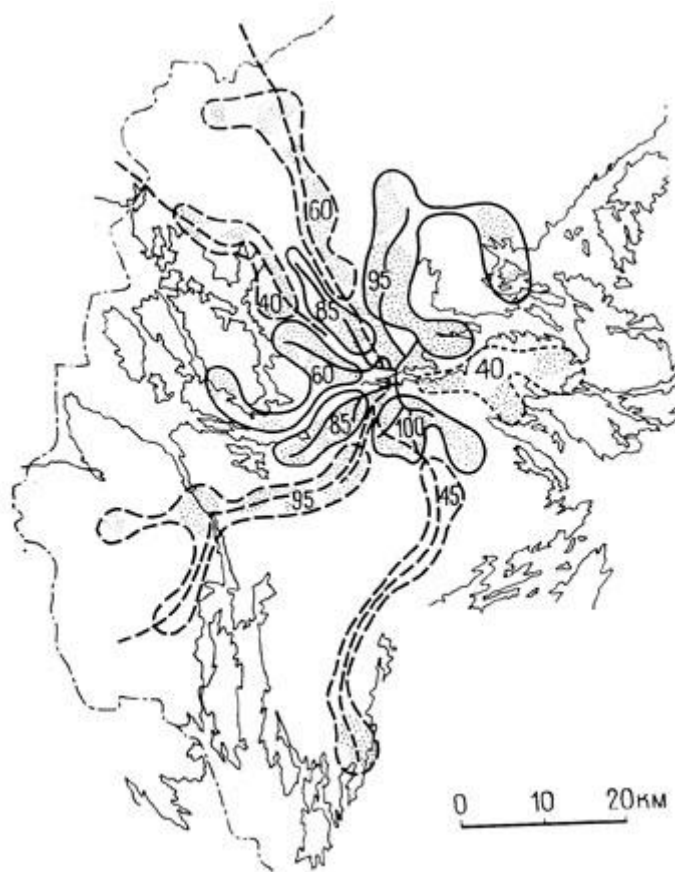
Важнейшим положением генерального плана Стокгольма было сохранение одноцентрового характера системы в целом и доминирующего положения в ней центрального делового района в "Каменном городе". Однако для облегчения нагрузки центра предполагалось развить в новых пригородах не только вторичные центры обслуживания, но и места приложения труда. Баланс людских ресурсов и занятости - основное условие "самодостаточности" единиц системы расселения. Но, как показал опыт, люди предпочитают лучшие условия работы, ее близость к жилью. Трудовые поездки во встречных направлениях между спутниками и между ними и центральным ядром, возникающие вследствие этого, превращают "самодостаточность" спутников в чисто теоретическое понятие, даже когда она, казалось бы, обеспечена равенством числа рабочих рук и мест приложения труда в каждом отдельном пункте, что произошло в системе Большого Лондона.

В полусателлитах Стокгольма к 1965 г. число мест приложения труда достигало 50% численности их работающих жителей. Однако в каждом случае жители самого пригорода использовали не более половины этого числа. Так, в Веллингбю при 26,5 тыс. работающих было 14,7 тыс. мест приложения труда, но из них лишь 7 тыс. занимали местные жители, а на остальных работали жители центральных районов и других пригородов. Там же, где и живут, работают, как правило, люди, имеющие невысокую квалификацию. В конечном счете увеличение числа мест приложения труда в полусателлитах стало вызывать рост трудовых поездок между пригородами в направлениях, где не предполагался значительный рост транспортных потоков. Функциональные связи между частями системы оказались гораздо большими, чем предполагалось теоретически.

Полусателлиты Стокгольма. 1 - старый центр; 2 - Веллингбю; 3 - Ерва (Тенета - Ринкебю и Норра Ервафелтет); 4 - Фарста; 5 - Хёгдален; 6 - Шерхолмен

В то же время происходил стихийный процесс роста центрального делового района Стокгольма. Разраставшийся аппарат управления частнокапиталистических фирм и объединений, как и увеличивавшаяся бюрократическая машина государственных учреждений, стремились получать новые площади "в зоне интенсивных личных контактов", что имело для них и практическое, и чисто престижное значение. Число мест приложения труда во внутренних зонах "Каменного города" выросло до 320 тыс., что составляет 53% их общего числа в Стокгольме (в пригородах "второго поколения" 20%). Жилье при этом вытеснялось, и за 25 лет население "Каменного города" сократилось на 38% против высшего уровня, составляя в 1968 г. 289 тыс. человек.

Коридоры урбанизации в зоне Стокгольма (по плану Большого Стокгольма, 1970)

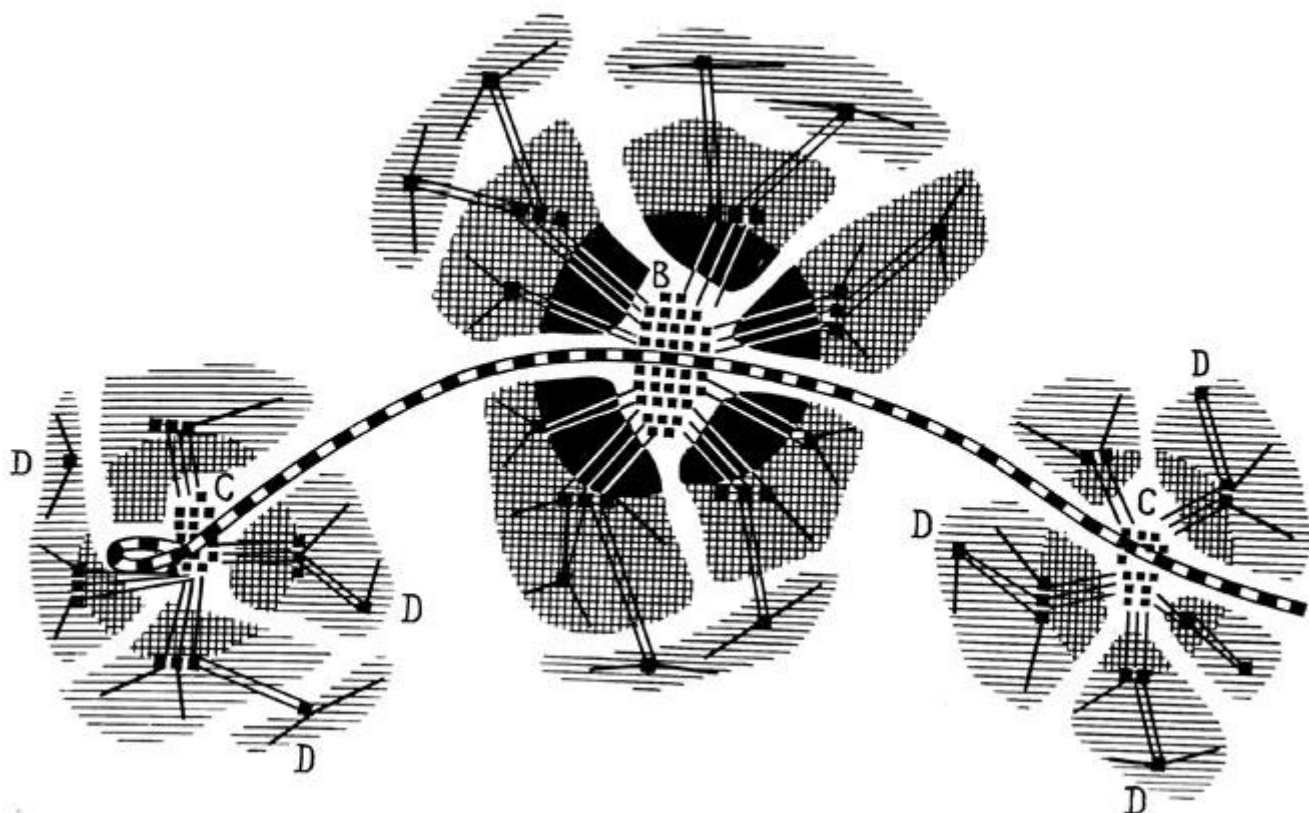
Стихийную тенденцию роста занятости в центральном ядре градостроители пытались использовать для увеличения доли трудовых поездок по развитым радиальным направлениям и ограничения прямой коммутации между пригородами. Хорошо организованная радиальная система метро при этом устояла в конкуренции с автотранспортом. Несмотря на рост числа индивидуальных машин, достигавший в Стокгольме 12% в год, почти $\frac{3}{4}$ трудовых поездок совершается на общественном транспорте. Подавляющая часть собственников автомашин ездит к месту работы на метро, предпочитая его четко отлаженную систему случайностям поездок по перегруженным автомагистралям и трудностям поиска удобной стоянки в центре города.

Дальнейшее развитие структуры Стокгольма показывает увеличивающуюся роль ее линейных, динамических элементов. Процесс этот отражен как переходом от линейно-групповой организации полусателлитов 50-х гг. (Веллингбю, Хёгдален, Фарста) к чисто линейной их организации второй половины 60-х - начала 70-х гг. (Тенета-Ринкебю и Норра Ервафелтет), так и изменениями системы в целом. Принципы развития агломерации Стокгольма были определены проектами районной планировки столичного лена 1966 и 1970 гг. на период до 2000 г. Этими проектами установлены границы агломерации, включающей 28 муниципальных общин (из 45 входящих в пределы лена). С 1971 г. учрежден и совет Большого

Стокгольма, ответственный за планировку, муниципальную, земельную политику, организацию жилищного строительства, транспорта и инфраструктуру инженерного обслуживания в агломерации.

Региональный план предусматривает развитие агломерации по радиусам, исходящим от единого центрального делового района. Однако при усилении роли старого центра успешное развитие получила и система центров полусателлитов. Она была дополнена четырьмя новыми центрами в северной части внутренней зоны пригородов (в том числе в городах Сулна и Тэбю). Ставится задача сохранить занятость в центральном деловом районе на прежнем уровне, сосредоточивая здесь учреждения, требующие взаимных контактов. В то же время по остальным частям региона занятость должна возрасти с 263 до 925 тыс. рабочих мест.

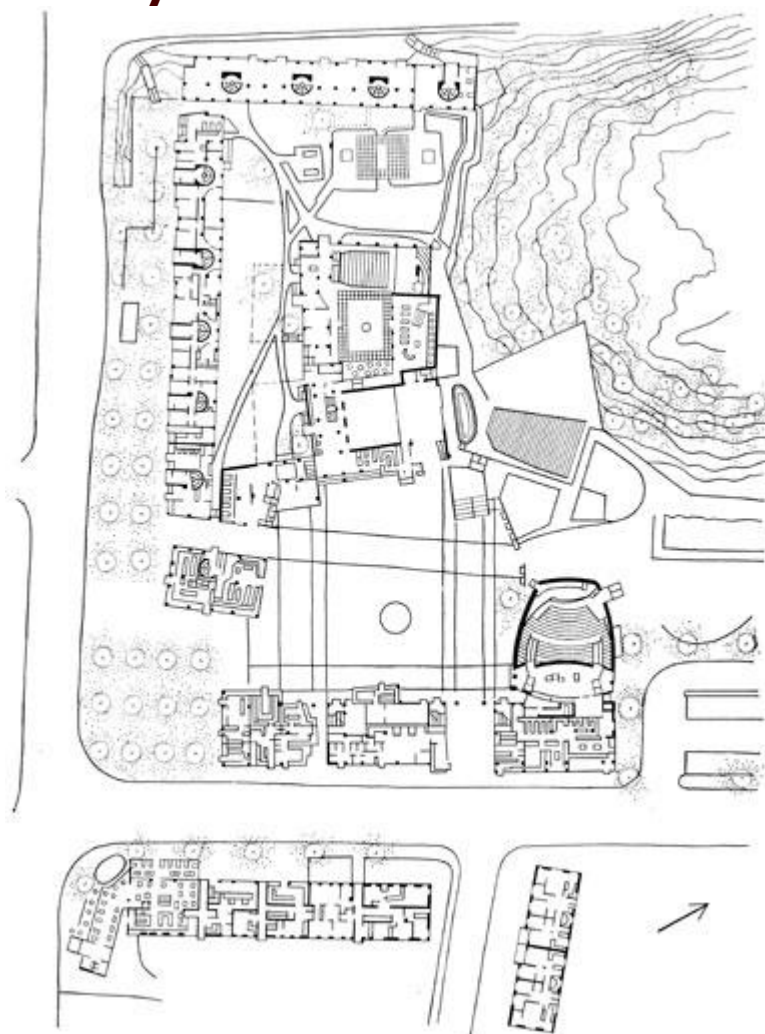
Пространственная структура Большого Стокгольма должна определяться коридорами городского развития, сходящимися к "Каменному городу". Зеленые зоны, глубоко проникающие к центру, должны сохранить структурную четкость целого. Вдоль радиусов-коридоров предполагается размещать места приложения труда всех типов. При этом занятость и рабочая сила в новых пригородных комплексах должны "коммутироваться" и весь регион рассматривается как единый "рынок занятости". Максимальная продолжительность поездки от жилья до места работы по плану не должна превышать 45 мин. При этом условии зона в радиусе 15 - 20 км будет обслуживаться линиями метро. Электрифицированные скоростные железные дороги со станциями на больших расстояниях позволят привязать к системе комплексы, удаленные от центра на расстояние до 30 - 40 км.

Система центров обслуживания (B, C, D)

Отличие плана 1970 г. от более ранних предложений - преобладающая ориентация развития системы в западном направлении. Основное строительство ведется вдоль юго-западного и северо-западного городских коридоров. Общественный транспорт развивается только вдоль радиусов. Связь между коридорами обеспечивается только индивидуальными автомашинами, для чего предусматриваются дополнительные кольца автомагистралей. Транспорт стал главным формирующим фактором структуры Большого Стокгольма. Критика не без оснований отмечает, что автомобиль, а не человек - главный "герои" для авторов плана. В конечном счете критерии планировки определяются прежде всего интересами бизнеса, а не нуждами людей.

Полуавтономные городские районы - полусателлиты Стокгольма

Центр Орста. План

Важнейшие звенья структуры Стокгольма - новые полуавтономные городские районы. Разработка их модели в 40-е гг. была начата шведскими архитекторами с вариантов, повторявших английские схемы, основанные на иерархии "микрорайон - район-город". В дальнейшем первичным элементом функциональной и пространственной организации системы стал район, а микрорайоны образуют внутренние членения его территории, связанные сетью школ.

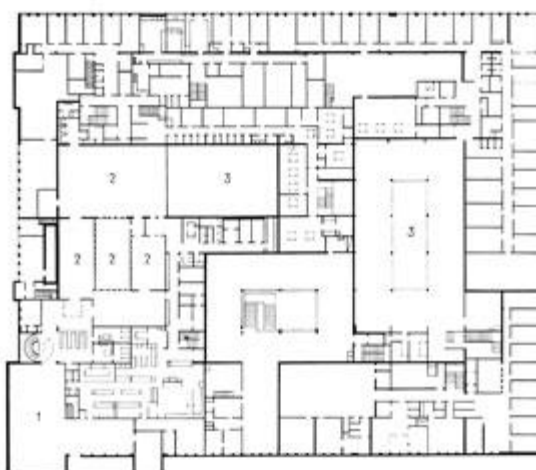
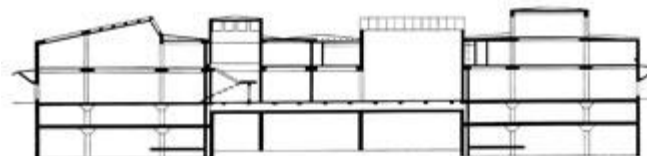
Центр Орста. Общий вид

В 1946 г. была опубликована теоретическая схема жилого района на 10 тыс. жителей (мастерская по планировке Стокгольма). Близ станции метро располагались центр обслуживания, школа и компактная жилая застройка за пределами охватывающей их кольцевой дороги - зоны экстенсивной жилой застройки. Поскольку такие районы сами по себе не могли обеспечить достаточного контингента для развитого центра обслуживания, было решено объединять их в группы, причем центр района, занимавшего срединное положение, обслуживал и всю группу. Возникала иерархия центров. Наименьшие - класс "D", занимая около 1,5 тыс. м² торговой площади, должны были обслуживать товарами повседневного спроса 3 - 6 тыс. жителей микрорайона в радиусе около 300 м. Центры жилых районов - класс "C" должны располагать 2,5 - 5 тыс. м² торговой площади, а центр городского района - класс "B" - 10 - 30 тыс. м², в зависимости от радиуса влияния.

*Веллингбю - группа районов, образующая западный полусателлит
Стокгольма. План*

К концу 50-х гг. было выявлено, что центры класса "D" с их ограниченным выбором товаров и услуг не привлекают покупателей и не оправдывают себя. Минимальный размер района, обслуживаемого центром класса "C", - 10 тыс. человек, также не мог обеспечить клиентуры для достаточно развитого центра и был увеличен до 12 - 15 тыс. человек. Но стремление покупателей к широкому ассортименту товаров ослабляло роль и таких центров. Основную функциональную нагрузку приняли на себя центры типа "B". Конкуренция вела к концентрации торговли. Процесс этот ускорялся развитием автомобилизма, определявшего предпочтительность поездок на большие расстояния к более крупным сосредоточениям систем обслуживания. Рост числа машин заставил уделять все большее внимание, с одной стороны, системе стоянок как в пределах жилых территорий, так и в пределах центров, с другой - созданию сети пешеходных дорог, не пересекающихся в одном уровне с проездами.

Центр Веллингбю. Генеральный план: 1 - жилые дома; 2 автобусная станция; 3 - административные здания; 4 - универмаг; 5, 6 - магазины; 7 - банк; 8 - универмаг, рестораны, студии художников; 9 - магазины, рестораны, конторские помещения; 10 - церковь; 11 - общественный центр; 12 - кинотеатр; 13 - жилой дом и полицейский участок;; 14 - библиотека; 15 - стоянки для автомашин; 16 - дом молодежи; план и разрез главного торгового здания: 1 - ресторан; 2 - банкетные залы; 3 - мебельные магазины (по периметру здания на 1-м этаже магазины и ателье, на 2-м - конторские помещения)

Ограничения размеров структурных единиц определялись максимально приемлемой дистанцией от жилых домов до остановок общественного транспорта. Для многоквартирных домов такая дистанция принята 400 - 550 м, для индивидуальных - 750 - 900 м. Линии рельсовых транзитных дорог, как правило, пересекают районы на две части. Станция и прямо связанный с ней общественный центр служат как бы мостом, соединяющим микрорайоны. Скоростные автомагистрали проходят вне территории района и связываются с ней дорогами второго класса. На периферии района размещаются группы промышленных предприятий. Численность населения жилых районов Стокгольма, образующих цепочки полусателлитов, колеблется от 5 до 25 тыс.

человек. Озелененные разрывы между районами не превышают 200 - 500 м. В структуре полусателлитов очевидна исторически традиционная для Швеции ориентация на малые поселения. Большой город становится как бы кооперацией группы малых городов.

Пешеходная площадь в центре Веллингбю

Первым приближением к реализации новых принципов в начале 40-х гг. был район Орста с населением 23 тыс. человек на южной окраине "Каменного города". Район был задуман как замкнутая община, сгруппированная вокруг центрального ядра, но он еще не был пространственно выделен подобно более поздним полусателлитам. Композиция разрабатывалась под влиянием американской идеи расчленения города на совокупность замкнутых единиц, что создавало возможность жесткого контроля за поведением людей в рамках этих обозримых образований. В 1943 г. архитекторы Э. и Т. Алсен спроектировали центр Орста. Торговая функция здесь второстепенна. "Главной задачей, по нашему мнению, было создание места для контактов между группами и отдельными людьми", - писали авторы проекта¹. Прокламировался акцент на "культурных и гуманных ценностях". Главное положение в композиции занимает площадь в 0,25 га, которая мыслилась авторами как место собраний, форум. К ней обращен вход в культурно-зрелищный комплекс. Общий вестибюль его связан с кафе, универсальным залом, лекционной аудиторией, библиотекой и

клубными комнатами. Кинотеатр и скромные постройки с учреждениями и магазинами дополняют застройку. Здесь нет идиллии города-сада - урбанистическая среда противопоставлена зеленому окружению. Вместе с тем городской ландшафт имеет камерный масштаб. Представление авторов о "ненавязчивом демократическом характере" архитектуры вылилось в невыразительность ее форм. Полихромная окраска, которая должна была дополнить впечатление, зрительно растворяя в пространстве скурые плоскости стен, внесла лишь ноту суетливой пестроты.

¹(*Arsta centrum, Stockholm, 1955, p. 3.*)

Побуждаемый социал-реформистскими идеями, муниципалитет финансировал строительство малорентабельных общественных зданий. Впрочем, та "жизненная модель", которая была воплощена здесь по окончании затянувшегося на 11 лет строительства, не совпала с реальностью. Постройки сами по себе не могли индуцировать развитие общественной жизни вопреки разобщенности интересов социальных групп и растущему равнодушию буржуазного "общества потребления". Пустовал "форум", мало посетителей было в культурных учреждениях. Попытки развить комплекс общественных зданий в центре района больше не повторялись в практике шведского строительства.

Комплекс общественных зданий в центре Веллингбю

Всестороннюю разработку получили поставленные по-новому задачи формирования полуавтономного городского района - Веллингбю (1950 - 1955, архитекторы С. Маркелиус, С. Бакстрём, Л. Рейниус, Х. Клемминг и др.). Цепочка из шести жилых районов этого полусателлита (Бляккеберг, Рокста, Веллингбю, Гримста, Хессельбю-горд и Хессельбюстранд)

полукольцом охватывает лесопарк Гримста площадью 200 га, лежащий на берегу оз. Меларен. Центральный и самый крупный район группы - Веллингбю (23 тыс. жителей). Его центр (тип "В") одновременно играет роль центра всей группы (население 61 тыс. человек) и распространяет свое влияние на окружающую территорию вне ее пределов, обслуживая в общей сложности более 80 тыс. человек. Чтобы сделать доступ к центру максимально удобным, общественно-торговый комплекс построен вместе со станцией метро на платформе, перекрывающей линию, которая проходит в открытой выемке. Платформа служит и связью между частями Веллингбю, разобщенными коммуникацией (под ее поверхностью устроены подъезды к зданиям центра).

Группа башенных жилых домов в центре Веллингбю

Пространственная форма группы Веллингбю - линейный город, организованный вдоль оси массового транспорта, со сгустками селитьбы - жилыми районами, ядра которых определяются станциями метро. Общая численность населения группы сравнима с населением городов-спутников Лондона, сравнимы и структурные элементы, которые здесь, однако, расположены не компактно, а подобно бусинам на нити. Расстояние между ядрами (около километра) было определено скоростным рельсовым транспортом. Планировка организована с учетом максимального приближения жилых территорий к станции. Их внутренние зоны имеют застройку городского характера с плотностью около 4500 м² жилой площади на 1 га, а внешние зоны - малоэтажную с плотностью 1800 - 2500 м² жилой площади на 1 га. Плотность населения брутто по жилому району составляет

около 100 чел/га (примерно втрое выше, чем принято в английских городах-спутниках). Районы складываются из микрорайонов с населением 2 - 4 тыс. человек, имеющих небольшие субцентры. Форма их разнообразна и предельно индивидуализирована. Высота домов "пирамидально" возрастает от одного этажа на периферии к 10 - 12 этажам односекционных домов-башен, окружающих центр и выявляющих его в пространстве. В индивидуальных домах размещено около 10% жилищ, в трехэтажных без лифтов - 70%, в односекционных многоэтажных - 20%.

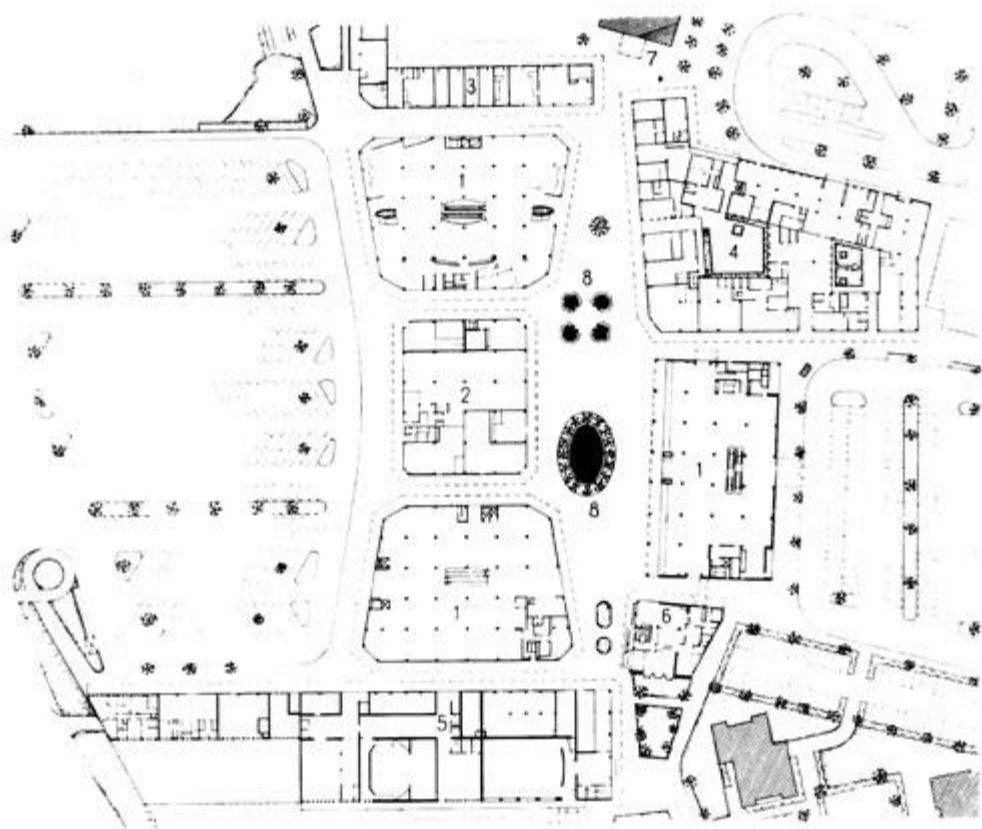

Фарста - группа районов, образующая южный полусателлит Стокгольма.

План

Реакцией на схематизм строчной застройки, обычной для Стокгольма 30 - 40-х гг., было разнообразие зданий, их живописное расположение на природном рельефе и стремление обеспечить масштабные замкнутые пространства. В некоторых частях Веллингбю стремление к живописности породило, впрочем, чрезмерно беспокойные группировки, где необычные углы, под которыми сочетаются корпуса, кажутся немотивированными, а включение элементов естественного ландшафта - нарочитым (как, например, в микрорайоне Рокста-II). Контрастные сочетания протяженных трехэтажных домов с домами-башнями делают чрезмерно беспокойной общую панораму района. Однако центр, выявленный расположением на скалистом холме и

тесным кольцом домов-башен, образует заметный ориентир в среде, которая в целом хорошо связана с романтическим ландшафтом. Подобный прием выделения центрального комплекса стал общепризнанным.

Центр Фарста. План: 1 - универмаг; 2 - магазины, библиотека и конторы; 3 - офисы; 4 - специализированные магазины; 5 - кинотеатр центр с магазинами в 1-м этаже; 6 - ресторан; 7 - метро; 8 - фонтаны

Центр Веллингбю, построенный первым среди центров класса "В" в Стокгольме (сдан в эксплуатацию в 1954 г.), проектировали архитекторы С. Бакстрём и Л. Рейниус. Он имеет комплекс культурных учреждений, включающий кинотеатр, залы для собраний, дом молодежи, библиотеку; примыкает к нему и церковь. Торговая группа центра состоит из универсальных и специализированных магазинов, ресторанов и мастерских, сблокированных в крупные объемы. С его строительством, как и с центром в Орста, связывались определенные социально-политические замыслы. По случаю открытия центра Веллингбю стокгольмская газета писала: "Социальные конфликты становятся столь велики, столь пылки и разнообразны, что возникает жизненная драма - драма, которая будет прекращена, если Веллингбю станет образцом!"¹. Но уже вскоре произошла "переориентация" нового комплекса. Запланированный театр так и не был построен, 15 лет пришлось ожидать завершения спортивного зала. Торговый комплекс, напротив, был значительно расширен уже в начале 60-х гг. (торговые площади увеличились с 18 до 31 тыс. м²). Были построены и офисы на 2 тыс. рабочих мест. Значительные коррективы пришлось ввести в связи с развитием автотранспорта. Уже в 1957 г. покупатели, приезжающие к центру

на машинах, составляли 30% общего числа, а метро использовали только 27%. Чтобы увеличить число стоянок до 1100, в 1965 г. был создан многоуровневый открытый паркинг.

¹(*"Stockholms Tidningen*», 14 nov., 1954.)

Главный элемент композиции центра - пешеходная площадь, связывающая его зоны. Несмотря на то что ее пространство эффектно контрастирует с отходящими от нее узкими пешеходными улицами, системе недостает ясно ощутимых объединяющих элементов. Фрагментарность впечатления усиливается пестротой построек. Торговый комплекс явно доминирует над культурно-общественным, смещенным к южной границе территории центра.

Центр Фарста. Общий план

В 1953 - 1960 гг. строился другой полусателлит Стокгольма - Фарста в 14 км южнее общегородского центра. Его структура основана на тех же принципах, что и Веллингбю, а его центр также обслуживает прилегающие районы (Губбенген, Хёкаренген и Шендал). Территория селитьбы главного района разделена на микрорайоны с населением 5 - 7 тыс. жителей (общая их численность в главном районе 27 тыс., а в группе - 56,6 тыс. человек).

Структурные членения менее четки, чем в Веллингбю. Район расположен вдоль узкой долины, использованной для организации двух ярусов подземных проездов, обслуживающих центр. Линия метро поднята на эстакаду. Сочетание зданий различных типов хорошо связано с топографической ситуацией. Контрасты в застройке более резки, чем в Веллингбю: центр подчеркнут окружающими его группами 14 - 16-этажных башен, треть жителей живет в домах высотой 8 - 16 этажей, около 20% - в одноэтажных индивидуальных постройках.

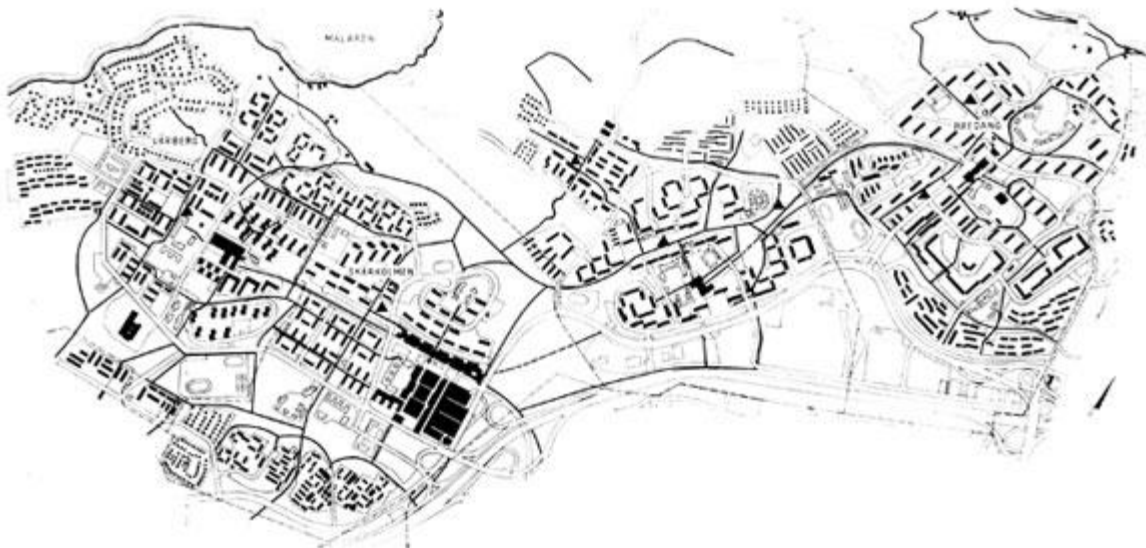
Фарста. Группа башенных домов, примыкающих к центру

Центр класса "В" открыт в 1960 г. (архитекторы С. Бакстрём и Л. Рейниус). Он лежит у пересечения автомагистрали с линией метро и непосредственно связан со станцией. Торговые здания, построенные на общей бетонной плите, под которой расположены гаражи и обслуживающие проезды, имеют 28 тыс. м² рабочей площади. Центр этот планировался для обслуживания покупателей, приезжающих как на метро, так и автомашинами из региона, насчитывающего около 200 тыс. жителей. Поэтому кроме гаража на 600 машин здесь созданы открытые паркинги на 1700 машин. Автомобильное движение и пешеходы в пределах центра полностью разделены.

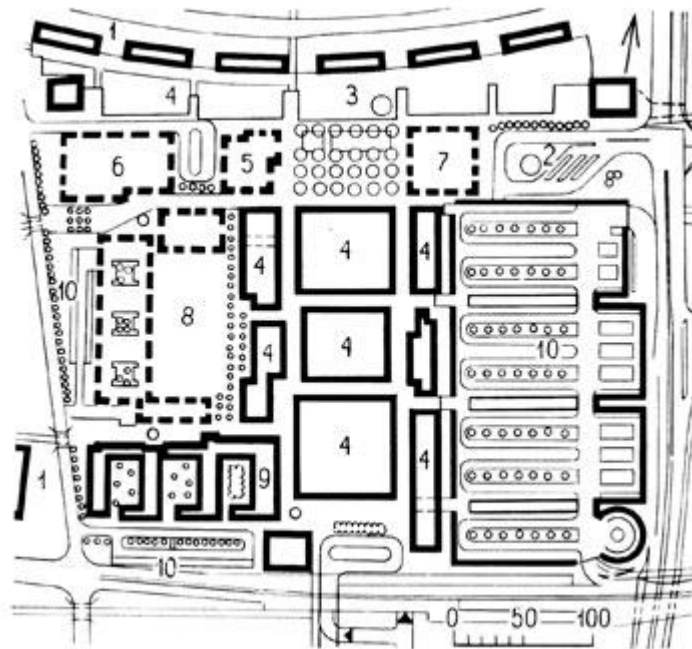
Фарста. Группа башенных домов, примыкающих к центру

В этом ансамбле уже безраздельно доминируют коммерческие предприятия, которые группируются вокруг интимной площади с ромбовидным планом, подсказанным средневековой пьящей дель Эрбе в Вероне (Италия). Пространство площади масштабно и пропорционально; замкнутость ее подчеркнута узостью подходящих к ней улиц и тем, что они выходят на нее под большими консольными навесами. Однако стремление создать оживленную, влекущую к себе среду и сохранить индивидуальность каждого торгового предприятия переросло в нарочитую пестроту и разнохарактерность обрамляющих площадь построек. Критики называют эту архитектуру "крикливой и смешной". Огромные территории паркингов пространственно изолировали центр от жилых массивов. Вечерами и по воскресеньям, когда магазины не работают, их пустота почти пугающая. В 1961 г. было начато строительство Шерхолмена на юго-западном радиусе стокгольмского метро. Полусателлит состоит из четырех попарно сгруппированных районов. Бреденг - Сэтра и Шерхолмен - Ворберг. Районы четко выделены, но не имеют ясно обозначенного внутреннего членения на микрорайоны. Их пространственная организация отражает стремление к более строгим и урбанистичным решениям, характерным для шведской архитектуры 60-х гг. Первым был завершен район Бреденг (1963, архит. К. Э. Сандберг), имеющий около 17 тыс. жителей. В отличие от комплексов предшествующего десятилетия с их прихотливой живописностью он приведен к четкой системе, где доминируют три группы протяженных восьмизэтажных корпусов.

*Шерхолмен, группа районов, образующая юго-западный полусателлит
Стокгольма. План*

На восточном фланге массива Шерхолмен-Ворберг в 1968 г. открыт самый крупный в Стокгольме центр класса "В", лежащий между линией метро и вылетной автомагистралью (архитекторы С. Феук, В. Бойсен, Д. Эфвергрэн, Х. Боргстрём, Б. Линдроос и др.). Кроме самого полусателлита он обслуживает зону с населением до 300 тыс. человек. Торговая площадь его магазинов составляет 74 тыс. м², они совершенно оттеснили культурно-общественный комплекс (школа, которая вечерами должна выполнять функции общественного центра, спортивный зал, церковь), строительство которого к тому же затянулось. При центре создан трехуровневый паркинг на 4 тыс. машин - самая большая автостоянка в Европе (площадь парковки 125 тыс. м² при площади застройки 35 тыс. м²). Доставка товаров к магазинам осуществляется системой подземных проездов.

Центр Шерхолмена. Генплан. 1 - жилые дома; 2 - автобусная станция; 3 - станция метро; 4 - торговые и конторские здания; 5 - церковь; 6 - спортцентр; 7 - административное здание; 8 - гимназия; 9 - дом для престарелых; 10 - стоянки

Центр лежит в небольшой долине, идущей с запада на восток, и организован вдоль оси, поперечной этому направлению. Перспективы основных его пространств замыкаются склонами и их застройкой. Примыкающие жилые группы компактны, доминируют параллельные ряды протяженных типовых домов, нет вертикальных акцентов. Спускающиеся террасами по склону ряды 6 - 8-этажных построек, по образному выражению английского критика, "кажутся наступающими как мстительные гиганты с высокого холма на станцию метро"¹. Пространства центра, открытые только для пешеходов, соединены с соседними кварталами надземными и подземными переходами. На северный склон поднимаются пандусы и наклонно движущиеся лифты. Урбанистичность центра подчеркнута массивностью построек, образующих плотный фронт застройки нешироких улиц. Главную ось композиции начинает прямоугольная, традиционно симметричная площадь перед станцией метро. Далее на эту ось нанизаны мощные объемы: два универмага и блок крупных магазинов. По сторонам этой оси располагаются корпуса со специализированными магазинами внизу, офисами и квартирами наверху, ограничивая пространства улиц. Центральные объемы своей мощью подавляют фланговые с их более камерным масштабом, как бы воплощая торжествующую концентрацию в сфере торговли. В систему центра введен дом для престарелых на 200 квартир. Его жителей привлекают и оживленность окружения, и возможность совершать покупки у самого дома.

¹(Rowe A. H. *Stockholms malaise*. «Building», 1972, № 28, p. 84.)

Центр Шерхолмена. Аэрофото

Центр четко выполняет свои функции. Многие шведы, однако, видят в нем воплощение тенденций современного буржуазного общества, тотальную победу обезличенности, вдохновленного Америкой, ориентированного на автомобиль коммерциализма. Английский журнал приводит характерные мнения жителей: "Шерхолмен построен для единственной функции: покупательского потребления, сконцентрированного в крупномасштабную операцию... Здесь ничего нет в часы, когда закрываются магазины"¹.

¹(Irons G., Skarholmen: fact and fancy. «The Architect and Building News», April, 1970, p. 55.)

Центр Шерхолмена. Улицы торгового комплекса

Гораздо более приветлив внешне созданный в том же полусателлите центр класса "С" в районе Бреденг (1965, архитекторы Дж. Хейер и С. Лингквист). Линия метро, поднятая на эстакаду, пересекает его площадь, станция входит в компактную группу зданий, разных по высоте, но связанных в уравновешенную композицию. Объединяющую тональность создают здесь грубоватая пластика и характер отделки, в которой сочетаются неоштукатуренный красный кирпич с бетоном. Торговые постройки и офисы центра сгруппированы по одну сторону линии метро, общественные - по другую; те и другие масштабны, отмечены корректностью форм.

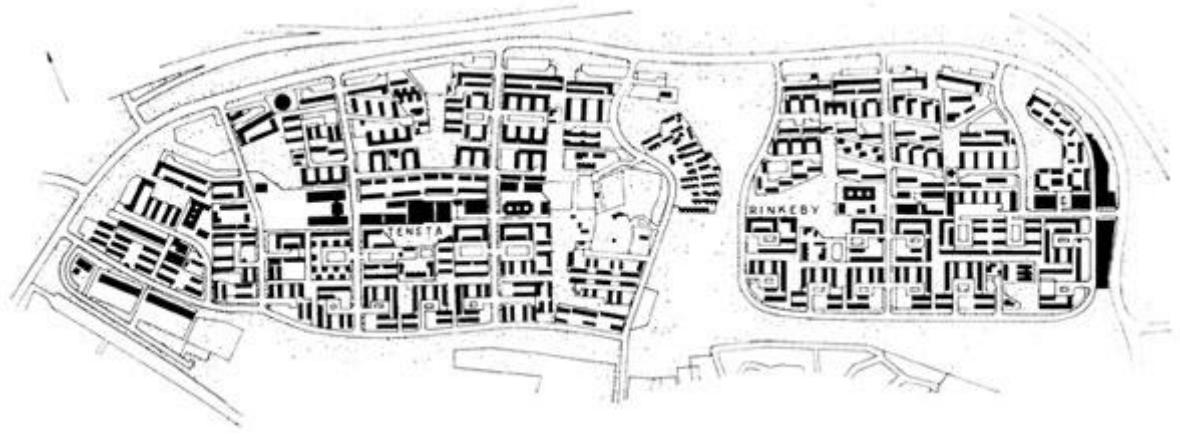
Центр Шерхолмена. Улицы торгового комплекса

Следующим по времени после Шерхолмена полусателлитом Стокгольма стал Ринкебю-Тэнста (1964 - 1970, архитекторы Дж. М. Стэкк и И. Дергалин) с населением 21 тыс. жителей. Тенденция линейного построения структуры, усилившаяся уже в композиции Шерхолмена, окончательно утвердилась. Полосовой центр резко отличается от "ядер" более старых полусателлитов. В срединную полосу обслуживания над будущей линией метро, станции которой здесь сближены, включены и участки для контор и небольших промышленных предприятий. Более последовательно, чем ранее, проводилась дифференциация сети дорог. Улицы, обслуживающие район, проложены в выемках. Для их пересечения пешеходными дорожками устроены мостики. Здесь нет домов-башен. Шестиэтажные постройки расположены под прямыми углами, плотность их групп выше, чем было обычно в 50-е гг. Большие озелененные пространства располагаются не внутри комплексов, а на их периферии. Архитекторы прокламировали задачу: создать новый тип среды, соединяющей концентрацию и регулярность городского окружения с зеленью, простором и покоем.

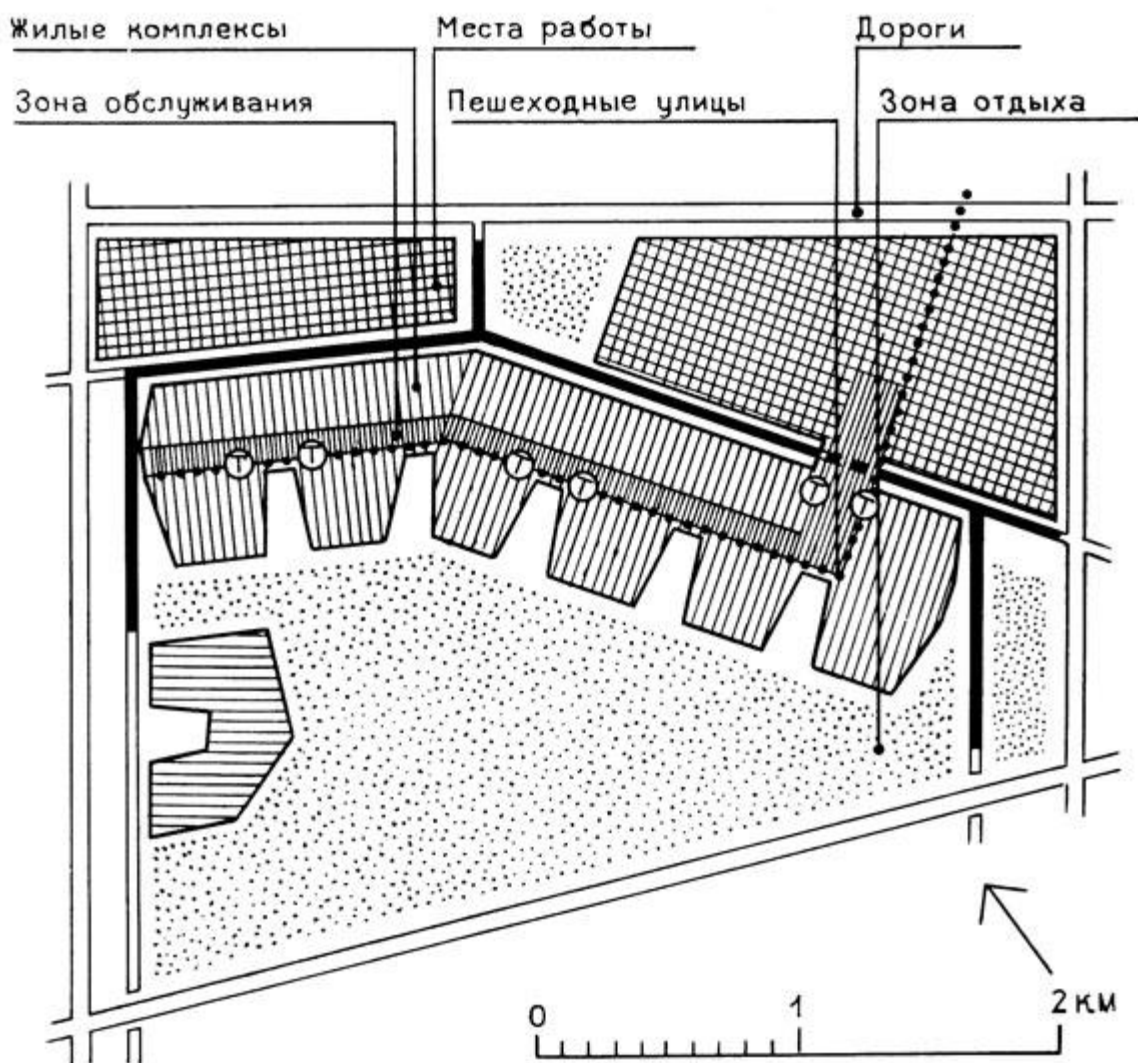
Центр района Бреденг

Однако район разочаровывает. Кажется, что в стремлении преодолеть недостатки, характерные для комплексов 50-х гг., - чрезмерную разбросанность и произвольную живописность застройки, архитекторы утратили многие положительные качества композиции. Район монотонен, план его, несмотря на прямоугольность застройки, запутан. Плотность групп кажется необъяснимой в контрасте с обширными, открытыми вокруг пространствами. Скудность озеленения, необычная для Швеции, подчеркивает недостатки комплекса.

Район Ринкебю-Тэнста. План

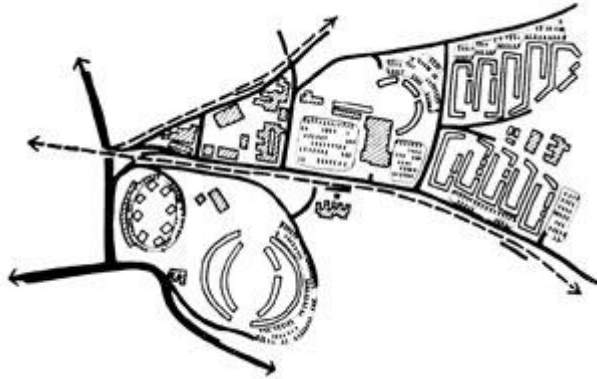
Еще более последовательное развитие получила линейная схема в последнем из полусателлитов Стокгольма - Норра Ервафелтет, который спроектирован на 30 тыс. жителей (к 1978 г.). Здесь предполагается вновь вернуться к широкому диапазону этажности домов - от 2 на периферии до 10 - 13 у станций метро. В жилых группах, скомпонованных более четко, чем в Ринкебю, формируются системы замкнутых прямоугольных дворов. Северную часть района образует зона промышленности и офисов - самое крупное в Стокгольме средоточие мест приложения труда после центрального делового района. С завершением строительства Норра Ервафелтет земельные ресурсы в пределах городских границ будут исчерпаны и развитие станет возможно лишь на территориях пригородов системы Большого Стокгольма.

Район Норра Ервафелтет. Схема генерального плана

В 60-е гг. во внутреннем поясе пригородов строительство активно велось лишь в северной зоне, ближе всего расположенной к центральному деловому району и отделенной от "Каменного города" водными протоками. Здесь был создан (в 12 км севернее центра Стокгольма) самый претенциозный новый комплекс агломерации - Тэбю (1955 - 1961, архитекторы С. Линдстрём, А. Бюдэн, Б. Остнэс). Жилую застройку его образуют три группы гигантского масштаба среди плоского ландшафта, рассеченного полосами автомагистралей и их мощными развязками. Пластические аспекты явно доминируют в композиции групп. Одна из них образована восемью 17-этажными башнями, расположенными по овалу и как бы намечающими некий единый "сверхобъем"; другая группа складывается из четырех длинных зданий 10 и 4 этажа, образующих в плане сегменты круга. Напряженность динамичных ленточных пространств, зажатых между разновысотными криволинейными корпусами, производит большое впечатление. Однако искусственная сближенность домов нарушает визуальную изоляцию жилищ. Скученность людей при огромных пустых пространствах вокруг кажется абсурдной. Средняя плотность здесь много ниже, чем в Веллингбю. Дома поднимаются среди пейзажа как титанические

скульптуры. Архитекторами руководило стремление индивидуализировать городской ландшафт, создать весомый "контраргумент" живописной разобщенности более старых пригородов и при этом острыми формальными эффектами вызвать эстетические эмоции.

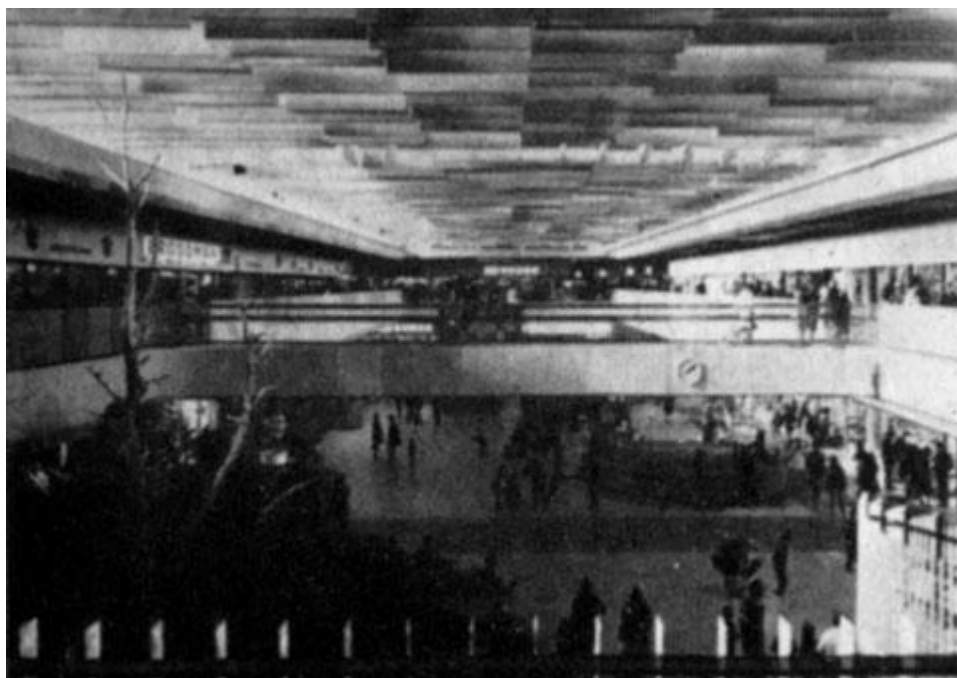
Тэбю, пригород Стокгольма. План

Огромные зеленые пространства отделяют жителей от железнодорожной станции и крупного центра класса "В", обслуживающего 110 тыс. человек (в перспективе - 150 тыс.). Гигантская "подкова" жилого корпуса, выявляющая пространственное положение центра, первоначально была запроектирована 24-этажной но в результате протестов жителей понижена до 17 этажей (что, впрочем, вряд ли улучшило композицию). Сам центр (1968, архитекторы Р. Линдман и С. Линдстрём) имеет комплекс торгового обслуживания, полностью размещенный под одной крышей, - решение, в условиях шведского климата завоевавшее многочисленных сторонников. Объем здания 250 тыс. м³. Здесь находятся два больших универмага, супермаркет, 40 мелких специализированных магазинов (общая торговая площадь 30 тыс. м²), аптека, банк, кинотеатр. Магазины размещаются в два яруса вокруг впечатляюще обширного пространства центрального холла с регулируемым климатом (размер 99 x 30 м). Гибкость планировки торговых помещений обеспечивается шагом колонн 9 м.

Тэбю, пригород Стокгольма. Аэрофото

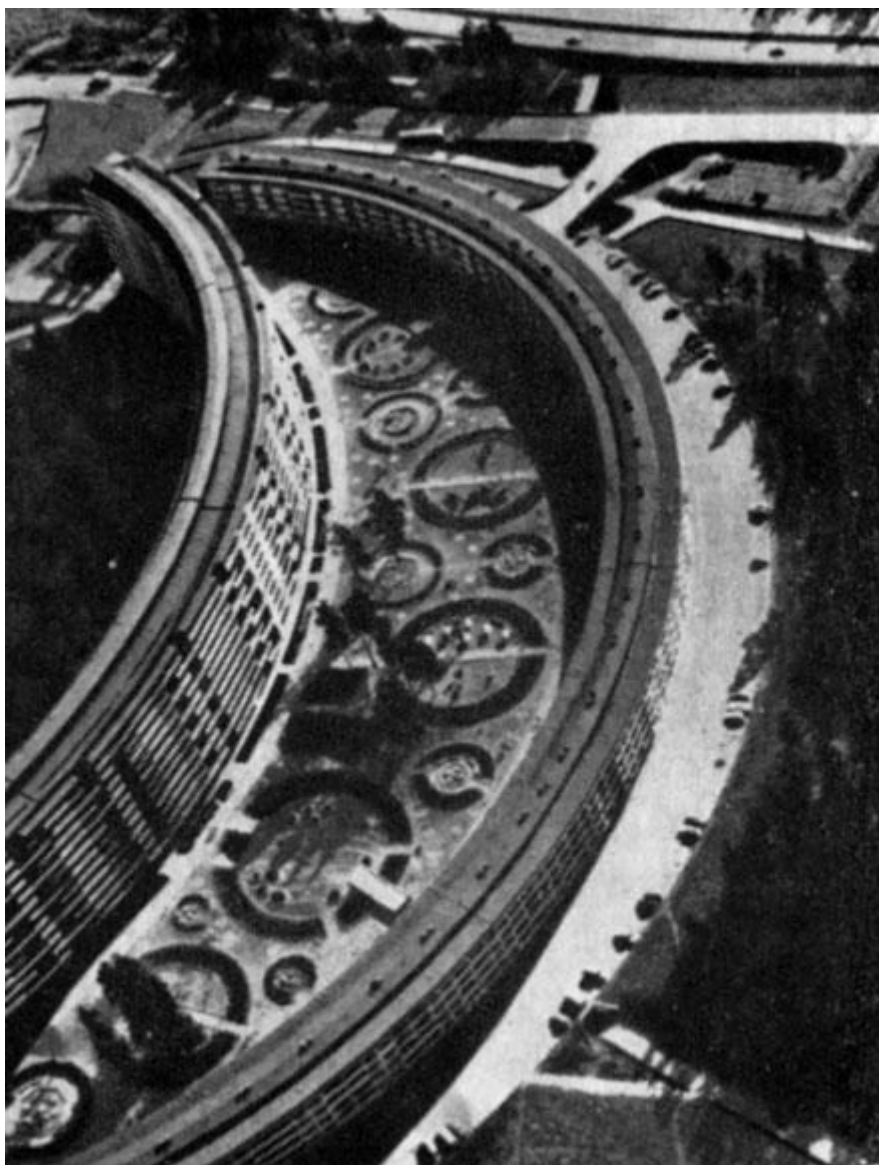
Другой крупный центр класса "В" построен в старом городе Сулна (60 тыс. жителей), входящем в систему Большого Стокгольма (1965, архит. С. Фролен и др.). Для центра здесь был отведен треугольный участок в вилке городских магистралей, основанием своим упирающийся в живописный парк на склонах возвышенности. Основной архитектурный эффект комплекса строится на контрасте его урбанистической среды и парка. Высокие объемы ратуши, Народного дома и трех конторских зданий, связанных фронтом магазинов, сгруппированы вокруг протяженной пешеходной площади, замкнутой с одной стороны ратушей, с другой - скалистым склоном холма. Подчеркнутые вертикальные ритмы несколько однообразных зданий доминируют в жестко дисциплинированном, строгом ансамбле. "Пилообразная" застройка улицы, под углом отходящей от площади, более живописна. Замкнутость участка, зажатого магистралями, определила традиционность композиции, завершенной и не допускающей развития. Многофункциональность этого центра с крупным комплексом коммунальных учреждений, библиотекой, выставочным залом, театром, конференц-залом и отелем способствует его оживленности и в часы, когда не работают магазины. Архитектурная концепция полярна той, которая использована в центре Фарста.

Центр Тэбю. Интерьер торгового здания

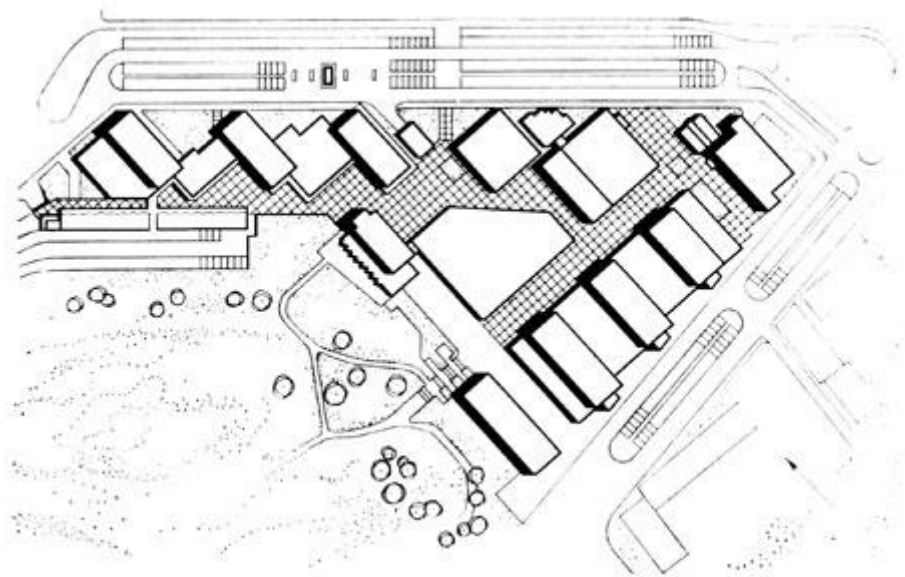
Развитие Гётеборга

Этот город, второй по величине и значению в Швеции, - ее крупнейший внешнеторговый порт и важный промышленный центр, лежит на западном побережье страны в устье р. Гёта-эльв. С 30-х гг. регион, сложившийся вокруг Гётеборга, активно увеличивает свою долю в населении страны. В 1963 г. город и 27 пригородных муниципалитетов были объединены в систему Большого Гётеборга, число жителей которого в 1970 г. составило 661 тыс. (собственно Гётеборг 447 тыс.) и по прогнозам достигнет 750 тыс. к 1980 г. и 1 млн. к 2000 г.

Тэбю. Группа дугообразных домов

Ландшафт Гётеборга с крутыми перепадами рельефа, обнажениями скал, глубокими долинами и водными протоками, образующими естественные членения территории, схож с ландшафтом Стокгольма. Аналогичной была и установка градостроителей на создание расчлененной структуры и развитие города путем наращивания функционально кооперируемых единиц, обладающих вместе с тем определенной мерой самостоятельности. Однако концепция эта в Гётеборге не могла быть воплощена с той же степенью последовательности, как в Стокгольме, и потому, что меньше масштаб города, а единый центр здесь не мог стать столь же мощным "магнитом", как центр столицы государства, и потому, что муниципалитет, имея меньшие налоговые поступления, не мог скупать пригородные земли столь же широко, как муниципалитет Стокгольма. Поскольку здесь нет тяготения учреждений и коммерческих предприятий к ограниченной "зоне престижа", стремление к децентрализации выявляется сильнее.

Центр города Сулна под Стокгольмом. План, перспективы пешеходной площади от парка к ратуше и от ратуши к парку

С инерцией постепенного наращивания единого массива застройки покончил план 1947 г., наметивший территории новых городских районов юго-западнее, северо-восточнее и северо-западнее центра, при полной реконструкции транспортной системы. Новые крупные территории в северо-западном и северо-восточном направлениях, введенные в границы города в 1959 и 1965 гг., позволили увеличить площадь Гётеборга до 365 км². Поскольку определились главные "коридоры урбанизации", было принято решение именно там разместить основную часть новых объемов строительства. На северо-востоке, в районе Ангеред, начато создание нового, пространственно обособленного ядра общегородского центра. Между ним и старым центром предполагается развитие основных видов деятельности общегородского значения, обеспечиваемых мощным радиусом системы общественного транспорта. В то же время ведется реконструкция исторического центра, имеющая целью сохранить его основную пространственную структуру за счет рационального перераспределения функций и дифференцированного использования дорог. Развитие кольцевых направлений должно снизить концентрацию транспортных потоков в центре. Крупные жилые районы, построенные на периферии Гётеборга за последние десятилетия, такие, как Фрёлунда, Хёгсбу-Флатос, Бископсгорден, Кортедала, имеют население порядка 20 - 30 тыс. человек. Они не связываются столь же четкой системой функциональной кооперации, как пригородные районы Стокгольма, и не образуют групповых полусателлитов. Каждый район представляет собой обособленную единицу, функционально и пространственно не связанную с соседними. Центры этих районов Гётеборга аналогичны центрам класса "С" в пригородах Стокгольма, и лишь во Фрёлунде создан центр, вокруг которого кооперируются жилые массивы прилегающих зон с населением до 100 тыс. человек (центр класса "В").

Центр города Сулны. Перспективы пешеходной площади от парка к ратуше

Характерна и внутренняя раздробленность самих районов, воспринимающихся почти как арифметическая сумма жилых групп, каждая из которых пространственно обособлена, обладает отличной от соседних групп композицией, застроена иными типами зданий (диапазон типов чрезвычайно широк как по числу этажей - от 1 до 15, так и по объемному построению). Отсутствие в районах четких систем дорог, обеспечивающих линейную ориентацию при хаотичности сочетания объемов, исключает восприятие подобного района как некоей целостности. Неразвитые и довольно случайно расположенные торговые центры также не становятся опорой ориентации в пространстве. Рельсовые и автомобильные дороги, связывающие районы с центром и между собой, проходят вдоль их периметра, соприкасаясь с территорией лишь в одной - двух точках (станция, стоянка). Они также не позволяют развить ощутимые пространственные связи, не создают чувства непрерывности городской территории. Слабость ориентирующих систем и замкнутость отдельных жилых групп усугубляют разобщенность и отчуждение между их жителями.

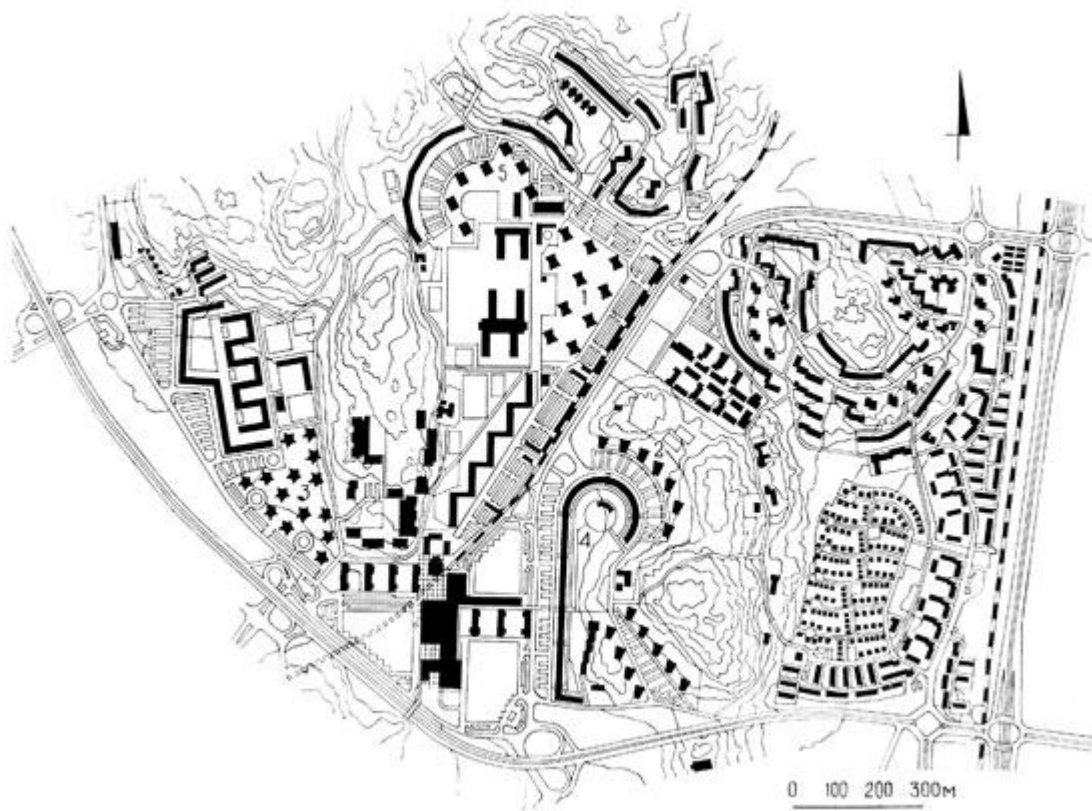

Центр города Сулна. Перспективы пешеходной площади от ратуши к парку

Исключительная щедрость природных форм в романтических окрестностях Гётеборга при такой ситуации уже не оценивается как абсолютное благо. Снижая значение тех немногих особенностей структуры застройки, которые могли бы помочь ориентироваться в пространстве, естественная живописность мешает восприятию целого и кажется подавляющей архитектуру. Видимо, поэтому поиски форм, геометрия которых способна "выстоять" в контрасте с богатством естественного ландшафта, характерные для шведской архитектуры 60-х гг., в Гётеборге привели к крайностям (прямые корпуса длиной в несколько сот метров и жесткие прямоугольники периметрально обстроенных дворов на сильном рельефе, неожиданные сочетания корпусов, изогнутых по циркульной кривой, и т. п.). Возникли нарочито жесткие схемы как реакция на "сентиментализм" архитектуры 50-х гг.

Район Кортедала является типичным примером строительства 50-х гг. Он расположен в 8 км к северо-востоку от центра Гётеборга и связан с ним трамвайной линией. Основная часть района создана в 1952 - 1957 гг. (планировочное управление Гётеборга, архитекторы Э. и Т. Алсен, С. Бролид, Я. Валиндер, Н. Э. Эрикссон). Территория в 220 га имеет исключительно сложный рельеф и считалась ранее непригодной для застройки (разница уровней между частями района превышает 60 м), что в известной мере предопределило разобщенность частей. Однако организация проездов и композиция жилых групп не преодолевают, а скорее подчеркивают это свойство. Членение на микрорайоны здесь отсутствует, небольшие магазины, школы и детские сады равномерно распределены на ровных участках

территории. Центр района, магазины и офисы которого имеют общую рабочую площадь около 16 тыс. м², пространственно не выявлен и не получил выразительной композиции (1955 - 1960, архитекторы Э. Рагндал и Дж. Туверт).

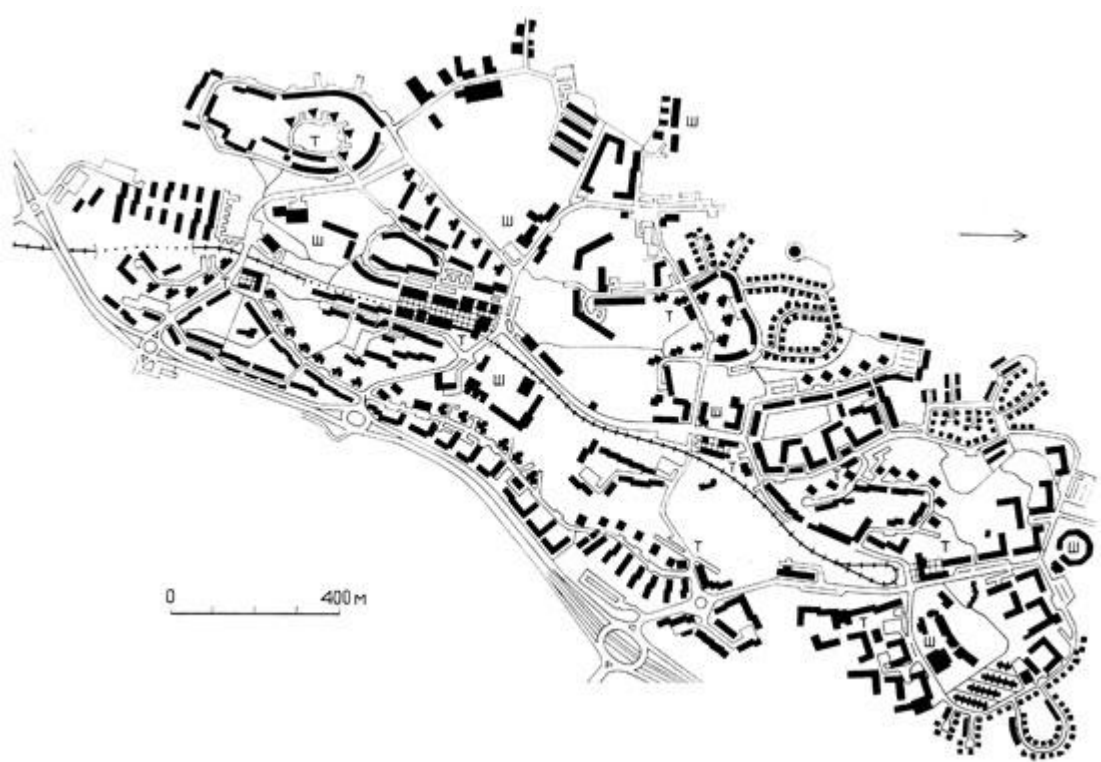
Гётеборг, Район Вэстра Фрёлунда. Генплан

Жилые дома (число жилищ 8500, жителей 28 тыс.) строились пятью фирмами, каждая из которых выполняла определенную группу жилищ и поручала проектирование своим архитекторам, не заботившимся об увязке решения с другими группами. При этом использовались различные материалы и методы строительства, что подчеркивало несходство пластических качеств, масштаба и цвета построек: одноэтажных индивидуальных и сблокированных, многоквартирных "пластинчатых" в 3 - 5 и 8 этажей, "точечных" в 9 - 11 этажей. Природный ландшафт Кортедалы с ее мощными гранитными скалами, соснами и березовыми рощами исключительно красив. Архитектура высокого качества отличает некоторые постройки (особенно интересна жилая группа в южной части района, построенная по проекту архитекторов С. Бролида и Я. Валиндера). Однако целостное представление о районе не возникает, трудно ориентироваться в его среде.

Гётеборг. Схема генерального плана

Городской район Вэстра Фрёлунда расположен в 7 км юго-западнее центра города. Его центральный жилой район имеет площадь 200 га, где расселены около 30 тыс. человек. Застройка здесь более или менее четко делится на пять жилых групп, различных по пространственной организации и характеру построек. Наиболее трудные участки оставлены пустыми, образуя зеленые интервалы между группами. Здесь уже широко представлены формальные поиски 60-х гг. Так, одна из групп (1965, архитекторы С. Бролид, Н. Э. Эрикссон, С. Ханссон и В. Кислинг) имеет трехэтажный корпус, прямая часть которого длиной 450 м завершается кривой, образующей в плане $\frac{3}{4}$ круга диаметром 180 м. Группа из семи 12-этажных точечных домов развернута по кривой, параллельной закругленной части корпуса. Вторая группа из девяти домов обрамляет клинообразный паркинг, как бы "указующий" на пространство двора, ограниченного с одной стороны "длинным домом", с другой - склоном холма. Эффекты этой композиции воспринимаются только на чертеже плана, в натуре она распадается на довольно монотонные фрагменты.

Гётеборг. Район Кортедала. Схематический план. (Т - торговые центры, Ш - школы)

"Длинный дом" служит фоном для паркингов большого центра класса "В" занимающего южную часть района у автомагистрали (1967, архитекторы Х. Клемминг и Э. Телаус) и рассчитанного на обслуживание 100 тыс. жителей. Центр Фрёлунды был первым результатом признания идеи необходимости разгрузки общегородского центра Гётеборга за счет развития крупных вторичных центров. Его участок имеет форму равностороннего треугольника, в вершинах которого расположены большие паркинги, в середине находится группа сблокированных зданий, к которой пешеходы попадают по мостикам над магистралью или подъезжают снизу на трамвае, проходящем в туннеле. Здания обслуживаются по туннелю, соединенному с подземными складами.

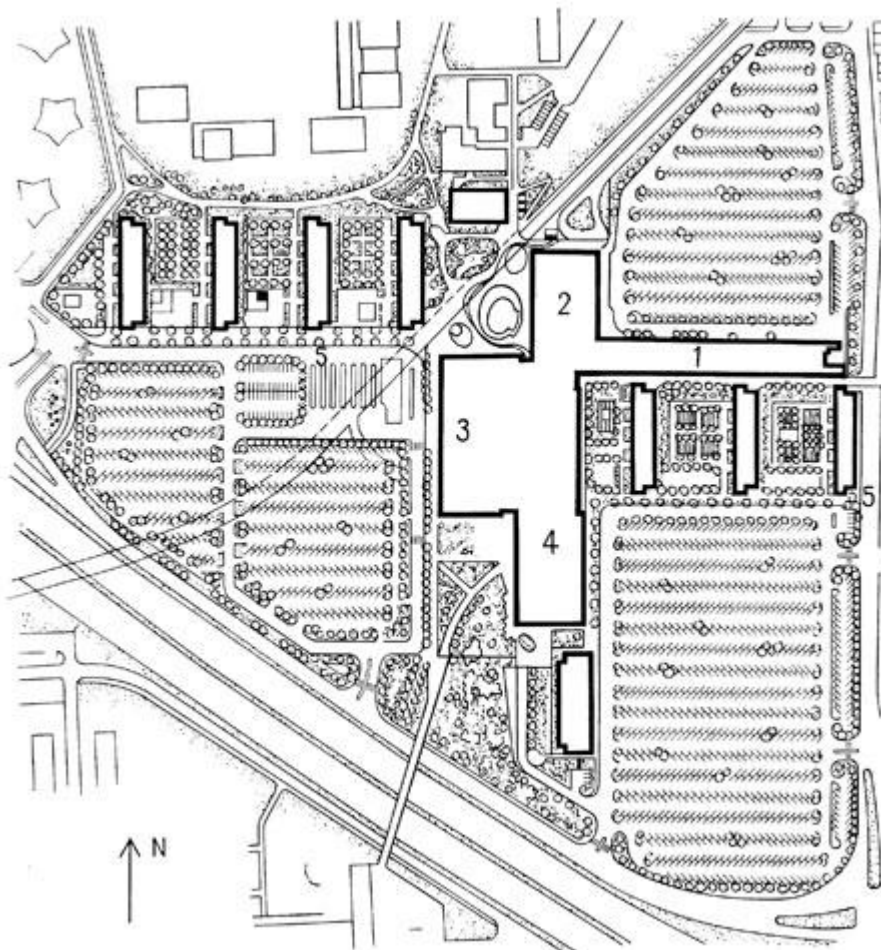
Гётеборг. Район Кортедала. Торговый центр

В торговые помещения можно попасть как на уровне трамвайной остановки, так и с уровня площади, связанной с остановкой трамвая открытой лестницей через эффектный овальный дворик. Пространственное ядро, двусветный зал с кондиционированным воздухом, перекрыт эффектными нависающими пространственными конструкциями из монолитного железобетона. Мощные кривые винтовых лестниц, связывающих уровни, галереи и балконы, обычно наполненные людьми, обеспечивают эффект оживленности этого главного пространства. Вокруг него сосредоточены специализированные магазины. По двум сторонам к центральному блоку примыкают корпуса универмагов; протяженный корпус включает некоторые дополнительные магазины и административные помещения. Торговая площадь в целом около 30 тыс. м². Комплекс центра, сблокированный из нескольких корпусов, позволяет посетить основные магазины и учреждения, не выходя из-под крыши. Соответственно основные эффекты архитектурной композиции связаны с системой интерьеров, решительно центрированной главной перекрытой площадью. Извне группа распластанных краснокирпичных объемов, окруженная громадными автостоянками, невыразительна.

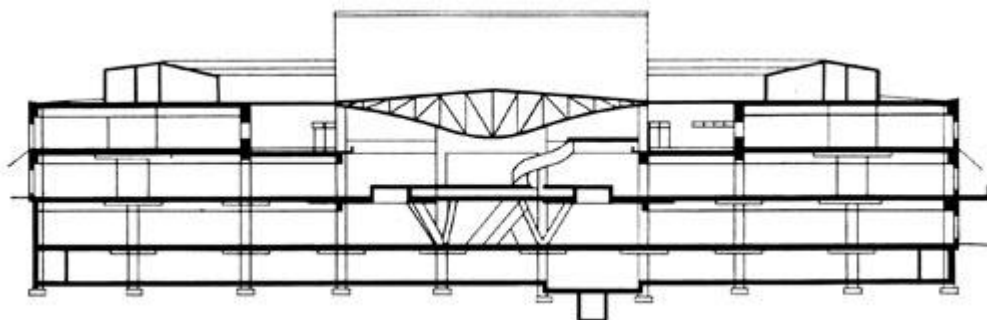
Гётеборг. Район Кортедала. Жилая группа

Мальмё и малые города

Вэстра Фрёлунда. Торговый центр. Генплан. 1 - здание с административными учреждениями района и магазинами; 2 - универсальные магазины; 3 - блок специализированных магазинов; 4 - офисы; 5 - жилые корпуса

Вокруг Мальмё, лежащего против Копенгагена на берегу залива Каттегат, сложился интенсивно развитый регион, по своей структуре и ландшафту отличающийся от типа, обычного для страны. Здесь, на плодородной равнине, городские поселения чередуются с ценными сельскохозяйственными территориями. Развитие прямых связей с Данией активизирует рост агломерации.

Вэстра Фрёлунда. Торговый центр. Разрез блока специализированных магазинов

Средневековые каналы служили границей Мальмё до середины XIX в., когда началось концентрическое наращивание городской территории. В первые десятилетия нашего века на приобретенных муниципалитетом окрестных землях происходило рассредоточенное строительство небольших поселков, застроенных индивидуальными домами. Однако, ограниченный полукольцом ценных сельскохозяйственных земель, город начал заполнять пространства между пригородами-садами, вновь приобретая качества непрерывного застроенного массива. Специфическая ситуация поощряла развитие компактной структуры, при которой расстояния между жильем, местом работы и городским центром невелики (распространившись вдоль побережья примерно на 10 км, Мальмё занял территорию, глубина которой не превышает 6 км). Концепции, использовавшиеся в Стокгольме и Гётеборге, оказались здесь неприменимы. Мальмё формируется как единый массив, что исключило развитие новых крупных центров.

*Вэстра Фрёлунда. Торговый центр. Блока специализированных магазинов -
интерьер холла в этом блоке*

Территория жилых районов застраивается здесь интенсивнее, чем в других шведских городах. Пространственная организация районов более компактна, и, кроме того, в застройке используются дома с более широкими корпусами и большим числом квартир на одну лестничную клетку, чем это обычно в Швеции. Характерен район Лоренсборг (1957 - 1960, архитекторы Ф. Янекке, С. Самуэлсон, Т. Росс и В. Торнберг) с крупнопанельными домами (протяженные объемы от 4 до 16 этажей), завершенный в начале 60-х гг. Почти соприкасающийся со старым городом, он вместе с тем не имеет с ним организованной пространственной связи, а масштаб новых построек и формируемых ими пространств резко отличается от сложившегося в старых кварталах. Архитектура района строга и корректна; четкость композиции с прямоугольными дворами придает ему урбанистический характер, который присущ и среде соседних районов. Однако несопоставимость масштабов не преодолена, несмотря на "буферные зоны", образуемые парком Пилдамм и спортивным комплексом с городским стадионом и плавательным бассейном.

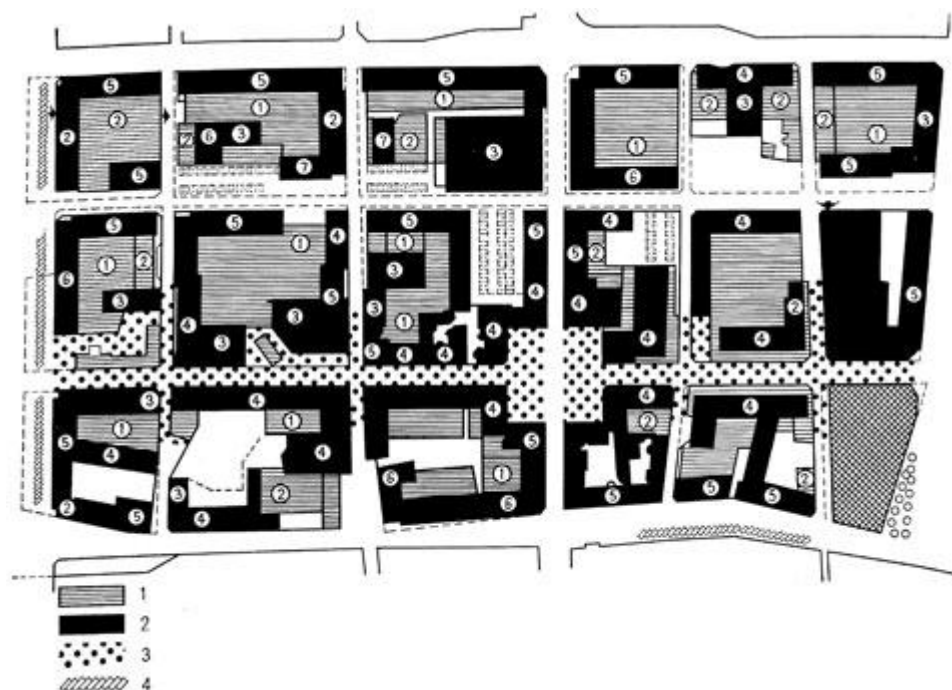
Мальмё. Квартал Кронпринсен

Расположенный близ исторического центра квартал Кронпринсен (1963 - 1967, архит. Т. Росс) имеет площадь 2,8 га, почти полностью занятую одноэтажным торговым центром. Над плоской кровлей-садом этого здания поднимаются жилые корпуса в 6, 10 и 25 этажей (последний - самая высокая жилая постройка в скандинавских странах, он имеет крупнопанельную конструкцию). В цоколе - гараж на 1400 машин, имеющий внутреннюю связь с магазинами и жилыми домами.

Мальмё. Группа офисов и магазинов у канала

Проблема сочетания разновременно созданных частей, остро стоящая при развитии компактного городского массива, решена в Мальмё лишь в некоторых фрагментах центра. Так, комплекс административных и торговых зданий, построенный в пределах исторического ядра, у канала, разделяющего центр и более поздние массивы, имеет своеобразную двойственность масштаба, благодаря которой он играет роль переходного элемента между старыми улицами и новой застройкой. Пример свидетельствует, что проблему нельзя считать фатально неразрешимой.

Уппсала. Реконструкция торгового центра. Проект, 1962. 1 - корпуса в 1 - 2 этажа. 2 - корпуса в 3 - 5 этажей; 3 - пешеходные улицы; 4 - паркинги (цифры на чертеже показывают число этажей построек)

Только крупнейшие города Швеции развиваются на основе принципиальных градостроительных концепций, охватывающих структуру всего их организма. Меньшие города, связанные сложившимися формами частного землевладения и не располагающие земельными и финансовыми ресурсами, ограничиваются лишь фрагментарными акциями. Проблемой, решавшейся во многих городах, включая малые, была реконструкция центральных зон. Две побудительные причины лежали в основе: первая - развитие автомобильного транспорта, которое привело к трудностям, вызванным совпадением транзитного движения с традиционной главной улицей; вторая - концентрация торговли, которая привела к широкому "наступлению" крупных торговых компаний с их универмагами (с 1955 по 1965 г. в Швеции было построено более 200 крупных универмагов, число их в 1970 г. достигло 380, причем 90% из них контролируются тремя компаниями).

Обычная схема реконструкции для малого города заключается в выводе транзитного движения за пределы центра и в создании по его периферии обслуживающего кольца, связанного с паркингами. Для такого кольца используются существующие улицы. Главные торговые артерии внутри центра закрываются для движения и превращаются в чисто пешеходные. Характерна реконструкция Уппсалы в 1963 - 1970 гг. (автор проекта инж. С. Нордквист), где на основе существующей частой прямоугольной сетки улиц организован транспортный периметр (500 x 300 м), заключающий в себе центральный торговый район, пересекаемый по длинной оси пешеходной улицей.

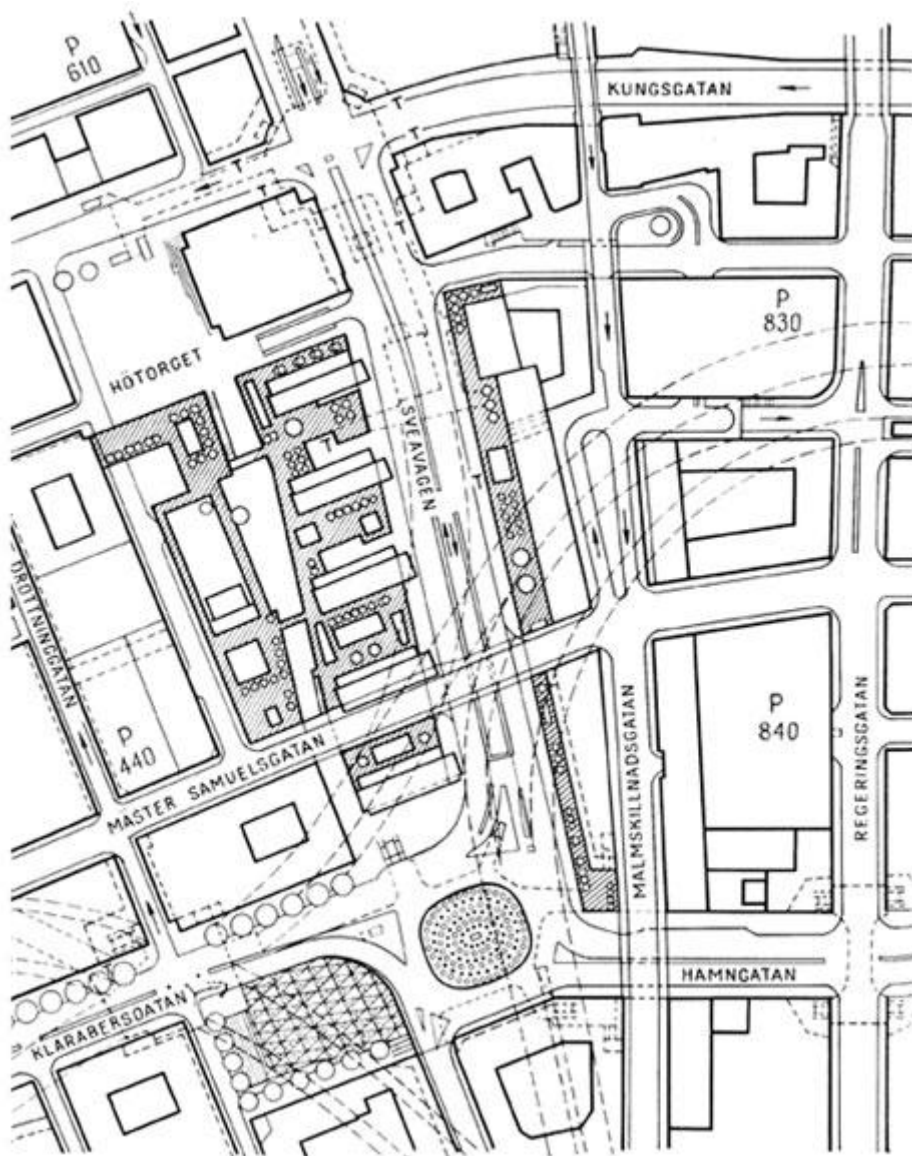
Увеличение относительного "веса" торговых зданий в застройке центра и укрупнение их масштаба являются как бы физическим выражением процесса концентрации торговли, прокладывающей себе путь в традиционные зоны престижа. Реконструкция старых жилых зон, планировавшаяся в 50-е гг., не была развернута, но "торговля могла и хотела платить"¹, что и стало движущим началом реконструкции центров. Вокруг торговых комплексов создаются обширные паркинги - в расчете на обслуживание жителей соседних поселков. Становятся обычными стоянки на 5 - 10 тыс. машин в городах с населением менее 100 тыс. человек. Строительство многоэтажных гаражей дорого, и стоянки на месте старых кварталов надолго пространственно отчуждают центры от окружающих районов. Облик новых торговых комплексов определяется или безликими штампами "современной" архитектуры, или ярмарочной декоративностью, эталоном которой стал центр Фарсты. Модные стереотипы стирают живое разнообразие постепенно сложившейся, пусть и не первоклассной, застройки старых центров.

¹(Lindahl G. Centrum kvarterens öde..., «Arkitektur», 1971, № 5, p. 2.)

Реконструкция центров Стокгольма и Гётеборга

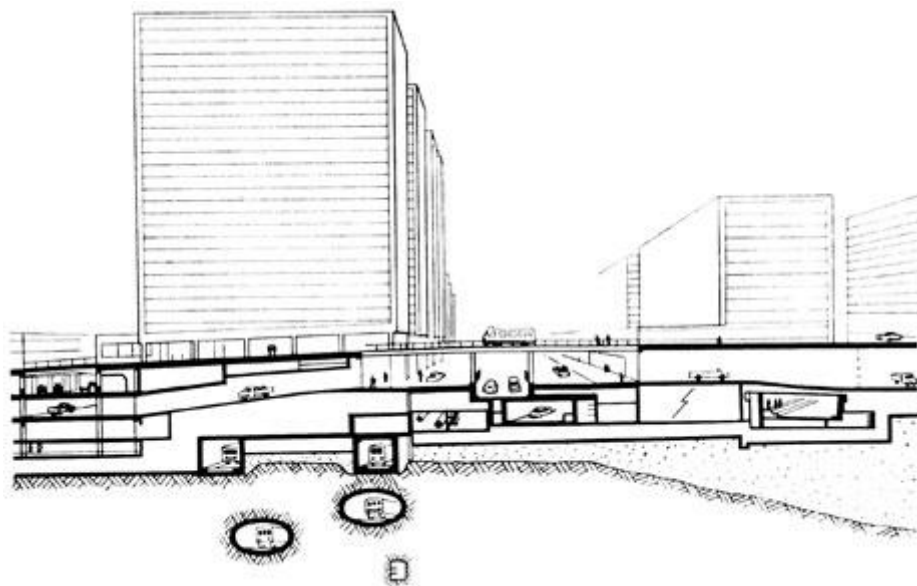
Если в небольших городах Швеции реконструкция центра остается локальной задачей, то в Стокгольме и Гётеборге эти специфические проблемы решаются в связи с развитием агломераций в целом. Особенно значительно влияние центра на структуру и функции всей системы в Стокгольме.

Уже в генеральном плане шведской столицы 1866 г. была поставлена задача улучшить транспортные связи центра и сделать его более представительным. Намечалась прокладка широкой прямой магистрали Свеавеген от северной границы городского массива к королевскому дворцу, который должен был замкнуть парадную перспективу. Идею удалось осуществить лишь частично. В южной части Норрмальма (Нижний Норрмальм) пробить толщу плотной существующей застройки оказалось невозможно. На рубеже XIX - XX вв. Нижний Норрмальм, который был ранее жилым районом, стал менять свой характер. Притяжение главного железнодорожного вокзала, сооруженного в западной части района, привело к перемещению сюда из Гамла Стан функций делового и торгового центра города. В районе началось широкое строительство магазинов, отелей, конторских зданий. В связи с этим в 1911 г. была начата прокладка предусмотренной еще планом 1866 г. улицы Кунгсгатан, которая стала в 20-е гг. главной торговой артерией Стокгольма. Ее трасса рассекла скалистый гребень с востока на запад, а для поперечной улицы, проходящей на верхних отметках, через Кунгсгатан был переброшен арочный виадук.

Проект реконструкции района Нижний Нормальм в центре Стокгольма. План по магистрали Свеавеген

В начале XX в. городской центр из Гамла Стан переместился в южную часть Нормальма. Для исследования различных вариантов планировки этого центра в 1933 г. был проведен международный конкурс. Среди 350 проектов были работы Ле Корбюзье, А. Аалто и С. Маркелиуса, в которых предлагалось радикальное преобразование центра в соответствии с доктринами функционализма - правильные ряды геометрических объемов, пластинчатых или башенных, со всех сторон омываемых воздухом, на территории, очищенной от исторических сооружений. После долгих дискуссий было признано, что задача реконструкции центра - решить транспортную проблему при максимальном сохранении характера среды и плотной сети коммуникаций. В основу планировочных работ легло предложение П. Хедквиста - довести Свеавеген до пересечения с направлением восток-запад по трассе Хамнгатан-Кларабергсгатан. Между этой новой магистралью и Кунгсгатан был задуман новый комплекс торговых зданий и офисов, связанный с центральным пересадочным узлом метро.

*Проект реконструкции района Нижний Норрмальм в центре Стокгольма.
Разрез по магистрали Свеавеген*

Работы по строительству станции и туннелей метро, осуществлявшиеся открытым способом, потребовали сноса многих зданий, что облегчало реализацию замысла. В 1946 г. был опубликован проект реконструкции южного Норрмальма, разработанный управлением городской планировки под руководством Свена Маркелиуса. План основывался на тщательной подгонке новой системы коммуникаций к сложившейся уличной сети. Основными новыми магистралями были продолжение (частично в туннеле) Свеавеген в юго-восточном направлении и перпендикулярные ей Хамнгатан и Кларабергсгатан, проходящая затем над путями железнодорожной станции. Автомобильный туннель должен принимать основные потоки транспорта от центра к южным районам города, направляя их в обход исторического ядра на острове Стадсхолмен.

От площади Хётorget, лежащей у Кунгсгатан, начиналась параллельная Свеавеген улица, доступная только для пешеходов; по сторонам ее - офисы, магазины и театр.

К началу работ во владении города было около 50 зданий на участке реконструкции, однако более 60 принадлежало еще частным владельцам, что создавало неразрешимые трудности. Понадобился специальный закон, принятый шведским парламентом в 1953 г., чтобы окончательно открыть путь к реализации первой стадии перепланировки центра (1954 - 1962).

Обветшавшие, хаотически застроенные кварталы с жилыми домами, мастерскими ремесленников и небольшими отелями были снесены. Вдоль Свеавеген на равных расстояниях поднялись пять 18-этажных административных зданий-башен. Двухэтажные корпуса с магазинами и ресторанами образовали единый подиум, связывающий высотные объемы со стороны пешеходной улицы и застройку ее второй стороны. На плоских

крышах этих корпусов устроены озелененные террасы; мостики, переброшенные над улицей, и открытые лестницы связывают их между собой и с уровнем земли. Возникла дополнительная пешеходная коммуникация, изолированная от суеты торгового центра. Здесь созданы уютные площадки для отдыха и небольшие летние кафе. Поток людей, текущий по лестницам и мостикам, подчеркивает трехмерный характер композиции. Сплошной фронт магазинов ограничивает нижний уровень пешеходной улицы. Расположение входов на станции метро у двух ее концов усиливает напряженность пешеходного потока (через Сергельгатан за день проходит в среднем около 300 тыс. человек). Как и почти во всех центрах шведских городов, программа "культурного комплекса" была сильно урезана, и память о замысле создать здесь крупный театр сохранилась лишь в названии кинозала, включенного в цепочку магазинов - "Сергельтеатр".

Высотные здания комплекса связаны тремя подземными этажами, где организованы подъездные пути к складским помещениям магазинов и погрузочно-разгрузочные площадки. При этом каждый магазин имеет свои часы для приема товаров. Пандусы связывают эти пути со Свеавеген. Туннели и станции метро, а также подземные пешеходные площади под пересечениями Свеавеген с Кунгсгатан и Хамнгатан дополняют общую картину сложного "подземного хозяйства". Нижние пешеходные уровни связаны с дневной поверхностью эскалаторами; здесь устроены небольшие магазины и кафе. Эффектно организована пешеходная площадь в южной части комплекса - Сергельторг, опущенная ниже уровня уличных проездов. Середину кольцевой развязки над ее восточной половиной занимает огромный фонтан. В бетонной плите, образующей его дно, устроены большие круглые отверстия, закрытые прозрачными пластиковыми куполами. Естественный свет проникает сквозь воду, образуя подвижные, мерцающие блики. Раскрытая западная половина площади стала местом митингов и собраний. У южной стороны ее было решено создать культурный комплекс, который внес бы функциональное разнообразие в сложившуюся систему и привлекал бы жизнь к этому месту в часы, когда не работают учреждения и закрыты магазины.

Комплекс на Сергельгатан и Сергельторг сложился в результате осуществления нескольких фрагментарных замыслов, над которыми тяготели чисто практические стремления к максимальной интенсивности использования территории. Первая стадия работ была начата еще до того, как закон 1953 г. дал муниципалитету возможность отчуждать земли в зоне реконструкции, и неизбежные компромиссы оказались закрепленными строительством. И все же комплекс стал наиболее крупным целостным ансамблем в современной архитектуре Швеции.

Очертания доминирующих над районом высотных зданий были разработаны в 1951 - 1953 гг. на модели. Чтобы усилить вертикальность объемов и зрительно облегчить их, корпуса расчленены на две разные по высоте пластины. Лифты не доведены до верхнего этажа, чтобы избежать

надстроек над кровлями. Светлые глухие торцы контрастны навесным стенам, которые стремились превратить в целостные стеклянные плоскости, отражающие небо. Чтобы внести разнообразие в ансамбль, разработка проектов башен была поручена разным архитекторам, вносившим индивидуальную трактовку в пределы общей схемы (блок I у Хётorget, архит. Д. Хеллден; блок II - архит. А. Тенгбом; блок III - архит. С. Маркелиус; блок IV - архит. Л. Э. Лаллерседт; блок V - архитекторы С. Бакстрём и Л. Рейниус). Детальное решение высотных построек, следующее принципам "универсальной формы" Мис ван дер Роэ, корректно и высокопрофессионально. Столь же корректны двухэтажные блоки магазинов (Д. Хеллден), в фасады которых умело введены разнообразные вариации главного мотива.

Точно найдены отношения объемов и непосредственно связанных с ними пространств. Широкою Свеавеген с ее напряженными транспортными потоками формируют стройные вертикали офисов, в восприятии пешеходной Сергельгата́н доминируют низкие корпуса магазинов. Их "стелющиеся" линии эффектно подчеркивают внушительный объем и вертикальный ритм колоннады концертного зала в перспективе по направлению к Хётorget. Оживленность и изменчивость людских толп на строгом геометрическом фоне зданий придает особую привлекательность пешеходной улице.

Однако "пять труб", как называют стокгольмцы группу высотных зданий, возвышаясь над городом, подавляют его. Визуально "слипающиеся" в гигантскую монолитную глыбу, они вносят диссонанс в панорамы центра Стокгольма, его силуэт, определяемый немногочисленными стройными вертикалями. Несомненная удача в пределах фрагмента снижается неубедительностью связи его с общей системой. Контраст между островком нового и лабиринтами узких улиц "северной Венеции" оказался слишком острым - на грани разрыва. Учитывая это, городской совет запретил в дальнейшем строить высотные здания в центре Стокгольма с тем, чтобы сохранить его сложившийся характер и не создавать сгущения транспортных потоков. Ансамбль на Сергельгата́н останется уникальным узлом центра столицы. Для последующих этапов реконструкции сформулирована задача: увеличивая функциональную эффективность системы, в возможно большей степени сохранить облик города.

Стокгольм. Площадь Хётorget в районе Нижний Норрмальм

В 1960 г. была утверждена транспортная схема, которой предусмотрено создание кольцевой дороги диаметром около 6 км вдоль границ внутреннего города. Магистраль эта должна принимать потоки транспорта с радиальных дорог, направляя их в обход или связывая с системой внутренних коммуникаций. Территорию внутри кольца пересекут два скоростных диаметра, касающихся центра с северной и западной стороны; запроектирован и новый ряд местных дорог в пределах Нижнего Норрмальма (главным образом в туннелях). По схеме намечалось организовать в центральном деловом районе многоэтажные паркинги на 12 тыс. машин, расположенные так, чтобы расстояние от них до любого места в Нижнем Норрмальме не превышало 250 м. Еще 8 тыс. мест предполагалось обеспечить в подземных гаражах. В 1962 г. на этой основе был создан новый план Нижнего Норрмальма, отличающийся от плана 1946 г. более развитой инфраструктурой коммуникаций.

Однако уже через пять лет опубликован новый план "Сити-67", существенно улучшающий схему автомобильного движения в центральном районе. Была намечена реконструкция Туннельгатан - улицы, с востока на запад пересекающей северную часть Нижнего Норрмальма. Вдоль создаваемой здесь транспортной артерии запроектированы многоуровневые паркинги, внутри кварталов, по ее северной стороне, строятся пять 13-этажных офисов, визуально определяющих северную границу центрального делового района Стокгольма. Кунгсгатан, чрезмерно узкая для того, чтобы пропускать напряженные транспортные потоки, после завершения реконструкции станет улицей, где кроме пешеходов допускается лишь движение автобусов. Поскольку опыт показал, что пешеходы предпочитают уровень улицы, проект северной части центрального делового района предусматривает организацию основных направлений пешеходного движения на этом уровне. Проезды и площадки для кратковременной стоянки машин предполагается организовать на уровне второго этажа, а долговременные стоянки, подъезды, обслуживающие здания, и погрузочно-разгрузочные площадки - на подземных уровнях.

Стокгольм. Пешеходная улица Сергельгатан

Кварталы между Туннельгатан и Кунгсгатан перестраиваются, чтобы стало возможно более полное разделение пешеходных и транспортных потоков. Соседние блоки зданий объединяются в "комплексы обслуживания" с ограниченным числом въездов. Благодаря подземным "улицам обслуживания" часть улиц местного значения превратилась в пешеходные.

Проект "Сити-67", однако, не обеспечил непрерывность системы пешеходных дорог, что вызвало резкую критику.

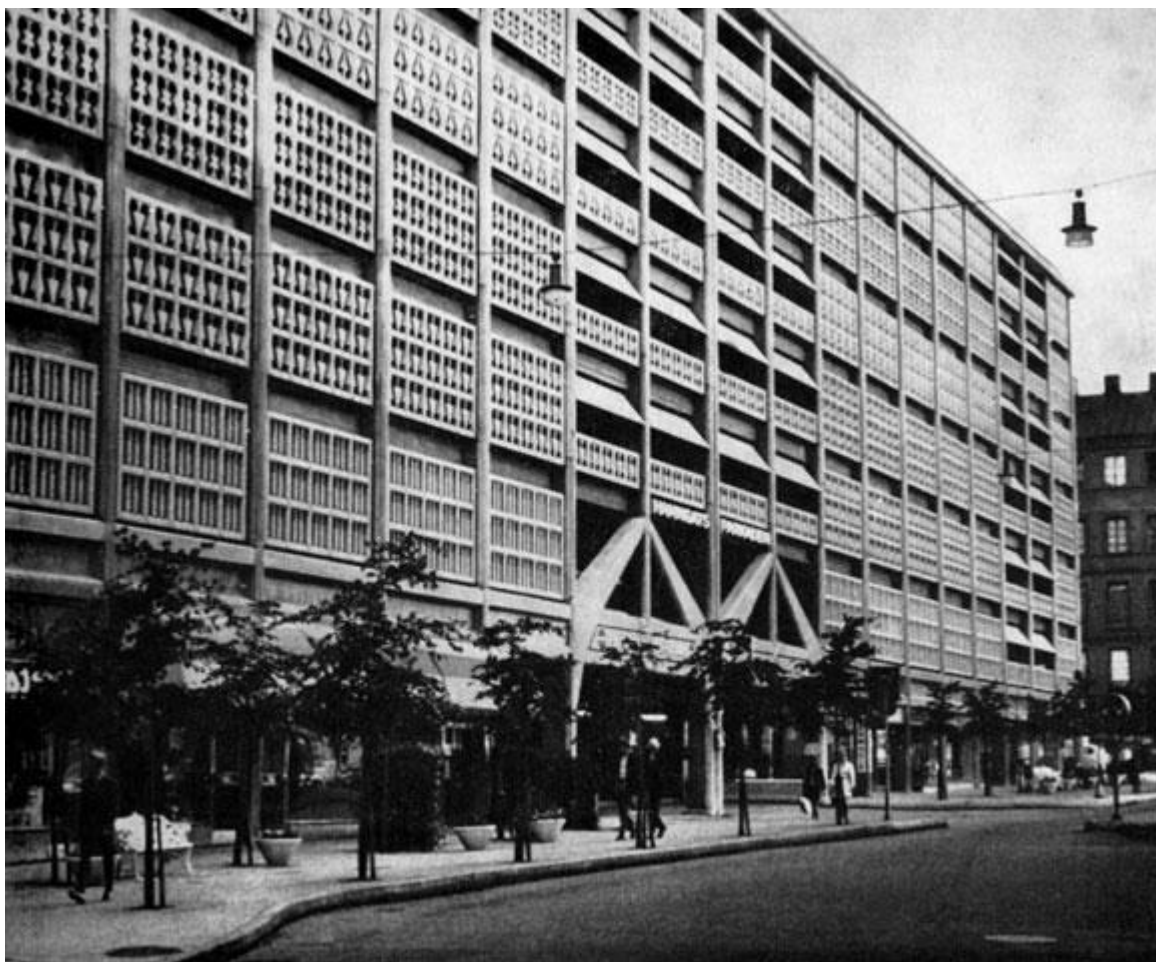
Стокгольм. Пешеходная улица Сергельгатан

В ходе реконструкции завершается характерная для центра Стокгольма локализация функций. Жилье окончательно вытесняется за пределы района, сокращается и число мелких торговых предприятий, в то же время растут крупные административные здания, банки, универмаги. "Зонплан-70" - проект использования земель центра, разработанный муниципалитетом, - сохраняет за центральным деловым районом лишь бюрократические и коммерческие функции. Центр, "населенный" в основном служащими офисов, оживлен только в рабочие часы. "Стокгольм умирает в пять", - говорят шведы. Вечером в Норрмальме можно встретить лишь немногих посетителей кинотеатров и ресторанов. Культурный центр на площади Сергельторг, непосредственно связанный с остановками общественного транспорта и паркингами, не оказал оживляющего воздействия на окружение.

Стокгольм. Магистраль Свеавеген в районе Нижний Нормальм

Проект центрального делового района Стокгольма неоднократно корректировался, но оценки перспектив развития автомобильного движения неизменно оказывались занижены. В конечном счете удалось обеспечить достаточную пропускную способность магистралей, но сеть улиц, подводящих к объектам на территории района, недостаточна для того, чтобы обеспечить потоки транспорта и пешеходов. Затруднительны и подъезды к паркингам, места для которых определялись прежде всего возможностью приобрести участки. В этих условиях муниципалитет начал политику "торможения" доступа индивидуальных машин в центр города, повышая плату за стоянки и сокращая их число (в 1970 г. в центральном деловом районе было 8 тыс. мест для стоянки автомобилей, проектом "Сити-67" предполагалось увеличить это число втрое, что было сочтено чрезмерным).

*Стокгольм. Гараж-стоянка в районе Нижний Норрмальм на Рогерингсгатан.
Архит. Х. Асплунд, 1964*

Хотя принципиальные идеи в проектах реконструкции центрального делового района Стокгольма не столь впечатляющи, как некоторые теоретические предложения последних десятилетий, они были осуществлены. Проектантам не хватало смелости в определении перспектив, но это в известной мере искупалось методом "непрерывного проектирования", при котором, во-первых, проекты оперативно пересматривались и корректировались при любых изменениях ситуации и, во-вторых, в проектные решения закладывалась определенная степень гибкости, позволявшая вносить изменения в развитие уже частично реализованных комплексов. Авторы официальной публикации "Стокгольм - городская среда" пишут: "Перестройка центра продолжается уже 20 лет... Юридическая система функционирует удовлетворительно. В большинстве случаев и город, и домовладельцы довольны... Большинство торговцев в зоне приветствует происходящие изменения"¹. Эта самооценка характеризует политику, которой направляется реконструкция: компромисс между муниципалитетом, крупным бизнесом и владельцами недвижимости.

¹(Stockholm — byggd miljö. Stockholm, 1972, p. 30, 46.)

*Стокгольм. Гараж-стоянка в районе Нижний Нормальм на Рогерингсгатан.
Архит. Х. Асплунд, 1964*

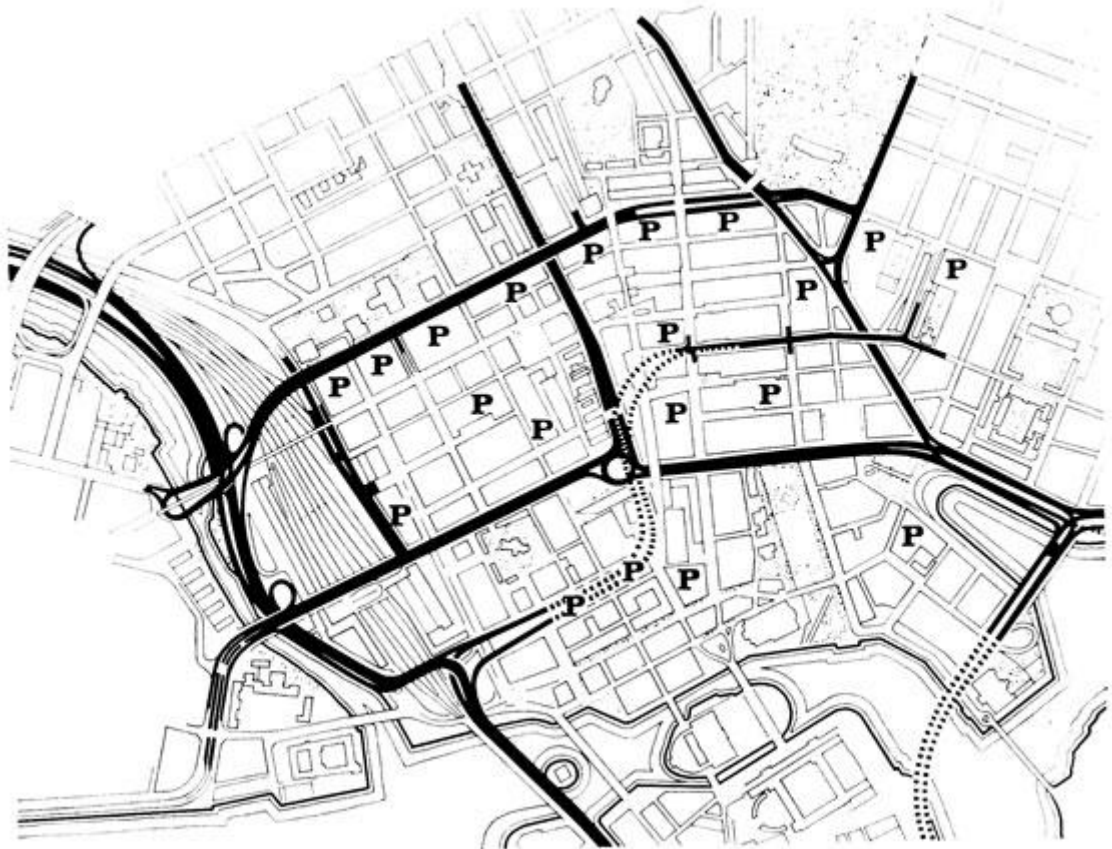
Планировочная политика муниципалитета Стокгольма вызывает усиливающуюся критику. "Планировка Стокгольма представляется в высшей степени сконцентрированной на вопросах, связанных с земельными участками и зданиями, уделяя сравнительно мало внимания людям", - признается в официальной брошюре¹. Общественная организация "Защитники среды" писала в своей листовке: "Поскольку сити создается не для людей, а для контроля над трудом и для капитала, он негуманен, шумен, тесен, наполнен чуждыми искусству бетонными гетто, постепенно изгоняющими деревья и траву". За происходящими изменениями члены организации видят прежде всего давление разрастающегося бюрократического аппарата, "огромной, непостижимой машины вне человеческих ценностей"². Высказываются мнения, что город разрушается автомобилями, что слишком много старых зданий уничтожается, чтобы очистить место для безликосовременных, что сады и парки, привычно

ассоциирующиеся со шведской архитектурой, изгоняются стремлением к эффективному использованию земли.

¹(*Stockholm — byggd miljö. Stockholm, 1972, p. 30, 46.*)

²(*Passow S. Stockholms planners discover «people power», «Journal of the American institute of planners», 1973, v. 39, № 1, p. 28.*)

Критические выступления подчас провоцируются группами собственников недвижимости, чьи интересы затрагиваются реконструкцией, или консерваторами, которых пугают любые перемены. Однако несомненно, что в ходе реконструкции центра все более четко определяется подчинение градостроительной политики муниципалитета интересам "верхушки" шведского общества. Физическое выражение концентрации в ее руках экономической и политической власти, которым становится "новый сити" Стокгольма, рождает среди большинства его жителей растущее чувство отчужденности.

Стокгольм. Схема реконструкции системы магистралей центра по проекту 'Cuti-67'

Реконструкция в Гётеборге имеет гораздо меньшие масштабы, но решения, которые здесь использованы, весьма своеобразны. Система общегородского центра состоит из культурного комплекса на площади Гётаплатсен, делового и административного центра в южной части старого города и соединяющей

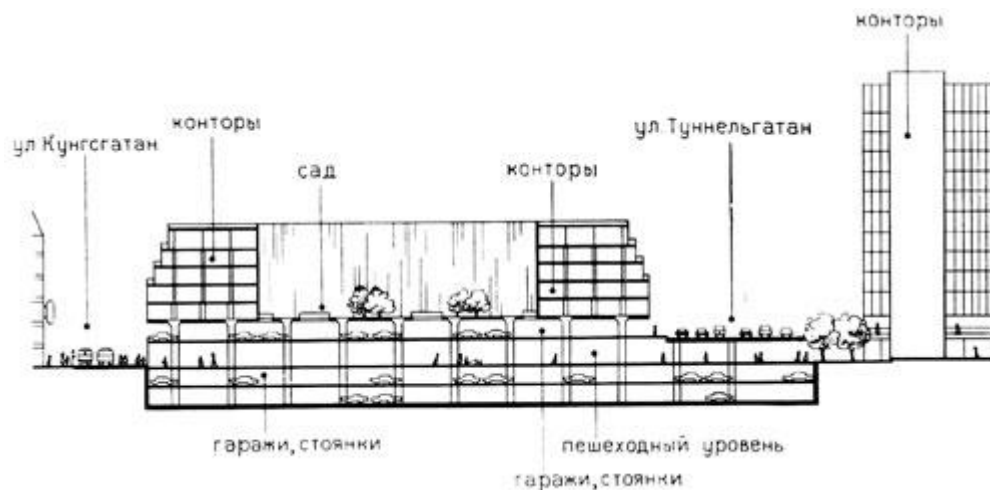
их торговой артерии Кунгспорт-авеню. Северные кварталы исторического городского ядра (Нордстаден) к середине нашего века стали "трущобами американского типа" - недостаток средств, все более обострившийся, привел их к полной деградации. Территориальное соседство с центральным деловым районом города побуждало рассматривать эти кварталы как естественный резерв для его развития. К 1966 г. был подготовлен проект реконструкции восточной части Нордстадена (архитектурное бюро С. Уайта) и начато строительство. Ансамбль повторял сложившийся характер плотного массива невысокой застройки. Система узких улиц была предназначена только для пешеходов, а обслуживающие подъезды организованы на уровне подвалов. Новый комплекс стал чисто коммерческим. Его сооружения разделены двумя перекрытыми улицами с регулируемым климатом: одна из них пронизывает блок в направлении с севера на юг, другая перпендикулярна ей. Севернее пересечения этих пассажей лежит закрытая площадь размером 25 x 100 м. Ее верхнебоковое естественное освещение дополняется светом через большой купол над пересечением улиц. Ось север - юг получает дневной свет через зенитные фонари и купол, поперечная - через примыкающие к ней дворы. Комплекс включает четырехуровневую стоянку на 2400 машин.

Стокгольм. Реконструкция комплекса на ул. Туннельгатан. Макет

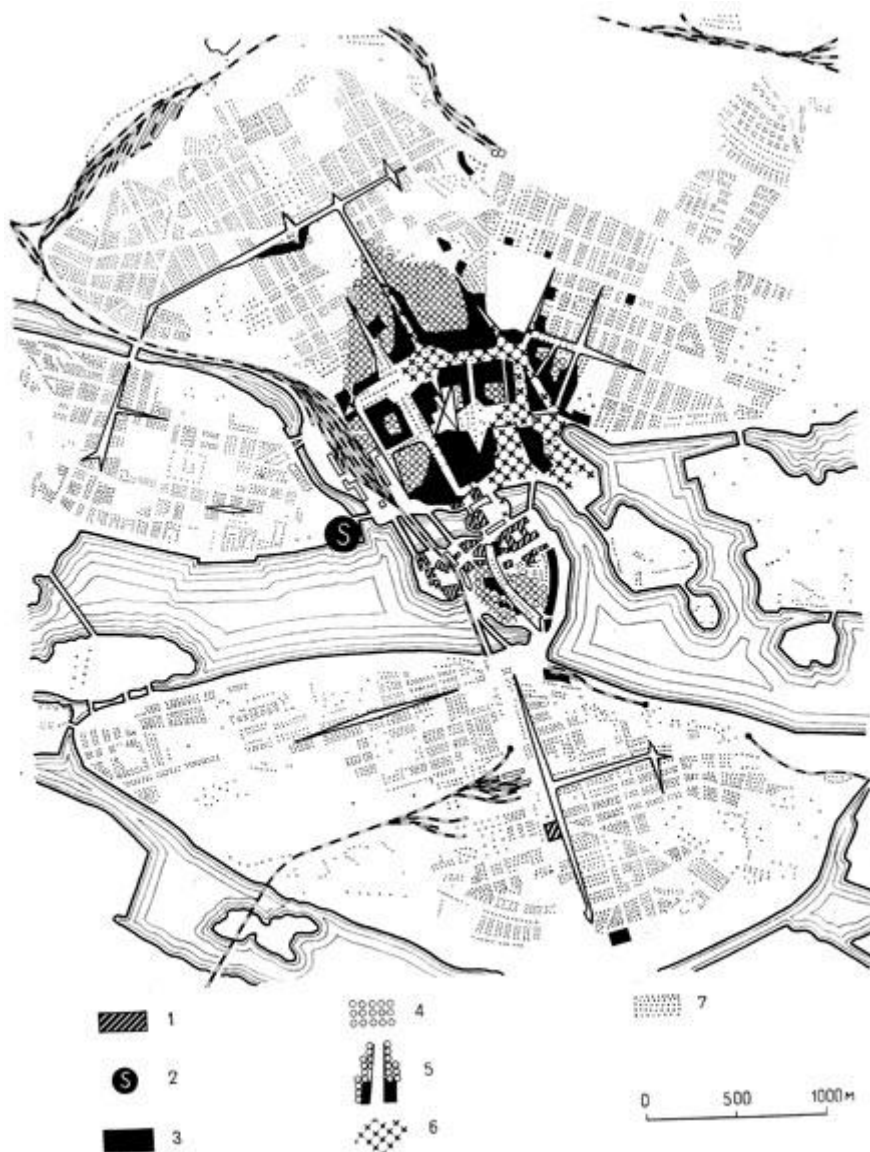
В условиях экономической депрессии конца 60-х гг. осуществление проекта затянулось - первая очередь завершена лишь в конце 1972 г. Крупные капитальные вложения в перекрытые и утепленные улицы

владельцы комплекса стремятся оправдать интенсивным развитием коммерческой деятельности. Первые этажи полностью заняты магазинами и ресторанами (рабочая площадь около 80 тыс. м²), верхние - в основном банковскими учреждениями (рабочая площадь около 60 тыс. м²). Архитекторам не удалось найти специфические приемы для полуинтерьерного пространства крытых улиц, отдельные их фрагменты и детали разнохарактерны. Однако сама тенденция продолжить ряд экспериментов с концентрированной организацией торговых комплексов, имеющих внутреннюю коммуникацию (центры Тэбю и Вэстра Фрёлунда), заслуживает внимания.

Стокгольм. Реконструкция комплекса на ул. Туннельгатан. Разрез по магистрали

Проблемы развития городов Швеции сложны, так как отражают противоречия современного государственно-монополистического капитализма. В этой ситуации неизбежны компромиссность градостроительных решений и ограниченность их социального содержания. Принципы пространственной организации среды для шведских архитекторов, безусловно, изначальны в подходе к любым архитектурным проблемам; каждое частное решение всегда воспринимается в контексте градостроительной задачи. Трудности, с которыми приходилось сталкиваться при строительстве в условиях сложного рельефа и изрезанной водными протоками территории, воспитали традицию внимательного отношения к пространственным связям с природой и другими постройками. В умении придать четкую пространственную форму современным функциональным системам в сложных ландшафтных и градостроительных ситуациях, - пожалуй, самая сильная сторона профессионального мастерства шведских архитекторов.

Стокгольм. Сложившаяся дифференциация функций центра. 1 - правительственные и общественные учреждения; 2 - ратуша; 3 - офисы; 4 - обслуживающая промышленность; 5 - торговые улицы; 6 - места развлечений; 7 - жилые кварталы

"Соединительная ткань", образуемая природным ландшафтом, в шведских городах, как правило, остается ощутимой, связывая части, разобщенные в пространстве и имеющие различные принципы архитектурной организации. Даже в плотно застроенных частях Стокгольма сохраняется уважительное отношение к элементам естественной природы. Сентиментализм, проявившийся в композиции городских комплексов 50-х гг., где архитектура начинала растворяться в ландшафте, все-таки не был более серьезным недостатком, чем безразличная к природной ситуации организация застройки (симптомы последней стали появляться за последние годы и в Швеции).

Работы по планировке в Швеции явно обнаруживают влияние идей извне: Османна и Зитте - в конце XIX в.; Говарда и Энвина - в начале XX в.; немецких функционалистов и Ле Корбюзье - в 30-е гг.; А. Сория-и-Матта, Л.

Мамфорда, П. Аберкромби, Э. Сааринена - в 50-е гг. Однако "импортные" идеи часто воплощались в Швеции более полно и успешно, чем в стране, где их впервые сформулировали.

Неудачи, связанные с ошибками в предвидении реальных путей развития, заставили шведских архитекторов изменить методы градостроительного проектирования. От стремления предопределить конечный результат развития они перешли к разработке схем, допускающих коррективы: как изменение физических пределов роста, так и его качественных показателей. Подобный метод в условиях Стокгольма хоть и не мог устранить все последствия непредвиденных изменений ситуации, но обеспечил преемственность развития на его различных стадиях.

Сильные стороны планировочной деятельности шведских архитекторов связаны с решением "функциональной технологии" и физической структуры городских комплексов. Ее слабые стороны раскрываются прежде всего в анализе социального содержания градостроительных решений. Тоска по малым городам и идиллические мечты о единении с природой, воплощенные в первых "полусателлитах" Стокгольма - Веллингбю и Фарсте, в столкновении с экономическими и социальными реальностями обнаружили свою иллюзорность. Идеальные картины, видевшиеся архитекторам, оказались далеки от действительности. Тревожным симптомом стало все более очевидное ослабление интереса к культурным ценностям в организации городской жизни. Материальные ценности доминируют все более откровенно. Офис, крупный гараж и большой универмаг становятся доминирующими типами зданий. На смену не очень искренней романтике приходит узкий практицизм с его пристрастием к монотонности сверхупрощенной формы. Символы "общества потребления" выступают на первый план.

2. Жилищное строительство и жилая среда

Продуманное единство жилища и его непосредственного окружения - одна из сильных сторон современной архитектуры Швеции. Градостроительные концепции получают развитие в структуре жилых комплексов и целенаправленном формировании жилой среды. Тенденции, которые реализуются на разных уровнях организации системы в больших городах, отражаются и в развитии селитьбы средних и малых городов.

Свой вклад в развитие новой архитектуры жилища Швеция вносит с начала 30-х гг. До этого времени ее городское жилищное строительство было ориентировано на типы доходных домов, разработанные в Западной Европе; специфика ограничивалась лишь необычно скупыми площадями помещений и большим процентом однокомнатных квартир, но в годы после второй мировой войны Швеция уже бесспорно лидирует среди западноевропейских стран в области разработки типов жилищ и жилых комплексов.

Активная миграция населения в города страны в 20 - 30-е гг., связанная с развитием промышленности и повышением эффективности сельского хозяйства, обусловила острую жилищную нужду.

Высокий уровень квартирной ренты привлекал к строительству жилищ частные капиталы. В период же экономических трудностей, связанных с кризисом начала 30-х гг., социал-демократическое правительство, стремясь предотвратить активные проявления недовольства трудящихся и замедлить падение рождаемости, стимулировало жилищное строительство путем предоставления займов на льготных условиях. Поэтому до начала второй мировой войны оно велось сравнительно интенсивно.

В городском жилом фонде, сложившемся к началу 20-х гг., значительную часть составляли индивидуальные деревянные дома периферийных районов, в то время как центральные были плотно застроены многоквартирными каменными домами. Однако уже к середине 30-х гг. в связи с сокращением резервных территорий в пригородах и повышением цен на землю получают все большее применение многоквартирные дома. Если в 1931 - 1935 гг. дома в одну - две квартиры составляли 54% строящихся жилищ, то в 1936 - 1940 гг. их доля снизилась до 47%, а в следующем пятилетии - до 29%. Последняя цифра характеризует соотношение, которое более или менее закрепилось до начала 70-х гг., когда доля индивидуальных домов вновь несколько возросла (до 37% в 1972 г.) за счет строительства "вторых жилищ" - летних дач и жилищ для многодетных семей. В Стокгольме уже в 1934 - 1943 гг. многоквартирные дома среди вновь построенных включали лишь 11% общего числа комнат и к 1946 г. 83% населения города жило в многоквартирных зданиях. Среди новых полуавтономных районов лишь в Шерхолмене и Фарсте 14% жилищ размещено в индивидуальных домах, в остальных районах доля их менее 10%.

Характерной особенностью шведских жилищ до недавнего времени было малое число комнат. Ее возникновение первоначально было связано с суровостью климата и сложностью обогрева жилища (каждую комнату приходилось оборудовать отдельной печью). Но в первые десятилетия нашего века процент однокомнатных квартир продолжал увеличиваться, несмотря на распространение центрального отопления. Это объяснялось не столько традицией, сколько экономическими факторами: высокая квартирная рента принуждала слои населения с невысоким уровнем дохода к значительной плотности заселения квартир. В Стокгольме к 1929 г. однокомнатные квартиры составляли 86% жилищ в новых домах и 67% всего жилого фонда.

Приближение структуры жилого фонда (по числу комнат в квартире) к потребностям, определяемым демографическим составом населения, стало одной из задач жилищного строительства в послевоенные годы (в 1945 г. среди общего числа жилищ в городах Швеции доля одно-двухкомнатных составляла 74%). Поэтому принимались меры, чтобы увеличить фонд

многокомнатных квартир (доля квартир в три комнаты и более возросла после 1955 г. до 60 - 61%). Доля одно- двухкомнатных жилищ к 1965 г. была снижена в городах до 54% в среднем, однако в Стокгольме к 1965 г. одни лишь однокомнатные квартиры еще составляли 40% общего числа.

Общий недостаток жилищ, ощущавшийся в Швеции в 30-е гг., резко обострился за годы второй мировой войны, когда, с одной стороны, значительно возросла миграция населения в города (с 20 тыс. человек до 30 тыс. в год) и увеличилось число заключаемых браков, а с другой стороны, резко сократился объем строительства. После кратковременного подъема в первые послевоенные годы и нового спада в начале 50-х гг. объем шведского жилищного строительства постепенно наращивался; в 1957 г. по числу квартир в новых домах был достигнут уровень наивысших показателей довоенных лет. За десятилетие с 1960 по 1970 г. Швеция по числу построенных жилищ на 1 тыс. человек трижды выходила на первое место в мире (10,7 - в 1963 г., 12,5 - в 1966 г., 13,6 - в 1970 г.). Это в значительной мере определялось высокой стоимостью жилищ, привлекавшей частных предпринимателей. Кроме того, государство стимулировало жилищное строительство предоставлением ссуд. Довольно значительная часть жилищ создавалась кооперативами, однако за последние годы она сократилась с 31,6% в 1959 г. до 22,2% в 1965 и 11,9% в 1972 г.

Для удовлетворения потребностей в жилищах на 1960 - 1975 гг. среднегодовой объем строительства должен был составить не менее 100 тыс. квартир в год. Фактически эта цифра была достигнута только к 1967 г. После "пика" (109 тыс. квартир в 1970 г.) вновь началось некоторое снижение объема строительства (104 тыс. в 1972 г.). Средние показатели населенности жилищ, очень неблагоприятные в конце 40-х гг., к началу 70-х выглядели благополучно: 370 квартир на 1 тыс. жителей, 100 комнат на 76 человек (в число это входят и совмещенные с кухней комнаты малых квартир). Неравномерность распределения жилого фонда, однако, весьма значительна. Ее можно обнаружить даже сравнением заселенности квартир с разным числом комнат: в малых квартирах ее показатель вдвое выше, чем в пяти-, шестикомнатных, что свидетельствует о заселении квартир в зависимости не от фактических потребностей, а от платежеспособности семей.

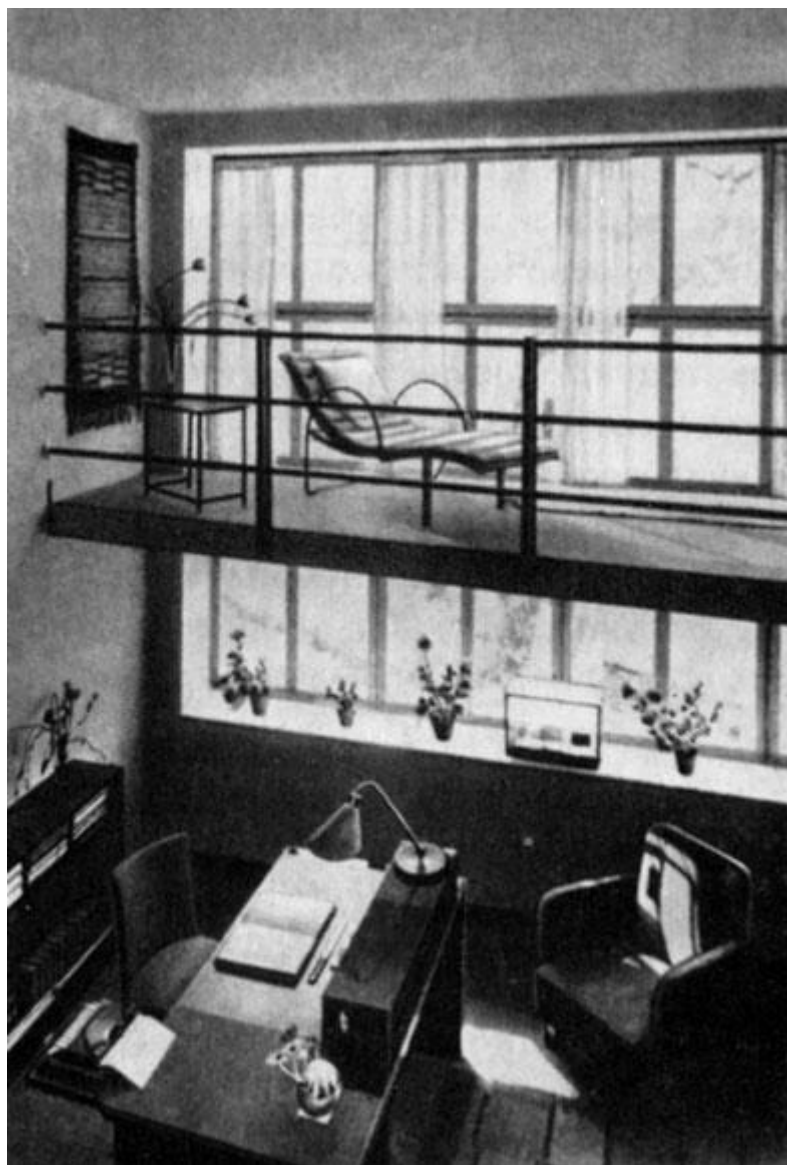
Жилищное строительство Швеции до 1945 г.

В 20-е гг. города застраивались шести - восьмизэтажными домами с большой глубиной корпуса (до 16 м). Для экономичного использования лифтов число квартир, обслуживаемых одной лестничной клеткой, было не менее 4 (иногда до 10) на каждом этаже. Лестница, как правило, располагалась в глубине корпуса, а квартиры, не имевшие сквозного проветривания, отличались большой глубиной комнат и кухонь.

Значительное влияние на дальнейшее развитие приемов шведской архитектуры жилища, как и архитектуры в целом, оказала выставка

прикладных искусств и ремесел, устроенная в 1930 г. в Стокгольме. Для этой выставки группа инженеров, экономистов и врачей под руководством архит. Г. Асплунда разработала программу проектирования жилищ, основанную на серьезном изучении экономических, социальных и гигиенических факторов. Предлагавшиеся рациональная планировка и оборудование квартир были весьма убедительны. Выставка и результаты организованного в 1933 г. конкурса на проект рационального жилища наглядно показали функциональные и санитарно-гигиенические преимущества типов квартир со сквозным проветриванием. После 1933 г. муниципалитеты и кооперативы перешли к строительству жилых домов с узким корпусом глубиной 8 - 10 м и светлыми лестничными клетками, обслуживающими две квартиры на каждом этаже. Лифт при этом не мог быть экономически оправдан, и наиболее распространенным типом жилого здания стали дома-пластины с протяженным корпусом в три этажа. После 1933 г. в Швеции они уже повсеместно применялись в муниципальном и кооперативном строительстве.

Характерной особенностью городских квартир стала компактность. В тот период часто использовались одно-двухкомнатные квартиры с кухней-столовой, проходной жилой комнатой и прихожей, сведенной почти до размера тамбура. Для каждой функции выделялось особое пространство: для сна и гигиены, приготовления пищи и еды и для совместного времяпрепровождения членов семьи. Под влиянием идей Мис ван дер Роэ делались попытки в домах с узким корпусом обеспечить гибкую планировку квартир, при которой жестко закрепленными остаются только место входа, кухня и санитарный узел, а остальная площадь может члениться перегородками в соответствии с потребностями и пожеланиями жильцов (архитекторы Н. Арбом и Х. Цимдал, 1933). Малое число комнат в квартирах побуждало разработку различных приемов дифференцирования их площадей (создание спальных альковов, кухонь-ниш, мест для еды и т. п.). Для новых типов домов создавались новые для того времени рациональные конструкции - бетонные фундаменты, облегченные кирпичные стены, монолитные железобетонные перекрытия. Вес конструкций, приходящийся на 1 м² полезной площади, был снижен почти вдвое.

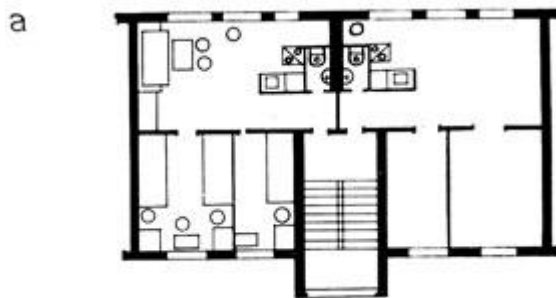

Интерьер экспериментальной квартиры на выставке в Стокгольме, 1930

Экономичные дома муниципального и кооперативного строительства 30-х гг. выглядят сугубо утилитарными. Здесь нет проявлений абстрактного формотворчества, "стекломании". Принципы функционализма шведскими архитекторами применялись бескомпромиссно и последовательно. Среди домов с дешевыми квартирами обращает на себя внимание шестиэтажный блок, построенный в Стокгольме в 1937 г. архитекторами С. Бакстрёмом и Л. Рейниусом. Здесь в целях экономии были применены для наружных стен панели из не поддающегося гниению тикового дерева, чередующиеся с глухими плоскостями из красного неоштукатуренного кирпича.

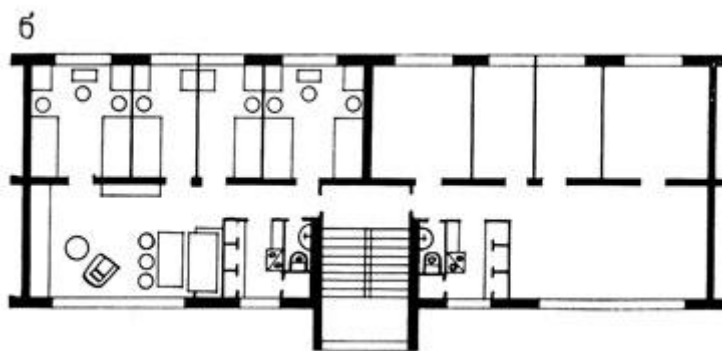
Отношения между жилищем и окружающей средой основывались на гигиенических соображениях. Наилучшая ориентация жилых корпусов и объективно обоснованные разрывы между ними, обеспечивающие инсоляцию и проветривание не только жилищ, но и территории, ставились во главу угла. Психологические факторы практически не учитывались. Стремление связать жилища с окружающим пространством стало

проявляться в разнообразном и изобретательном устройстве балконов, которые служили органическим продолжением квартир. Часто балконы использовались в комбинации с асимметричными эркерами, позволяющими улучшить инсоляцию помещений; эркеры защищали балконы от ветра и обеспечивали им интимность.

Типы жилых секций в шведском строительстве 30-х гг. Здание с узким корпусом

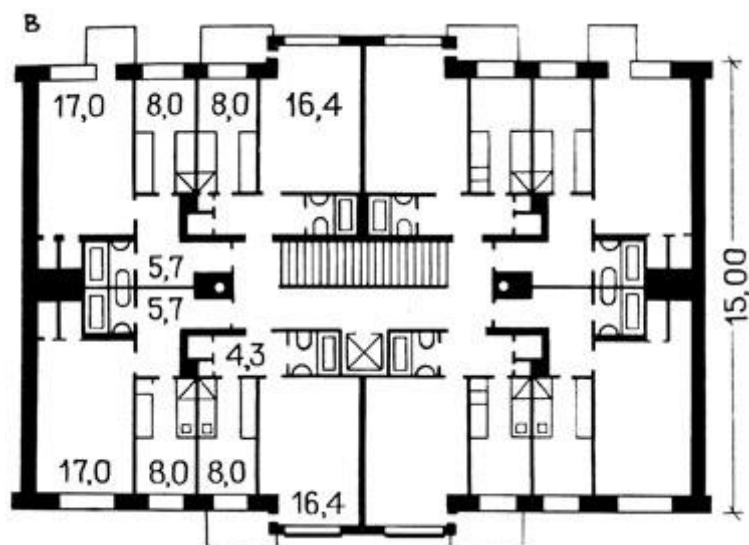
В 30-е гг. по инициативе союза жилищных кооперативов (HSB) была развернута работа по стандартизации элементов жилищ. Стандартизация элементов и использование однотипных жилых корпусов стали "материальной основой" для распространения строчной застройки, которая в 30-е гг. в Швеции применялась с большей ортодоксальностью, чем в какой-либо другой стране. Типичным примером может служить набережная Норр Маларстранд в Стокгольме с ее тесно поставленными восьмьюэтажными корпусами. В некоторых случаях композиционная монотонность строчной застройки преодолевалась живописностью природного окружения, однако подобный прием не позволял создать достаточно дифференцированную среду при жилищах, не давал ощущения организованного пространства.

Типы жилых секций в шведском строительстве 30-х гг. Здание с узким корпусом

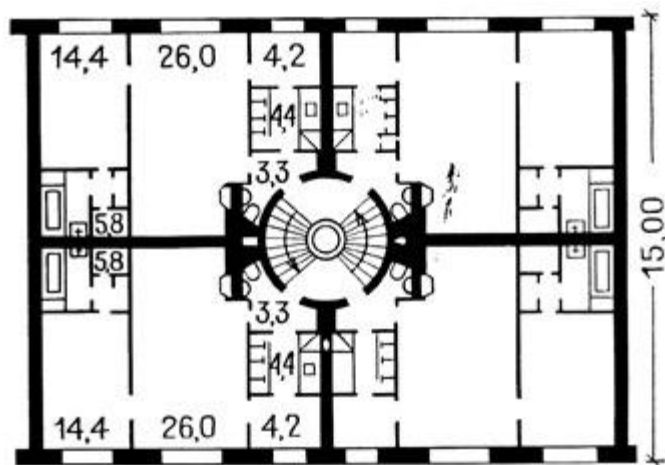
Важным шагом в шведском жилищном строительстве второй половины 30-х гг. было создание так называемых "коллективных домов" с коммунальным обслуживанием жильцов и домов для особых групп населения - одиноких, молодых бездетных семей и престарелых. При разработке "коллективных домов" был использован опыт советских домов-коммун. Содержание образца, однако, принципиально трансформировалось:

дом - носитель идей обобщественного быта - превратился в высокорентабельный семейный отель, жилище для рабочих обернулось дорогим типом жилища, популярным у "средних слоев". Организационная форма жилья была оторвана от своего первоначального социального содержания.

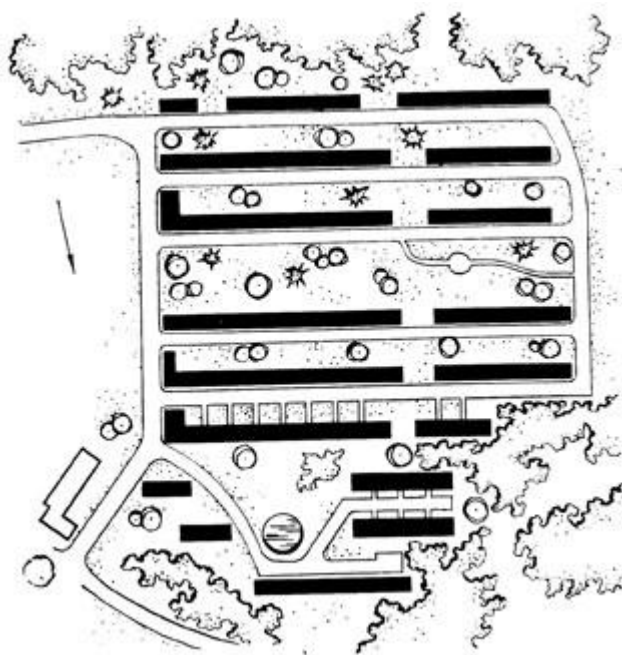
Типы жилых секций в шведском строительстве 30-х гг. Здание с широким корпусом

Коллективные дома имели одно- и двухкомнатные квартиры с минимальными по площади кухнями, расположенными вдоль коридора, и помещениями развитой системы бытового обслуживания на первом этаже самого дома или в связанном с ним корпусе. Первым зданием такого типа был коллективный дом, построенный по проекту архит. С. Маркелиуса на Эриксонгатан в Стокгольме (1935 г.). Здание, включающее 57 квартир, предназначалось для небольших семей, в которых работают оба супруга. Жильцы могут питаться в ресторане на первом этаже, заказывать обеды на квартиру или готовить сами. При каждом жилище устроены совмещенный санузел и маленькая, лишенная естественного света кухня, связанная с рестораном, лифтом для подачи пищи. Для детей организован детский сад, осуществляется уборка жилищ, предоставляются и другие услуги. Стремление улучшить ориентацию жилищ и обеспечить укрытость балконов обусловило своеобразный характер "пилообразного" фасада.

Типы жилых секций в шведском строительстве 30-х гг. Здание с широким корпусом

Среди домов для одиноких работающих женщин особенно интересен Элфвинггорден, построенный по проекту архитекторов С. Бакстрёма и Л. Рейниуса (1940). Это уже не отдельное здание, а дом-комплекс, группа параллельно расположенных трех - четырехэтажных корпусов с коридорной планировкой, имеющая 200 однокомнатных квартир. Корпуса связаны переходами в систему, включающую ресторан, гостиные, зал собраний. Комплекс хорошо вписан в природный ландшафт. Асимметричные эркеры не только увеличивают инсоляцию жилых комнат и их изолированность, но и формируют живописную пластику фасадов. Живописность была подчеркнута применением деревянных карнизов и межоконных панелей наружных стен, контрастирующих с неоштукатуренной кирпичной кладкой.

Стокгольм. Строчная застройка в районе Хьортхаген

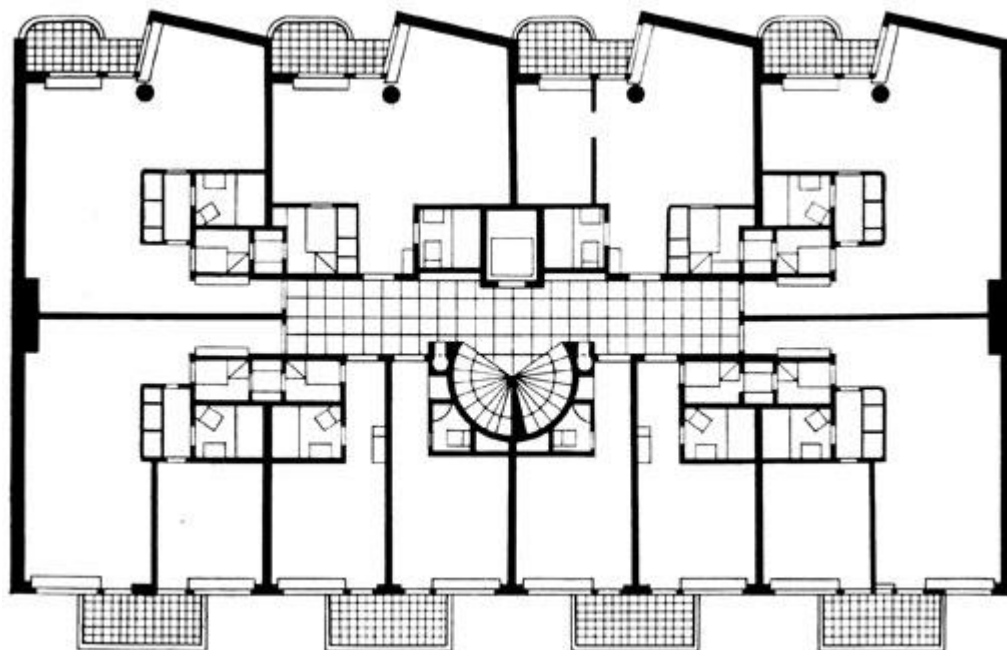
Богатая лесами Швеция - страна традиционного деревянного зодчества. Индивидуальные дома из дерева в 1920 - 1940-е гг. еще составляли значительную часть жилищного строительства, хотя их доля и снижалась. Повышение цен на лес, ставший предметом экспорта и сырьем для важных отраслей промышленности, заставило перейти от массивных брусчатых конструкций к легким каркасным и щитовым. Были построены заводы, изготавливавшие крупные стандартные элементы для одно-двухквартирных домов. Это производство к концу 30-х гг. превратилось в развитую отрасль шведской промышленности, работавшую не только для внутреннего рынка, но и на экспорт.

Стокгольм. Дом с коллективным обслуживанием на Эриксоггата. Архит. С. Маркелиус. 1935. Общий вид, план типового этажа

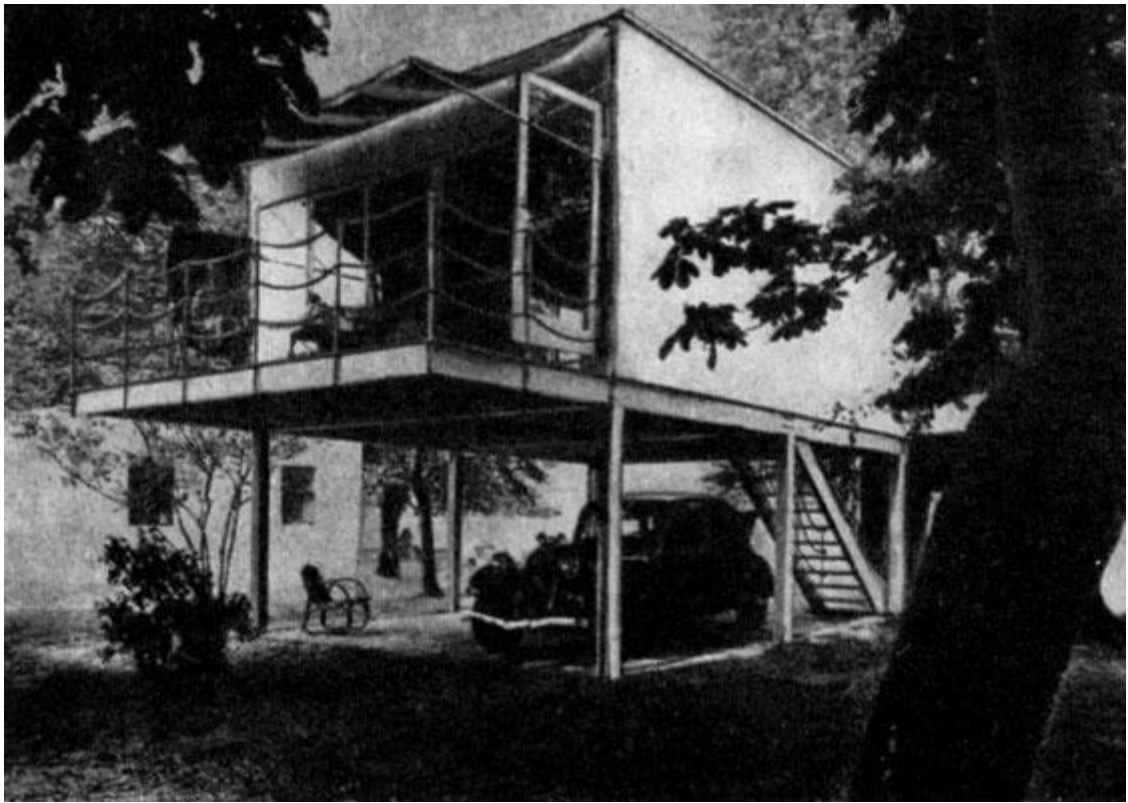
Для более крупных индивидуальных жилищ в пригородах архитектор Э. Фридбергер из Гётеборга разработал систему "Элементхус" (1937 - 1938), основанную на сочетании каркаса из стальных прокатных профилей и изготовленных заводом деревянных панелей. Использование неструктурных перегородок освобождало интерьер от строгого следования конструктивной основе. Используя минимальное число типов сборных элементов, архитектор стремился достичь максимального разнообразия вариантов планировки.

Геометричность и подчеркнутое выявление структурной основы сооружения в постройках Фридбергера как бы превосходят некоторые черты более поздних работ Мис ван дер Роэ (как, например, дома Фэрнсуорт).

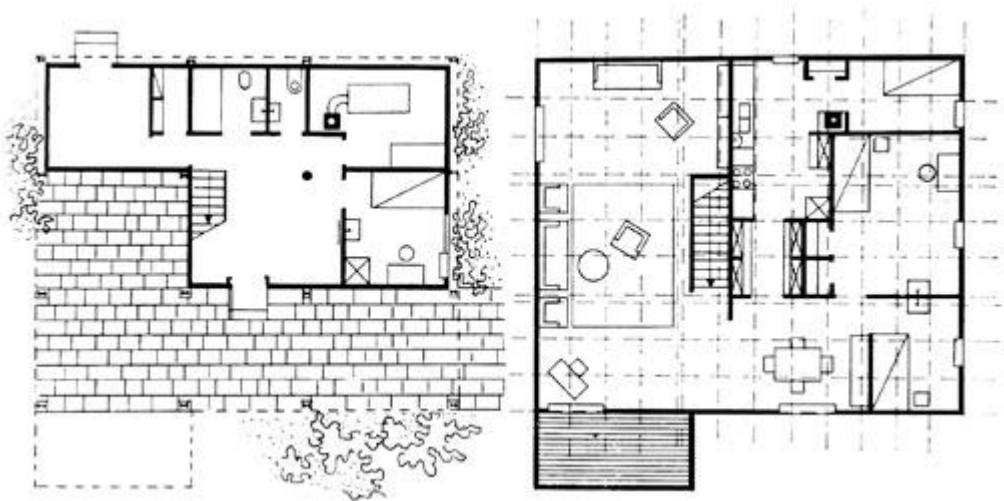
Стокгольм. Элфвинггорден, дом для работающих женщин. Архитекторы С. Бакстрём и Л. Рейниус, 1940. Типовая ячейка, схема плана, вид жилого корпуса

Под влиянием экономических трудностей времени второй мировой войны начиная с 1940 г. в шведском жилищном строительстве произошли существенные изменения. Резко сократилось применение стали и бетона (широко экспортировавшая высококачественную сталь Швеция не производила арматурного железа). Здания со стенами из красного и желтого неоштукатуренного кирпича увенчивались высокими черепичными кровлями. Стремление к экономии топлива заставило сократить размеры окон и увеличить ширину корпусов до 10 - 11 м. Не все эти перемены определялись утилитарными соображениями. Стереотип 30-х гг. - элементарный объем с белыми оштукатуренными стенами, подчеркнуто жесткий, не позволял формировать жилую среду, отвечающую не только физиологическим, но и психологическим потребностям человека.

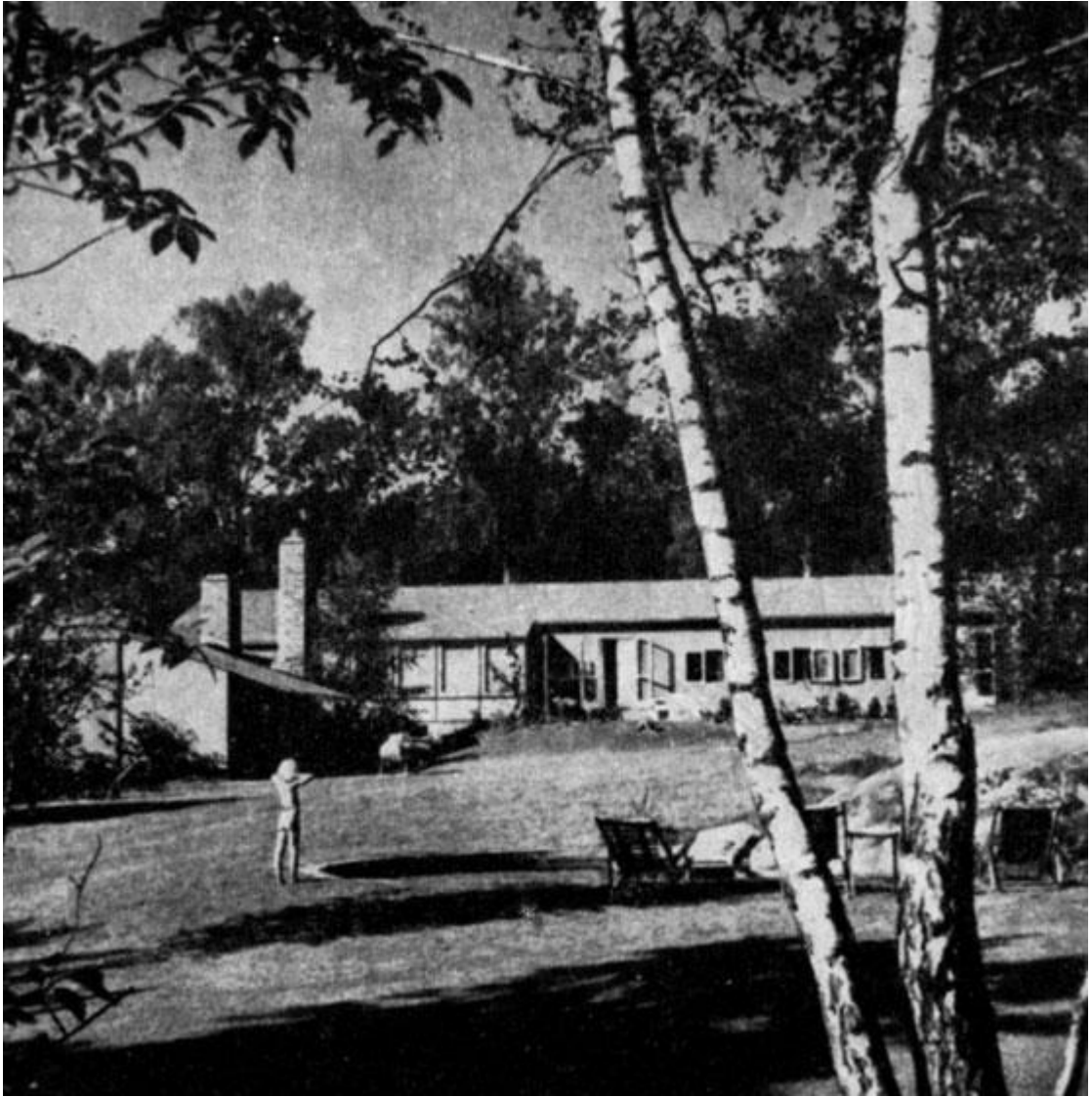
Стандартные дома 'Элементхус'. Архит. Э. Фридбергер, 1938. Общий вид

Стремление вернуть жилищу характер теплоты и уюта особенно ярко проявилось в малоэтажном строительстве, где архитекторы стали обращаться к опыту народного зодчества Швеции. В его наследии они видели не арсенал форм, воплощающих национальную экзотику, а прообразы целесообразных архитектурных решений в конкретных условиях страны. Программной работой для этого направления поисков был собственный дом архит. С. Маркелиуса в Кёвинге, пригороде Стокгольма, где достигнуто органичное единство распластанных объемов Г-образной в плане постройки и наклонного, понижающегося к югу участка (1945).

Стандартные дома 'Элементхус'. Архит. Э. Фридбергер, 1938. Планы

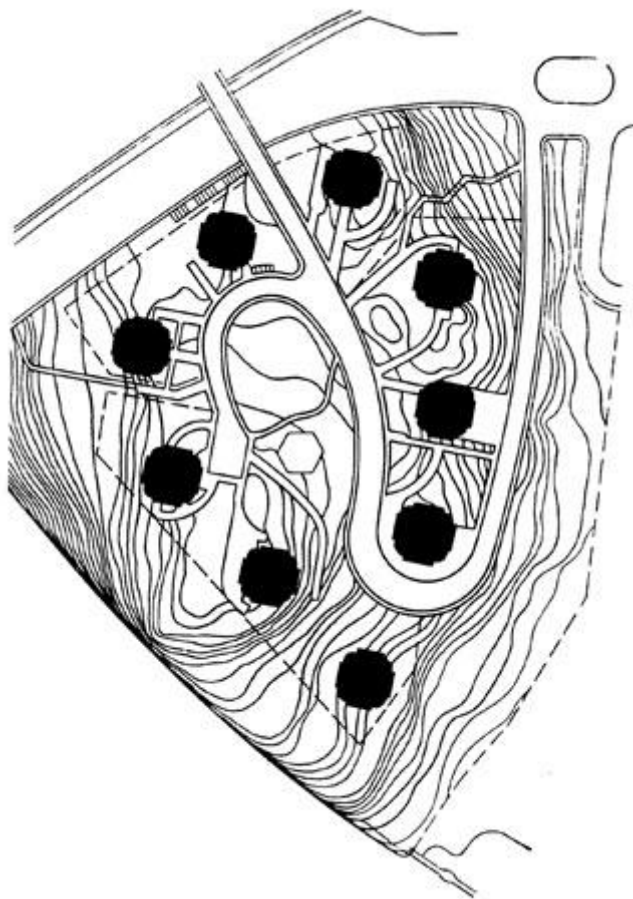
В начале 40-х гг. в Швеции стали широко применяться односекционные жилые дома - так называемые "точечные блоки". Такие дома появились впервые при застройке неудобных скалистых участков на периферии Стокгольма, где малая площадь застройки значительно упрощала постановку построек на сложном рельефе; они имели четыре - пять этажей. Однако прочность скальных грунтов на участках, где обычно использовались односекционные здания, делала целесообразным увеличение их этажности. Первыми превратили точечные блоки в дома-башни архитекторы С. Бакстрём и Л. Рейниус при застройке квартала тала Данвикскиппан в юго-восточной части Стокгольма (1943). Девятиэтажные вертикальные объемы окружают здесь вершину скалистого холма. Дома имеют в плане форму квадрата со срезанными углами, в центре корпуса располагаются лифты и обычная для шведских домов винтовая лестница. Фронт наружных стен использован для жилых помещений (от двух до восьми квартир на этаже). Завершение здания высокими кровлями и пластичность объемов характерны для шведской архитектуры тех лет. Группировка домов всецело подчинена рельефу, асимметричному овалу площадки, которую они окружают. В пространстве между зданиями раскрываются далекие морские панорамы, природная живописность ландшафта сохранена. Композиция навеяна эскизами "города башен" Ле Корбюзье. Вместе с тем характер воплощения идеи ближе к той романтической тенденции, которая характерна для органической архитектуры.

Кёвинге. Жилой дом, Архит. С. Маркелиус, 1945

Специфический тип башенного дома, возникший в Швеции, благодаря своим функциональным достоинствам (возможность группировки большого числа квартир вокруг одной вертикальной коммуникации, угловое проветривание и двусторонняя ориентация квартир) получил широкое распространение и за ее пределами. Популярность башенных домов в большой мере определялась тем, что стало возможно внести контрасты в панорамы жилой застройки. Однако прием их группировки "кустом" применялся не менее часто, чем сочетание с протяженными объемами домов средней этажности.

Жилые комплексы в городах Швеции после 1945 г.

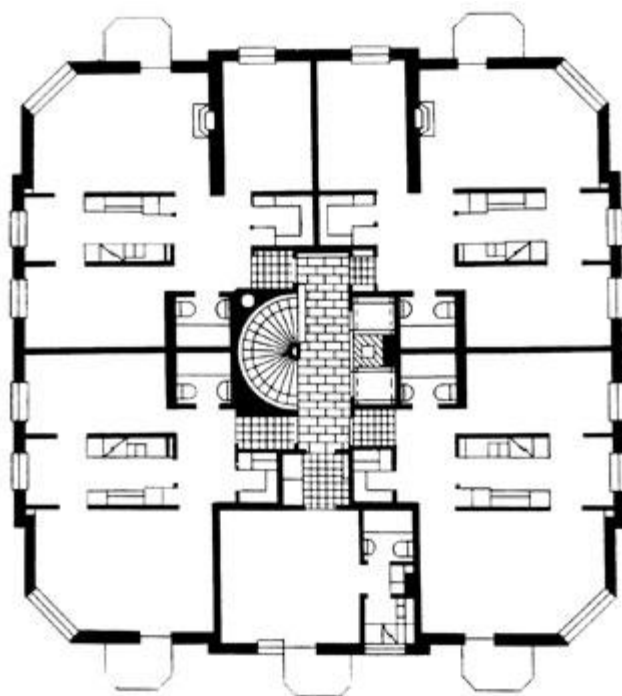
Стокгольм. Квартал Данвиксклиппан. Архитекторы С. Бакстрём и Л. Рейниус, 1943. Схема плана

В послевоенные годы социологические аспекты организации жилых комплексов в Швеции были выдвинуты на первый план наряду с лозунгом "солнце - свет - воздух", провозглашенным функционалистами в 30-е гг. На творческое мышление архитекторов большое влияние оказал тогда перевод на шведский язык книги американского социолога Л. Мамфорда "Культура городов", изданной в 1943 г. В центре внимания оказалась идея - использовать организацию обслуживания населения для создания "соседств", коллективов, формируемых на определенной территории. Казалось, что расчленение города на обозримые единицы, четко обозначенные пространственно, вернет образ жизни горожан к укладу старых поселений, где каждый человек был связан традиционной схемой поведения и социальным контролем сельской общины.

Стокгольм. Квартал Данвикскиппан. Архитекторы С. Бакстрём и Л. Рейниус, 1943. Вид жилого корпуса

На основе таких предпосылок создавались жилые комплексы шведских городов в конце 40 - 50-х гг. Эти комплексы входили в иерархию крупных новых систем, как в Стокгольме или Гётеборге, или создавались как обособленные единицы, дополняющие сложившийся массив застройки; стремление создать внутренне завершенные, замкнутые в себе структуры определяло их композицию. Проблема единства жилой среды микрорайона выдвигалась теперь на первый план. Выражение целостности "соседства" казалось задачей не формальной, но имеющей социальное содержание. Механистичность строчной застройки, ее однородность, исключавшая создание завершенных единиц, стали неприемлемы. Поиски целостной композиции, сформированной вокруг пространственного ядра в конце 40-х гг., были еще робкими. Характерен квартал Торпа в Гётеборге (1947 - 1949, архитекторы Н. Эрикссон и Э. Рагндал). Ряды параллельных корпусов здесь охватывают озелененное пространство, где размещены площадки для отдыха и спорта, детский сад и т. п. Однако на основе трансформации строчной застройки невозможно было достичь нового качества жилой среды.

Стокгольм. Квартал Данвикскиппан. Архитекторы С. Бакстрём и Л. Рейниус, 1943. План этажа

Как реакция на прямолинейность и сквозную раскрытость строчной застройки возник прием блокировки трехлучевых секций, выдвинутый архитекторами С. Бакстрёмом и Л. Рейниусом. Авторы здесь видели возможность на основе стандартизированной в той же степени, что и при строчной застройке, создать систему разнообразных пространств, замкнутых и открытых, больших и малых. Сам переход к непрямоугольной системе казался большим достижением. В квартале Грендал, включающем 400 жилищ и расположенном у юго-западной границы "Каменного города" шведской столицы (1944 - 1946), Бакстрём и Рейниус применили блокировку трехлучевых секций в "сотообразную" структуру с полузамкнутыми дворами, хорошо защищенными от ветра (комплекс лежит на высоком плато близ оз. Меларен). Однако прием блокировки оказался чрезмерно жестким. Повторение одинаковых дворов сложного очертания рождало ощущение монотонности не менее острое, чем строчная застройка. Сами дворики были затеснены и плохо инсолировались.

Гётеборг. Квартал Торпа. Архитекторы Н. Эрикссон и Э. Рангдал, 1947 - 1949. 1 - общественно-торговый центр; 2 - детский сад; 3 - котельная и прачечная; 4 - гаражи; 5 - магазин

В 1947 - 1952 гг. те же архитекторы построили более крупный жилой комплекс Роста на 1200 жилищ в Эребру, где трехлучевые секции сблокированы в более свободную систему, формируя зигзагообразные корпуса, двумя широкими петлями охватывающие обширные озелененные пространства. Подъезд автомашин к домам был обеспечен дорогами, введенными внутрь широких петель застройки. Дороги отсекали жилища от сада - недостаток, который становился нетерпимым вместе с ростом числа автомобилей, и в 1966 г. коммуникации микрорайона были реконструированы. Дороги теперь проходят по внешней стороне петель, там же располагаются и автостоянки. Место торгового центра, вынесенного к магистрали, отмечено вертикальной "вехой" - 12-этажным башенным домом, решительно выделяющимся среди трехэтажной застройки. Своеобразная композиция вызвала ряд подражаний. Однако планировку комплекса критиковали за то, что часть квартир была обращена лишь на внешнюю сторону "петель" застройки. Это затрудняло наблюдение за гуляющими детьми. Балконы других квартир оказались в чрезмерно близком соседстве, нарушающем интимность жилищ. Строгий анализ экономичности трехлучевых секций заставил окончательно отказаться от их применения.

Стокгольм. Квартал Грёндал. Архитекторы С. Бакстрём и Л. Рейниус, 1944 - 1946. Виды застройки

Прием застройки, последовательно развивающий идею обращенности комплекса внутрь, предложили архитекторы П. А. Экхольм и С. Уайт, построившие в 1952 - 1957 гг. микрорайон Барунбакерна на 1200 жилищ в том же Эребру (следует отметить роль этого города в развитии архитектуры жилища - здесь был выдвинут ряд принципиально новых предложений). Комплекс застроен по периметру меандром трехэтажных жилых корпусов, образующих интимные дворики, раскрытые к обширному центральному пространству. Проезды охватывают комплекс с внешней стороны, для подъезда к домам устроены короткие тупики, связанные с дворами через проходы под домами. Входы устроены только со стороны дворов. Сюда же обращены окна кухонь и общих комнат. Внутреннее пространство микрорайона пересекают только пешеходные дорожки. Подобный принцип нашел широкое применение в шведском строительстве 50-х гг. Геометрически правильный меандр четырехэтажных корпусов, охваченный извне кольцом подъездов и полосой автостоянок (одно место на каждую квартиру), определяет, например, композицию микрорайона Марбакен в Эребру (архитекторы С. Уайт и Б. Алм, 1958). Три П-образных в плане дома, как бы три "звена" меандра, образуют самостоятельную группу. Сады, с трех сторон ограниченные корпусами, приподняты над уровнем улицы, что изолирует их от потоков движения и паркингов. В домах комплекса, чтобы

облегчить наблюдение за детьми, перед детской устроена лоджия, соединенная с кухней.

Стокгольм. Квартал Грёнда́л. Архитекторы С. Бакстрём и Л. Рейниус, 1944 - 1946. Виды застройки

Пространственная композиция этих жилых комплексов отыскивалась прежде всего в двухмерной плоскости плана. Именно планы и дают наиболее полную информацию о них, в то время как фотографии, выхватывая случайные фрагменты, не помогают представить их в целом. Пространственная структура, привлекающая своей четкостью на планах, с трудом воспринимается в натуре.

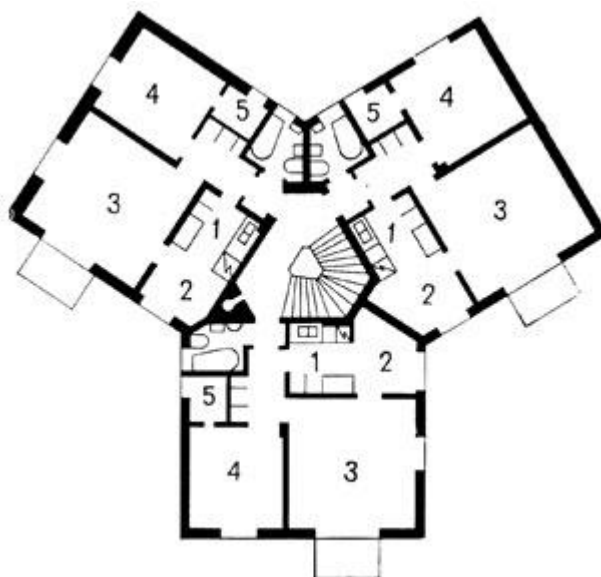
Стокгольм. Квартал Грёндаль. Архитекторы С. Бакстрём и Л. Рейниус, 1944 - 1946. Виды застройки

Реакция против схематизма довоенных приемов застройки породила стремление к живописности, к подчинению пространственной структуры комплексов природному окружению. Стали появляться жилые здания, корпуса которых мягко изогнуты, следуя рельефу. Контрасты, создаваемые включением в застройку домов башенного типа, усиливали живописность новых микрорайонов. Эта тенденция ясно выражена в жилых комплексах Веллингбю, где группировка масс подчинена рельефу и подчеркивает его пластику. Примером может служить квартал Фюрфергспеннан (архит. Х. К. Клемминг, 1951 - 1953), примыкающий к центру с юго-западной стороны. Трехэтажные дома здесь двумя террасами вытянуты вдоль склона холма, гребень которого подчеркивают 11-этажные башни. В то же время к середине 50-х гг. архитектура жилых домов становится более четкой и геометричной, высокие кровли вновь вытесняются плоскими. Развитие крупнопанельного домостроения способствует закреплению ясных, лаконичных форм. От экспериментов 40-х гг. сохраняется вкус к сложным объемно-пространственным решениям; величина проемов остается умеренной, а контраст поля стены и окна сохраняет значение одной из ведущих формальных тем. Стремясь символически выразить идею единства жилого комплекса, архитекторы обратились к пространственной форме средневековых укрепленных поселений. Образуя замкнутый периметр из невысоких протяженных зданий, они стремились обеспечить защиту от ветра и внешних шумов и надеялись создать уютную среду, стимулирующую соседское общение. Подобный прием использован для небольшого комплекса в юго-западной части района Кортедала в Гётеборге (1952 - 1956, архитекторы С. Бролид и Я. Валиндер).

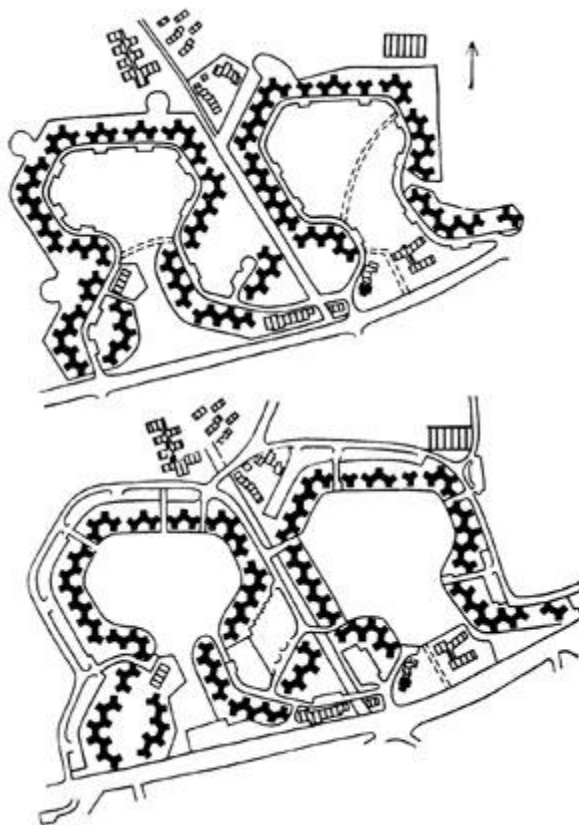
Стокгольм. Квартал Грёндал. Архитекторы С. Бакстрём и Л. Рейниус, 1944 - 1946. Типовая секция

В условиях равнинного ландшафта Мальмё приемы живописной группировки корпусов не были мотивированными; напротив, соседство четко организованных кварталов старого города диктовала строгость пространственной композиции. Жилой район Лоренсборг, застроенный в 1957 - 1961 гг. по проектам архитекторов Ф. Янекке и С. Самуэлсона (квартал Нюторп), Т. Росса и Б. Торнберга (квартал Лоренсборг) имеет обширные прямоугольные дворы, сформированные высокими пластинами в 9 и 16 этажей, обращенными к магистрали, и корпусами в три - четыре этажа на стороне района, обращенной к парку и городскому стадиону. Многоэтажные дома крупнопанельной конструкции в своем формообразовании развивают ту жестковатую рационалистичность, которая характерна для пространственной организации района.

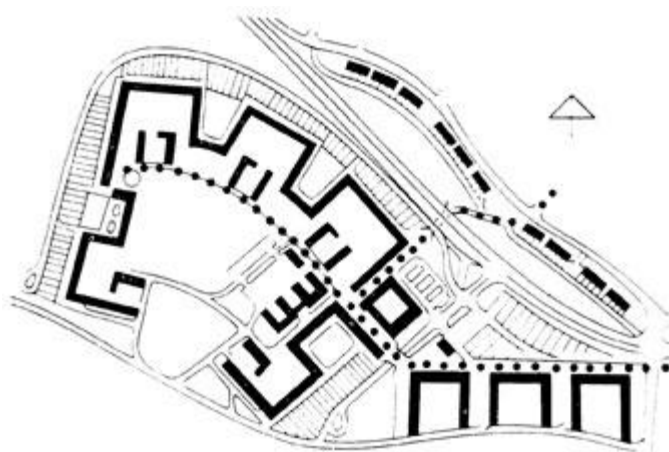
Стокгольм. Квартал Грёндал. Архитекторы С. Бакстрём и Л. Рейниус, 1944 - 1946. План: 1 - кухня; 2 - столовая; 3 - жилая комната; 4 - спальня; 5 - помещение для одежды

К концу 50-х гг. идея "замкнутой общины" обнаружила свою бесплодность. Микрорайон не оправдал себя и как главная структурная единица системы обслуживания. Замкнутость жилых комплексов стала восприниматься как свойство, противоречащее реальным связям городского организма. Крайности живописной организации комплексов критиковали и за то, что трудно ориентироваться в их пространстве, и за нарочитую сентиментальность их облика, неестественность стилизации архитектуры под некие "природные образования". Жилые комплексы стали получать более открытую пространственную структуру, тяготеющую к центру района. Происходит возвращение к приему, основанному на членении пространства группами параллельно расположенных одинаковых корпусов ("мода" на дома башни прошла). К тому же при установленной в 60-е гг. норме обеспечения автостоянками - место на каждую квартиру - дома башни требовали слишком обширных площадок, которые трудно разместить. Геометричность элементарных объемов зданий вновь противопоставляется прихотливой сложности природной формы.

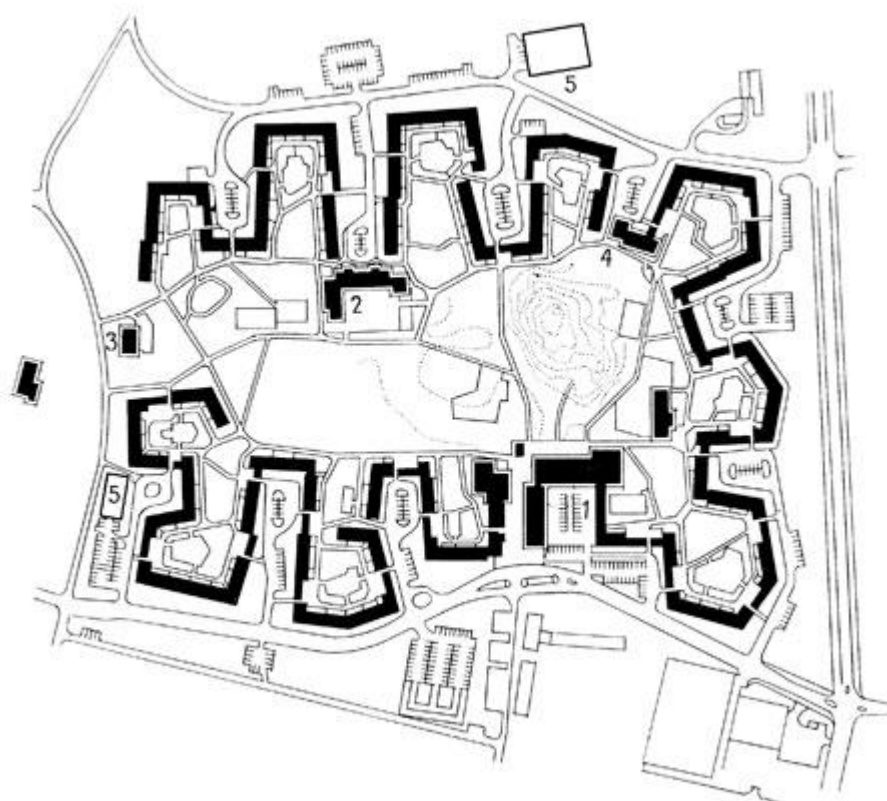
Эребру. Микрорайон Роста. Первоначальная планировка квартала и ее реконструкция в 1966 г. Архитекторы С. Бакстрём и Л. Рейниус, 1947 - 1962

Примером такого рода стала застройка района Бреденг на 17 тыс. жителей (1965, архит. К. Э. Сандберг). Он имеет довольно строгую организацию жилых комплексов, которые выглядят "более городскими", чем жилые районы 50-х гг. Три группы одинаковых и одинаково ориентированных восьмиэтажных домов-пластин доминируют в панораме, причем каждая группа охватывает центральное зеленое пространство. С внешней стороны к этому ядру примыкают группы индивидуальных домов. Однако четкость композиции остается свойством плана и не воспринимается в натуре. Повторение восьмиэтажных корпусов кажется утомительно монотонным. Вместе с живописностью, уже не отвечавшей общественному настроению, были отброшены и важные положительные качества композиции комплексов предшествовавшего периода. Возродился "кладбищенский порядок" стройной застройки предвоенных лет. Внимание ко всем деталям природного окружения стало сменяться пренебрежением.

Эребру. Микрорайон Марбакен. Архитекторы С. Уайт и Б. Алм. 1958

Монотонность вновь становится свойством жилых комплексов шведских городов. Она доминирует в микрорайоне Вивалла на 2600 жилищ в Эребру (архитекторы Б. Хултен и Л. Кварнстрём, проект 1966 г). Здесь прямые "строчки" двухэтажных корпусов, вытянувшихся вдоль тупиковых ответвлений проезда, охватывающего комплекс по периметру, образуют два плотно застроенных массива, разделенных полосой, в которой расположены школы и торговый центр. С этой полосой связывается система пешеходных дорог.

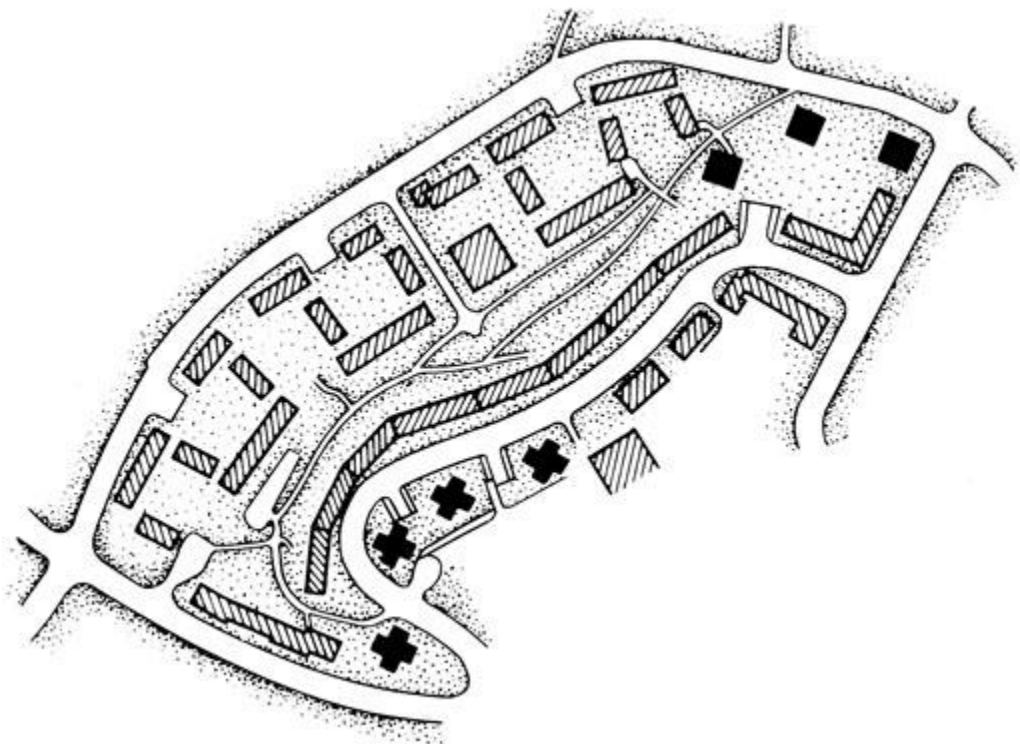
Эребру. Микрорайон Барунбакарна. Архитекторы П. А. Экхолм и С. Уайт, 1952 - 1957. Генплан. 1 - торговый центр; 2 - школа; 3 - детсад; 4 - магазин; 5 - гараж

Попытки избежать монотонности вели к противоречивым формальным экспериментам. Среди них - упоминавшиеся выше "супермонументальные" кварталы Тэбю. В микрорайоне Танту на юго-западной окраине "Каменного города" в Стокгольме (1962 - 1965) архитекторы О. Альстрем и К. Острём стремились создать организованную среду группировкой пяти криволинейных в плане корпусов, поставленных на южном склоне, круто опускающемся к воде. Их высота возрастает от 8 этажей на нижней террасе до 15 на бровке. Таким приемом не только подчеркнут рельеф, но и достигнута высокая плотность без ущерба для инсоляции. Территория расчленена на ряд террас, в пространстве которых благодаря вогнутости корпусов обозначились интимные дворики.

Эребру. Микрорайон Барунбакарна. Архитекторы П. А. Экхолм и С. Уайт, 1952 - 1957. Типовая секция

Те же архитекторы - Альстрем и Острём - запроектировали микрорайон Иьюпкэрсберг в Тюресё южнее Стокгольма (проект 1966 г.). Пять семи - восьмиэтажных корпусов, изогнутых по циркульной дуге, располагаются вокруг центрального ядра - вершины скалистого холма - как лопатки колеса турбины вокруг его оси. Петля дороги охватывает комплекс снаружи, а внутреннее пространство, недоступное для машин, включает детские учреждения и игровые площадки, расположенные на живописном рельефе. Благодаря уклону удалось организовать в разных уровнях пересечение пешеходных дорог, ведущих к торговому центру, школам и автобусным остановкам, с транспортной петлей. Композиция комплекса обеспечивает как защищенность его интерьера, так и вид на обширную панораму с внешней стороны корпусов, венчающих возвышенность. Восприятие формы отдельных корпусов раскрывает в конечном счете и общую закономерность пространственной организации.

Веллингбю. Квартал Фюрфергспеннан. Архит. Х. К. Клемминг. 1951 - 1953.

Схема плана

Район Бископсгорден в Гётеборге, включающий 10,5 тыс. жилищ и застраивавшийся в 1955 - 1967 гг. по проектам многих архитекторов, стал почти коллекцией приемов организации жилого комплекса, сменявшихся в шведском строительстве, за этот период. Его южная группа имеет живописную композицию, характерную для 50-х гг. В средней части любопытна группа криволинейных корпусов (архитекторы Э. и Т. Алсен); четкая на плане, северная группа, строившаяся позже других, образована прямоугольными карре жилых корпусов (арх. Н. Э. Эриксон).

Гётеборг. Жилая группа в юго-западной части района Кортедала.

Архитекторы С. Бролид и Я. Валиндер, 1952 - 1956. Фасад трехэтажных корпусов

Сочетать четкий геометрический порядок и естественную живописность группировки построек сумел архитектор Р. Эрскин в жилом комплексе Бриттгорден на 350 жилищ в городе Тибру (1959 - 1966). Четырех - пятиэтажные корпуса жестко ограничивают участок с трех сторон. Внутри его пространства трехэтажные постройки, сблокированные дома и индивидуальные дома с двориками-атриумами образуют живописные и необычные группы. Целостная среда, созданная здесь, интимна и масштабна. В композиции галерейных домов изобретательно сочетаются формы, выявляющие их каркасную конструкцию и разнообразно трактованные поверхности стеновых заполнений. Своеобразный "выброс" целостной ткани малоэтажной застройки в юго-восточную сторону за пределы периметра многоквартирных домов освободил композицию от скованности.

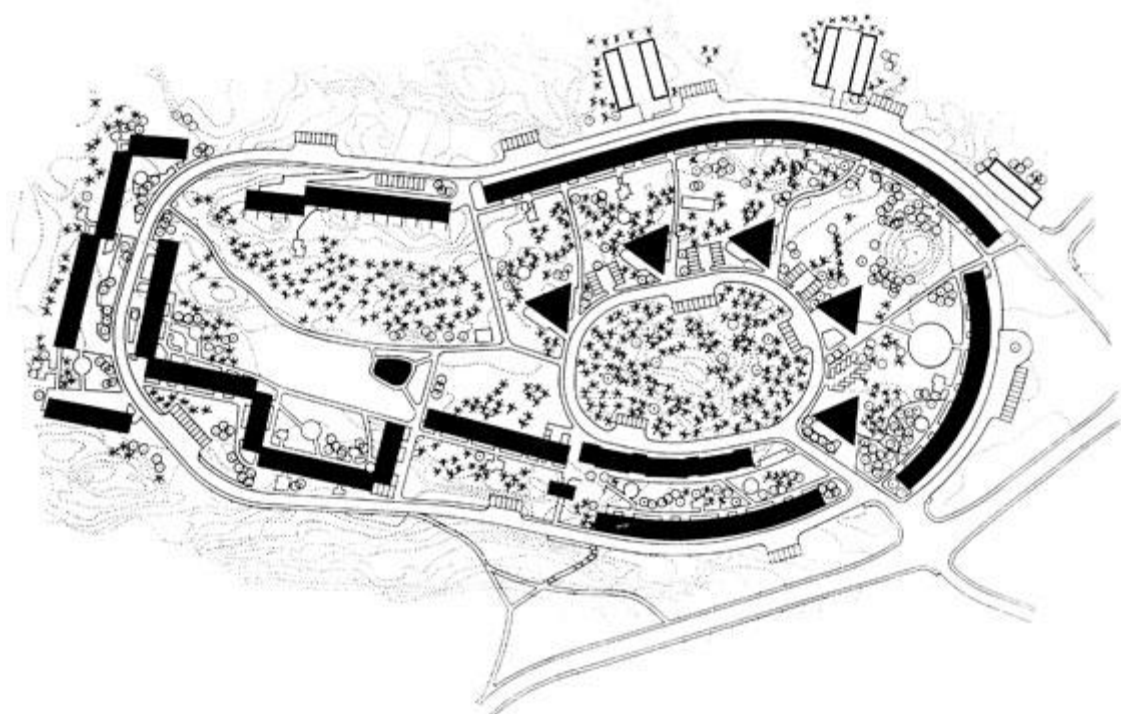

*Гётеборг. Жилая группа в юго-западной части района Кортедала.
Архитекторы С. Бролид и Я. Валиндер, 1952 - 1956. Фасад трехэтажных корпусов*

Стокгольм. Застройка жилой группы района Бреденг. Архит. К. Э. Сандберг, 1965

Р. Эрскин - один из наиболее своеобразных архитекторов Швеции - много сделал для создания специфической архитектуры заполярных поселений, где человек испытывает потребность в жилой среде, надежно защищенной от неблагоприятного климата. Р. Эрскин - противник утопических городов под прозрачными куполами. Он полагает, что их создание не только затруднительно и не оправдано экономически, но и породило бы противопоставление искусственной и природной среды, чреватое губительными последствиями как для здоровья, так и для психики человека. По его мнению, на севере дома и улицы должны быть как цветы: раскрывающимися навстречу весеннему и летнему солнцу и отворачивающимися от холодных ветров. Высокую плотность застройки

Эрскин считает необходимой для севера. Здания большой протяженности должны сочетаться с открытыми переходами, надежно защищенными от ветра и обращенными к солнцу, или с внутренними обогреваемыми улицами - северными эквивалентами аркад Венеции, как он их называет. Под полами таких бульваров должны проходить защищенные от холода каналы инженерных коммуникаций. Человек в среде, организованной подобным образом, не изолируется от природного окружения, но получает необходимую защиту от крайностей климата.

Гётеборг. Жилая группа в юго-западной части района Кортедала.

Архитекторы С. Бролид и Я. Валиндер, 1952 - 1956. Генплан

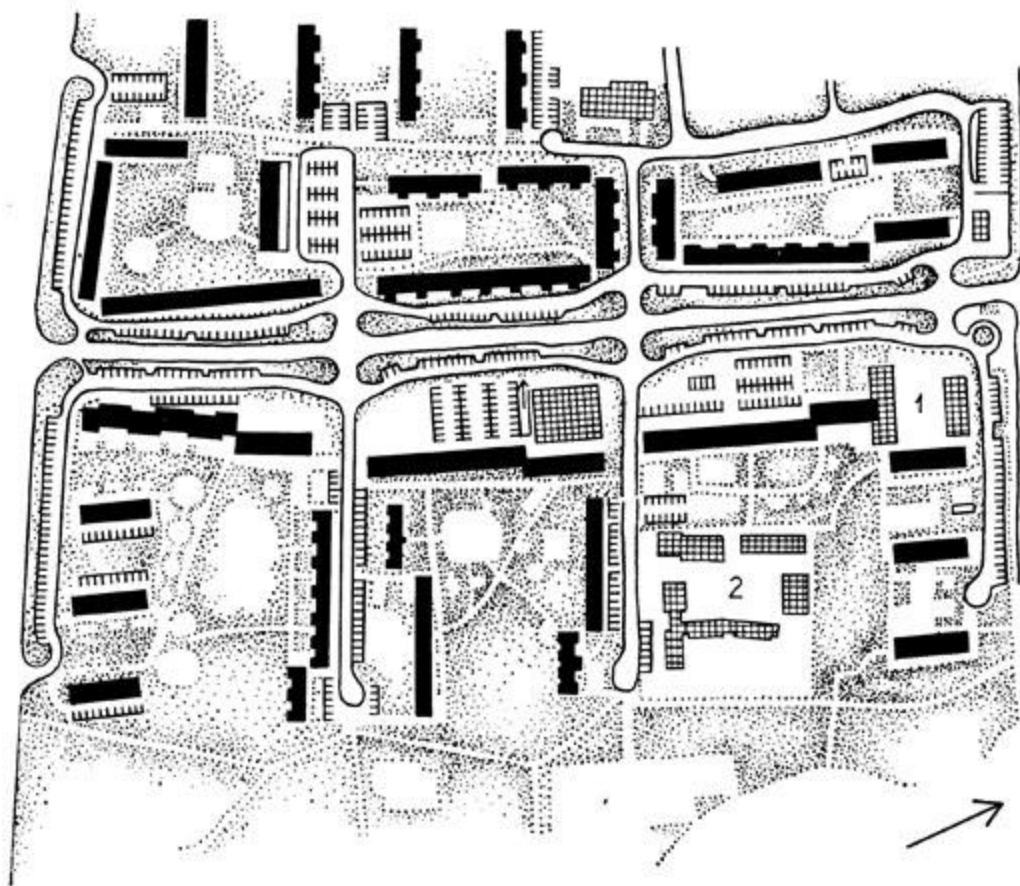
Идеи Р. Эрскина не получили комплексной реализации, но осуществленные фрагменты весьма интересны. В начале 60-х гг. был построен торговый центр приполярного портового г. Лулео. Комплекс его включает два связанных крытым переходом здания: торговый центр с магазинами, рестораном, кинотеатром, гостиницей и обслуживающий корпус с гаражами, складами и выставочным залом. Городские улицы введены в торговый центр через теплые воздушные завесы и продолжают сложным пространством внутренней отепленной улицы, куда открыты торговые помещения. Искусственный климат делает внутреннюю улицу местом встреч и общения. Чтобы психологически облегчить вход в здание без обязательства что-то купить, архитектор грубоватой крупной пластикой и характером материалов - неотделанного бетона и дерева, сохраняющего естественную текстуру, подчеркивает общественную функцию пространства, его связь с внешним миром. Пространство усложнено, и новый посетитель не может непосредственно воспринять целое. Однако в условиях маленького провинциального городка контингент посетителей постоянен (в отличие от

анонимной публики столичного универмага), а завсегдатай постепенно раскрывает все новые вариации пространственных впечатлений.

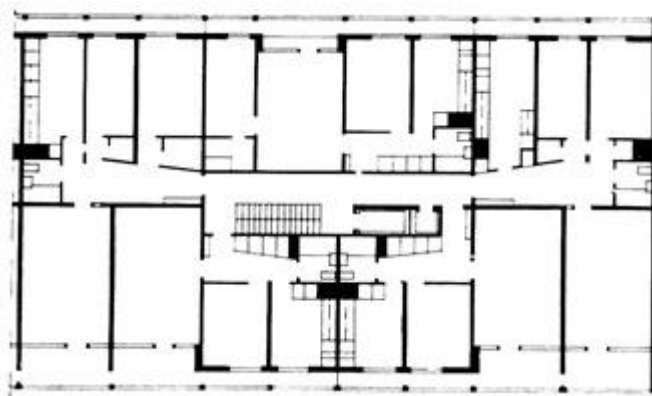
*Гётеборг. Жилая группа в юго-западной части района Кортедала.
Архитекторы С. Бролид и Я. Валиндер, 1952 - 1956. Общий вид комплекса*

Скульптурная форма разграничений пространства образует необходимые точки ориентации в нарочито усложненной среде.

Мальмё. Жилой район Лоренсберг. Архитекторы Ф. Янекке, С. Самуэлсон, Т. Росс и Б. Торнберг, 1957 - 1961. Генплан. 1 - торговый центр; 2 - школа

Подобные пространства должны были по проекту Р. Эрскина связать между собой жилые, общественные и торговые здания заполярного городка Кируна. Однако здесь была построена только небольшая группа жилых домов разной этажности, связанная общим стилобатом. Форма зданий в плане и их силуэт определялись стремлением избежать образования вихревых воздушных потоков при зимних ветрах и защитить площадку, вокруг которой сгруппированы здания, от снежных заносов.

Мальмё. Квартал Нюторп. 16-этажный дом. План секции

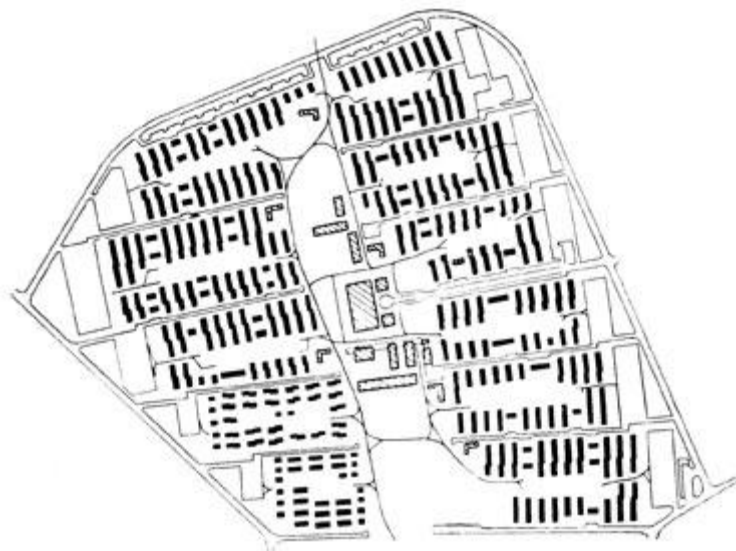
В 1963 г. Р. Эрскин разработал проект застройки шахтерского поселка Свапаваара, примерно в 50 км восточнее Кируны. Жилые постройки, включающие 1500 квартир, располагаются на склоне, обращенном к юго-западу. На верхней отметке двумя непрерывными лентами протянулись трех-четырехэтажные дома, которые должны защищать поселок как от ветра, так и от нарушающих сон косых лучей полуденного солнца в летние арктические ночи. Имеют свои ветрозащитные корпуса и отдельные жилые группы домов, расположенные на склоне. При этом изогнутая форма домов как бы фокусирует свет и тепло полуденного солнца. Обращен к югу и центр, связанный с протяженными корпусами, образующими северо-восточный рубеж поселка. Открытые площади, защищенные от ветра, сочетаются здесь с системой крытых утепленных улиц. Протяженные "дома-ветроломы", пока единственные построенные в соответствии с проектом Р. Эрскина, имеют замкнутые прорезанные редкими скупыми проемами фасады, обращенные на север, и южные фасады, своеобразную "приветливость" которым придают большие окна и прихотливый ритм балконов с деревянным ограждением. Карниз-козырек должен защищать ряды балконов от снега.

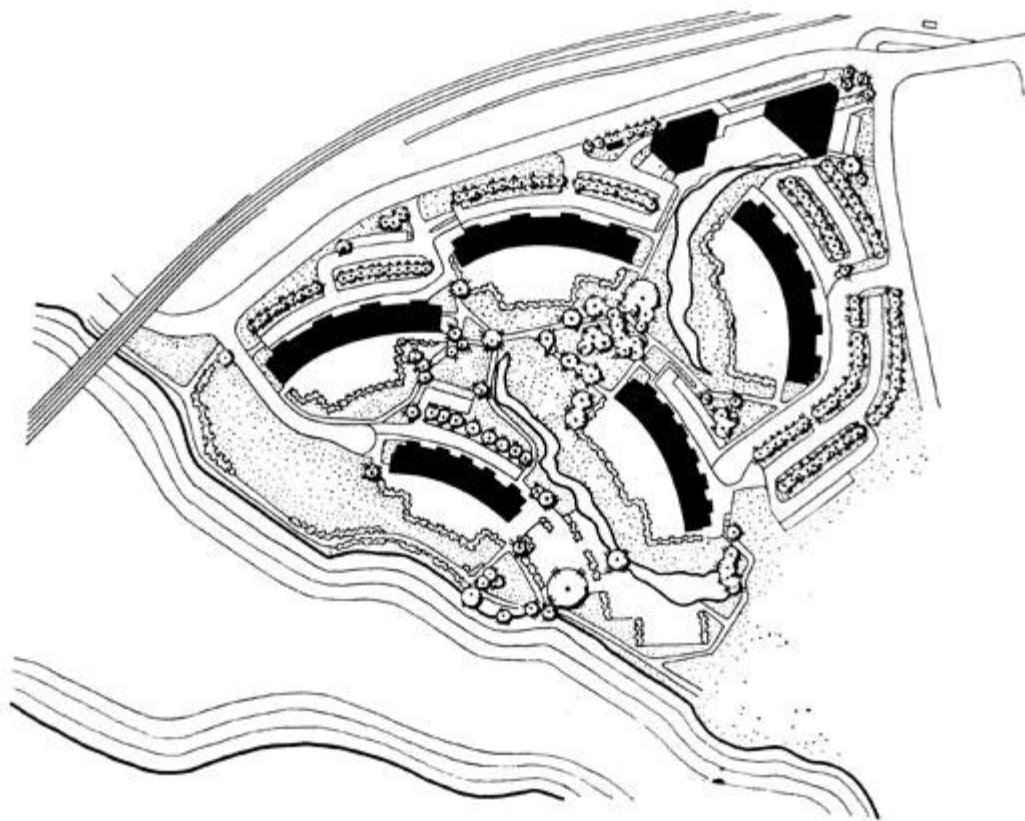
Мальмё. Квартал Нюторп. 16-этажный дом. Общий вид

Стокгольм. Застройка жилой группы района Бреденг. Архит. К. Э. Сандберг, 1965

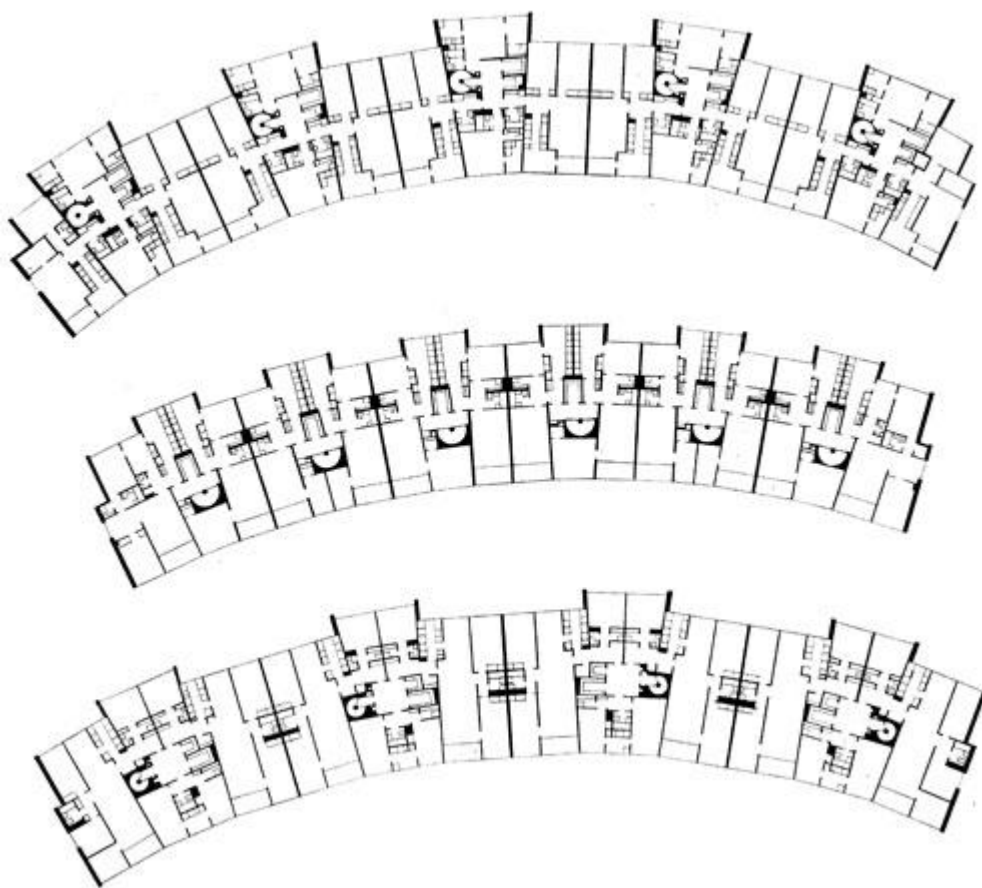
Эребру. Микрорайон Вивалла, 1966. Архитекторы Б. Хултен и Л. Кварнстрём. Генплан

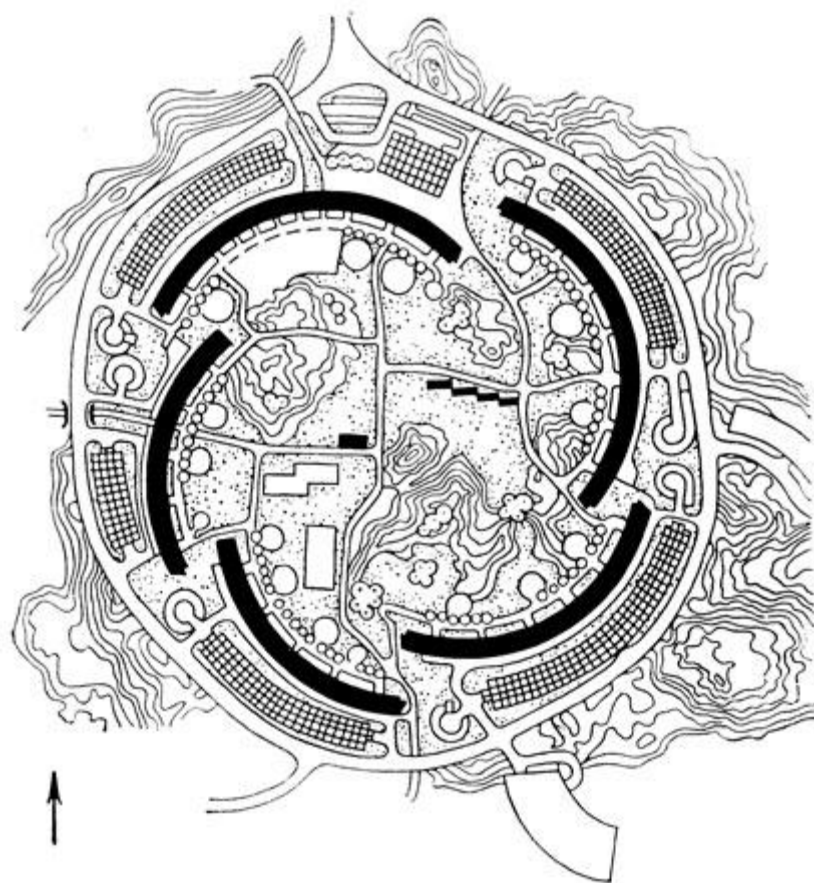
Стокгольм. Микрорайон Танту. Архитекторы О. Альстрем и К. Острём. 1962
- 1965. Генплан

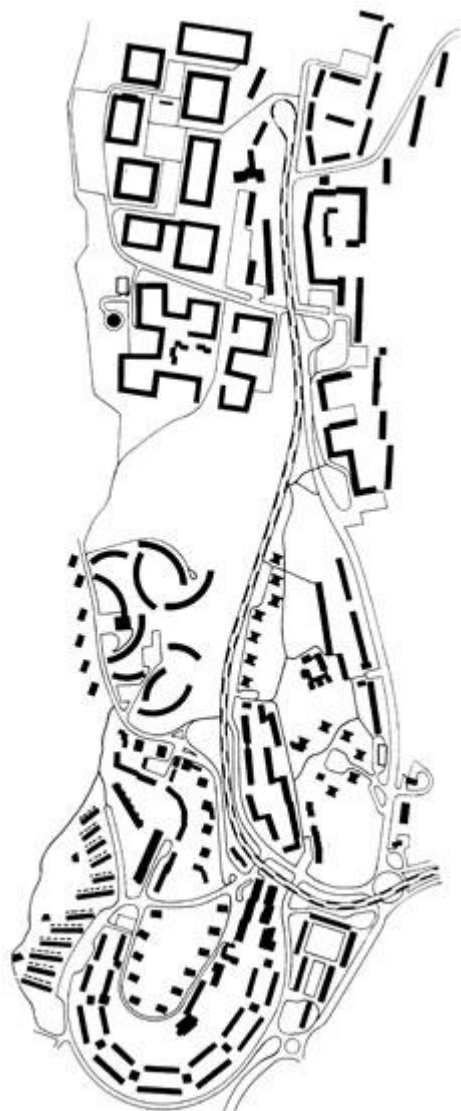
*Стокгольм. Микрорайон Танту. Архитекторы О. Альстрем и К. Острём. 1962
- 1965. Общий вид*

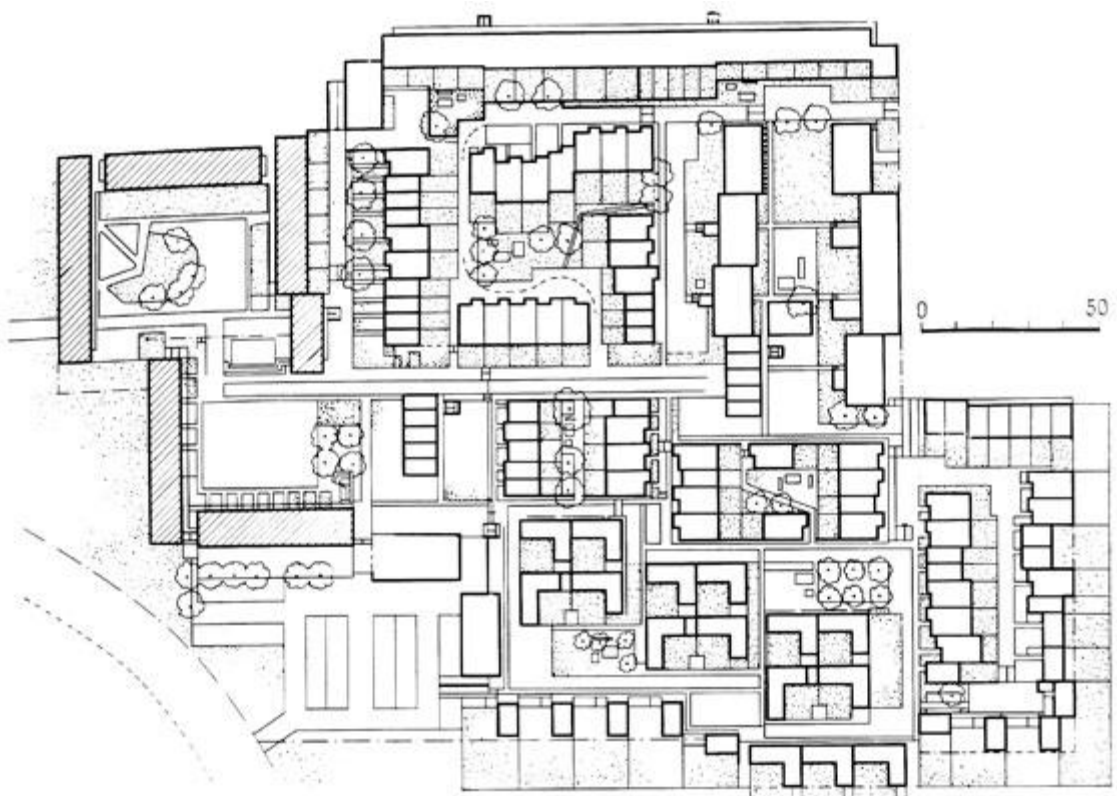
Стокгольм. Микрорайон Танту. Архитекторы О. Альстрем и К. Острём. 1962
- 1965. Планы домов

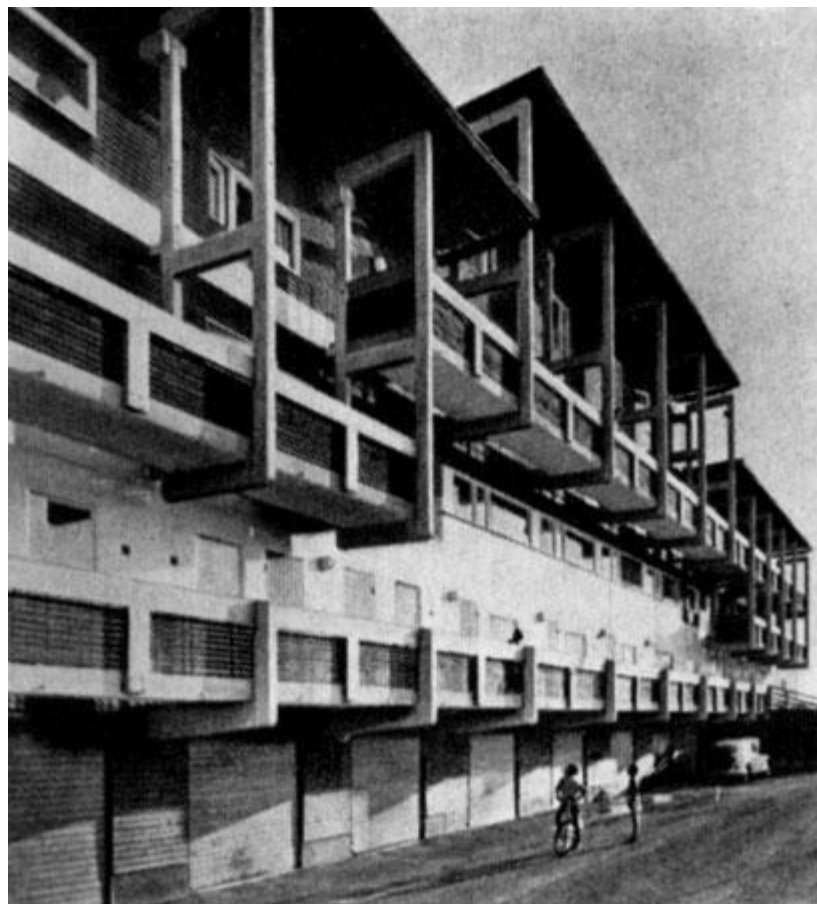
Тюресе. Микрорайон Ньюкэrrсберг. Архитекторы О. Альстрем и К. Острём,
1966

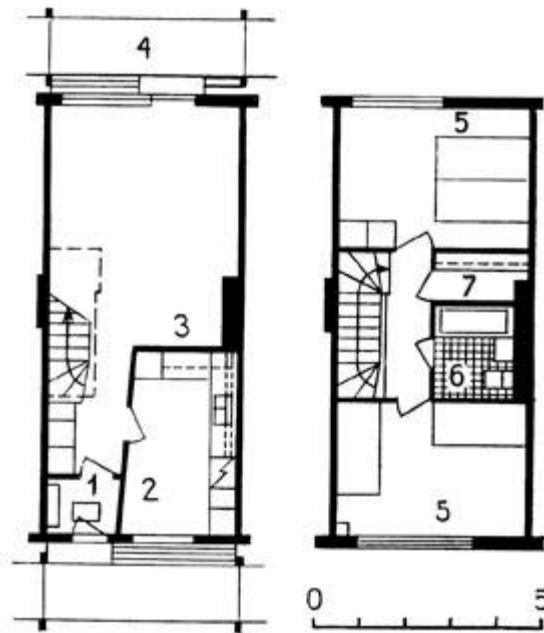
Гётеборг. Район Бископсгорден. Архитекторы Э. и Т. Алсен. Генплан

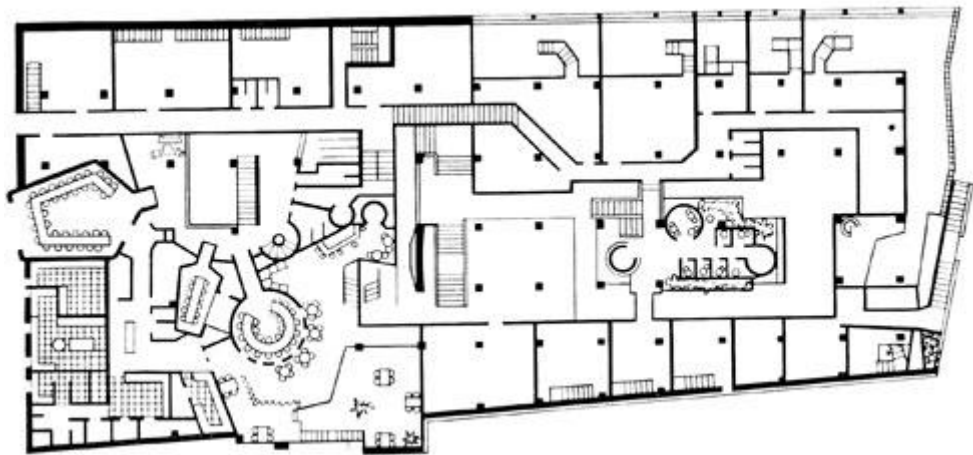
Тибру. Квартал Бриттгорден. Архит. Р. Эрскин, 1959 - 1966. Генплан

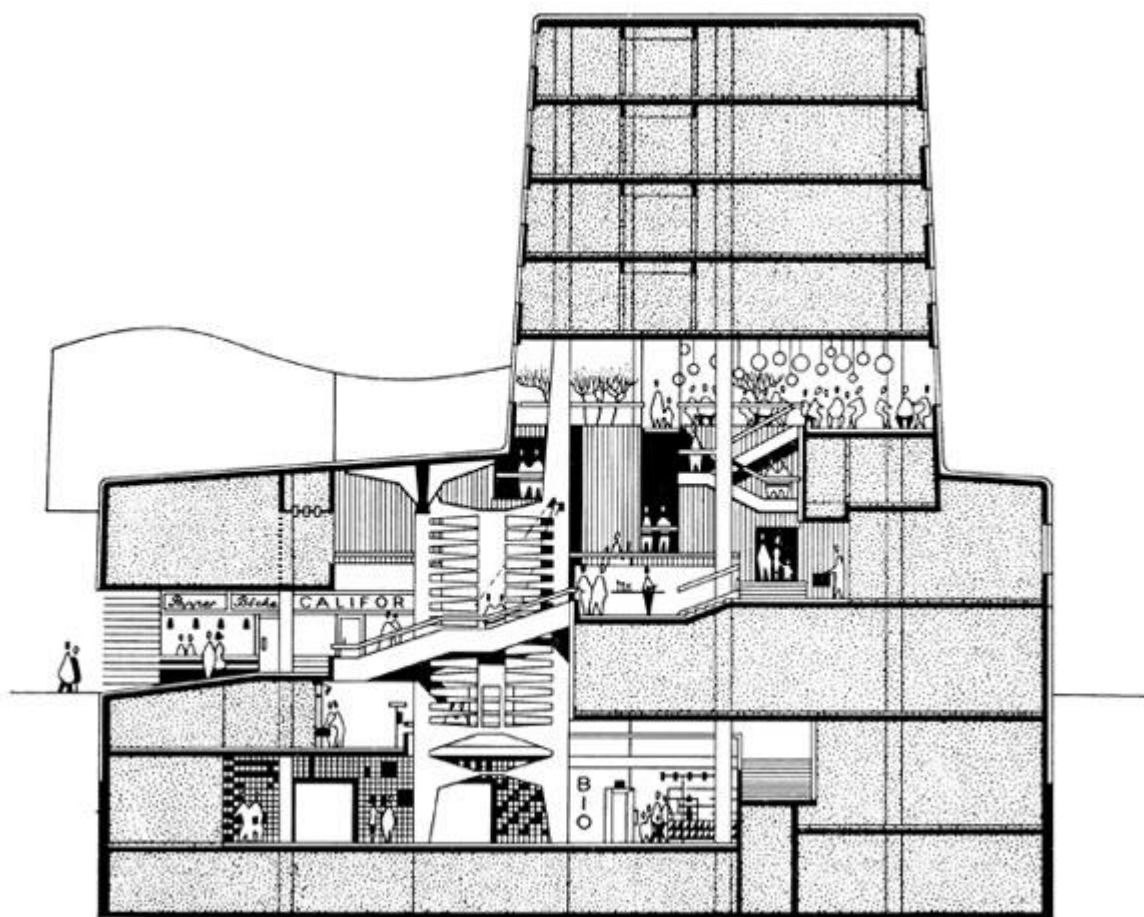
Тибру. Квартал Бриттгорден. Архит. Р. Эрскин. 1959 - 1966. Общий вид

Тибру. Квартал Бриттгорден. Архит. Р. Эрскин. 1959 - 1966. Ячейка галерейного дома. 1 - холл; 2 - кухня; 3 - комната; 4 - балкон; 5 - спальня; 6 - туалетная комната; 7 - гардеробная

Лулео. Здание торгового центра. Архит. Р. Эрскин, начало 60-х гг. План второго этажа

Лулео. Здание торгового центра. Архит. Р. Эрскин, начало 60-х гг. Разрез

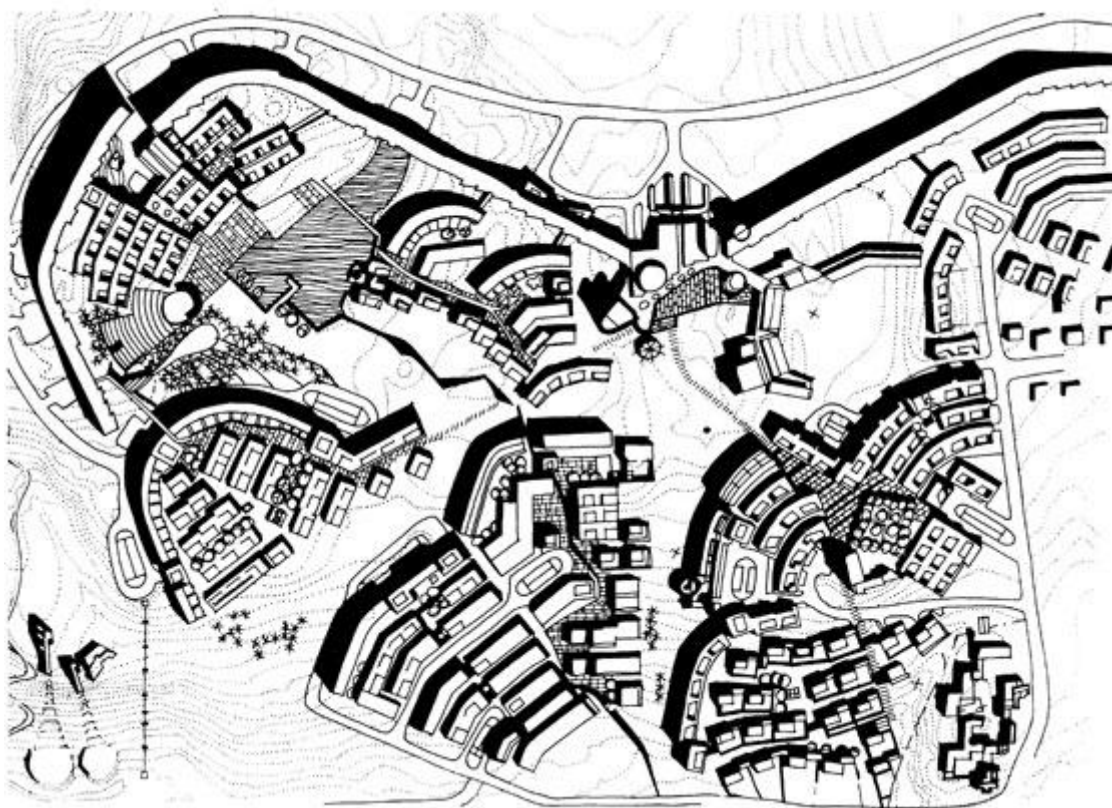

Лулео. Здание торгового центра. Архит. Р. Эрскин, начало 60-х гг. Интерьер

Кируна. Комплекс жилых, общественных и торговых зданий. Арх. Р. Эрскин, начало 60-х гг.

Типы домов и квартир в шведской архитектуре после 1945 г.

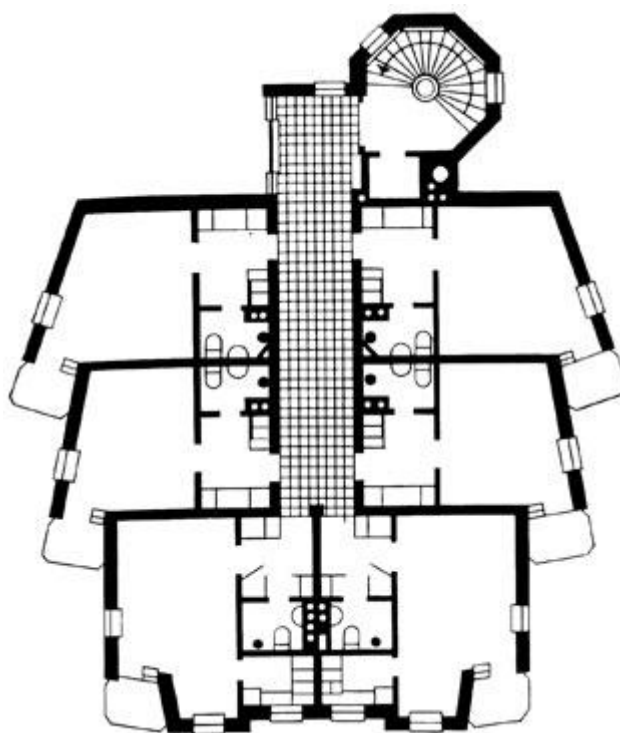
Свапаваара. Архит. Р. Эрскин, начало 60-х гг. Генплан поселка

Характеризуя общую тенденцию развития типов жилища, авторы изданного в Стокгольме обзора "Урбанизация в Швеции" приводят двухкомнатную квартиру для 40-х гг., трехкомнатную - для 50-х и четырехкомнатную - для 60-х гг. В последние годы в строительстве не только возрос процент многокомнатных квартир, но и несколько увеличились нормативные площади квартир и отдельных помещений (подчинение установленному стандарту служит условием субсидирования строительства государством). Максимальная площадь квартиры, установленная в 1960 г. в 61 м², в 1967 г. была увеличена до 74 м². Фактическая же средняя площадь квартир в строящихся домах за этот период возросла для двухкомнатных квартир с 58 до 65 м², а трехкомнатных - с 72 до 82 м².

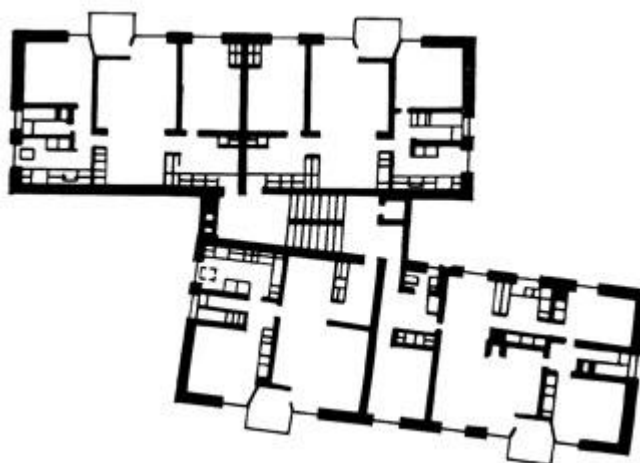
Свапаваара. Архит. Р. Эрскин, начало 60-х гг. Первые жилые дома

Пересмотренные в 1970 г. нормы устанавливают минимальный размер общей жилой комнаты 20 м^2 , первой спальни 12 м^2 , второй спальни 10 м^2 и спальни на одно место для квартир не менее четырех комнат 7 м^2 . Для каждой комнаты нормировано минимальное количество встроенных шкафов. Кухни-ниши площадью $2 - 4 \text{ м}^2$ допускаются только в малых квартирах, предназначенных для престарелых, одиноких и т. п. Площадь рабочей кухни обычно около 8 м^2 , кухни-столовой $10 - 12 \text{ м}^2$. Раздельный санузел, однако, считается обязательным лишь в квартирах, имеющих более пяти спальных мест. Лифт устраивается в домах начиная с трех - четырех этажей. Если лифта нет, пол верхнего этажа должен находиться на отметке не более 9 м.

Башенные дома 50-х гг. Планы этажей. Дом в квартале Роста

Сравнение квартир района Веллингбю и построенных на 12 - 15 лет позже домов Шерхолмена показывает, что за счет общего увеличения площадей, как правило, более четко организуется их подразделение на функциональные группы, санузлы устраиваются раздельными уже и в двухкомнатных квартирах, обеденное место в кухне-столовой размещается не в глубине помещения, а у окна. Это позволяет использовать кухню как место для игр и домашней работы детей. Высоким качеством отличается оборудование кухонь, стандарты которого, выработанные в ходе длительных исследований, обеспечивают рациональное использование труда домашней хозяйки. Оборудование, изготовляемое стандартными единицами модульных размеров, допускает различные комбинации.

Башенные дома 50-х гг. Планы этажей. Дом в квартале Роста Эребру; Дом в районе Гульдхеден, Гётеборг

Санитарные нормы говорят о предпочтительности сквозного и углового проветривания квартир. Требование это, однако, часто нарушается - в стремлении повысить эффективность использования территории применяются дома с широким корпусом и трехквартирными секциями (существуют и секции, имеющие до восьми квартир на этаже, особенно популярные в Мальмё). В первые годы после второй мировой войны наиболее распространенным в Швеции типом дома был трехэтажный "пластинчатый" корпус. К началу 50-х гг. дома в два - три этажа составляли до 85% общей продукции жилищного строительства. Однако к концу десятилетия эта цифра упала до 55%, а доля многоэтажных зданий, в том числе домов-башен, соответственно возросла. С 1961 г. доля домов в один - три этажа составляла 55%, а домов в девять этажей и более - 15%. В дальнейшем тенденция изменилась, и в 1968 г. соответствующие цифры были 68 и 3%. Наиболее популярными типами зданий стали дома в три и пять - восемь этажей (соответственно 52 и 22%).

Башенные дома 50-х гг. Планы этажей. Дом в квартале Роста Эребру; Дом в районе Гульдхеден, Гётеборг. Дом в квартале Рифстифтет, Веллингбю

Типы "пластинчатых" домов, применявшиеся в Швеции, не отличались особым своеобразием. Но в 50-е - начале 60-х гг. было создано огромное число вариантов домов башенного типа. Они состояли прежде всего из небольших квартир для малых семей, быт которых в меньшей мере связан с озелененным окружением дома. Часто объемам башенных домов придается сложная пластичная форма, определяемая приемом группировки жилищ вокруг центрального ствола вертикальных коммуникаций (единственная лестница, чаще всего с забежными ступенями, как правило, располагается посреди корпуса и не имеет естественного освещения, а пожарная безопасность обеспечивается аварийной вентиляцией и огнестойкостью

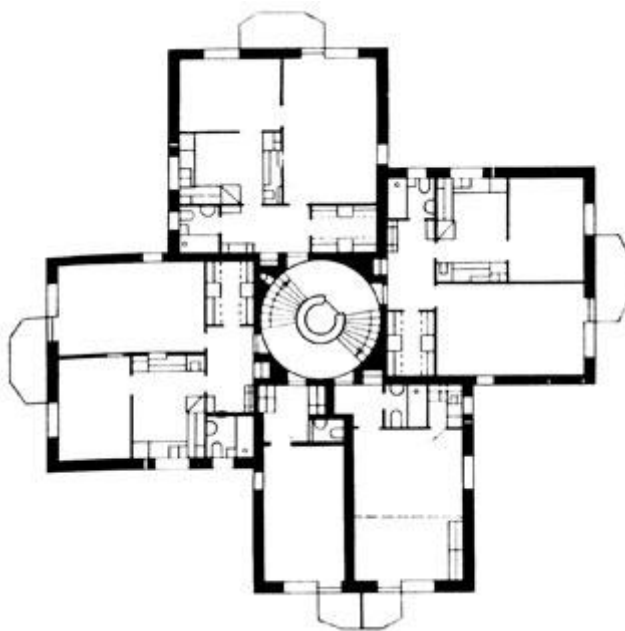
конструкций). Использование башенных домов в контрастных сочетаниях с протяженными корпусами создавало дополнительный импульс для того, чтобы расчленять объем, подчеркивая его вертикальность и обогащая пластические свойства. После первого эксперимента Бакстрёма и Рейниуса с компактными башенными объемами комплекса Данвикскиппан появились многочисленные варианты расчлененных решений. Башенный дом тех же архитекторов в квартале Роста, Эребру (1952) имел ствол вертикальных коммуникаций, выделенный в отдельную узкую башню, и раскрепованный главный объем. Строились и так называемые "дома-домино", состоящие из двух блоков, связанных лестничной клеткой (дома в районе Гульдхеден, Гётеборг, 1953, архит. С. Бролид и Я. Валиндер). Однако большие коммуникационные площади и развитый периметр наружных стен подобных домов определили их неэкономичность как в строительстве, так и в эксплуатации, почему они и не получили распространения.

Веллингбю. 12-этажный дом. Архитекторы Х. Клемминг, С. Анкер, Б. Гате, 1953. Общий вид

Секции типа "трилистник" ограничивали возможности рационального планировочного решения квартир и усложняли конструкцию; они были вытеснены вариантами крестообразного плана с четырьмя - шестью квартирами на этаже. Интересную трактовку этой системы создали в

Веллингбю архитекторы Х. Клемминг, С. Анкер и В. Гате (1953). Их 12-этажные дома имеют "турбинный" план с квартирами, расположенными вокруг винтовой лестницы так, как располагаются лопатки колеса турбины вокруг оси. Почти скульптурного богатства объемов 16-этажных домов в Фарсте добились С. Бакстрём и Л. Рейниус (1961). Здесь план имеет форму неравноконечного креста со срезанными углами. Асимметричный план 11-этажных домов квартала Рифстифтет в Веллингбю (1955, архит. Я. Бьюрстрём) позволил вывести лестничную клетку к естественному свету.

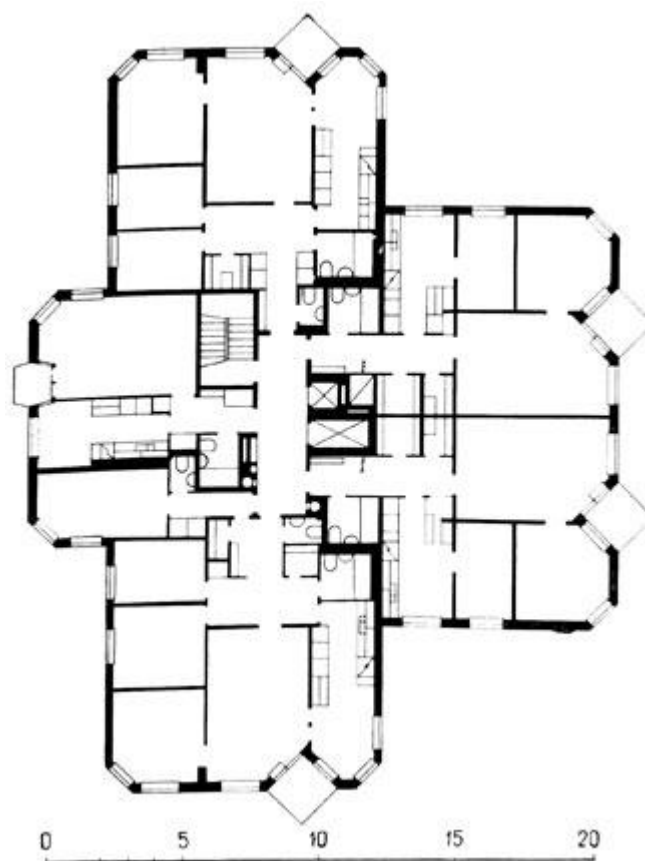
Веллингбю. 12-этажный дом. Архитекторы Х. Клемминг, С. Анкер, Б. Гате, 1953. План этажа

Как любопытный эксперимент следует отметить 11-этажные точечные дома, план которых имеет форму равностороннего треугольника, построенные в юго-восточном жилом комплексе района Кортедала в Гётеборге (1956, архит. С. Бролид и Я. Валиндер). Этот прием позволяет обеспечить хорошую инсоляцию и проветривание квартир при компактности объема в целом. Планировка ясна и рациональна. Напротив, скорее курьезны девятиэтажные точечные дома района Вэстра Фрёлунда, очертание плана которых напоминает пятиконечную звезду (архит. Л. Огрен). Своей массивностью выделяются 17-этажные дома в Тэбю; их план вписывается в прямоугольник 25 x 28 м, на этажах расположены по восемь квартир. Компактность плана достигнута ценой сквозного проветривания квартир в одну и две комнаты и неблагоприятной ориентации части жилищ. Впечатление подавляющей грузности снимается здесь вертикальной разрезкой навесных, облицованных алюминием панелей наружных стен и усложнением объемной формы в целом (излом поверхностей двух фасадов).

Фарста. 16-этажные односекционные дома. Архитекторы С. Бакстрём и Л. Рейниус, 1961. Общий вид

Распространение в строительстве 50-х гг. непопулярных ранее в Швеции сблокированных домов, которые стали "теснить" индивидуальные жилища, было следствием тенденции к экономии территории. Примером использования английского опыта был квартал Фрилюфтстаден в Мальмё (1949, архитекторы Э. Перссон и Э. Хубе). Здесь интересен прием блокировки ячеек, организованных в двух уровнях в зигзагообразные блоки, обращенные торцами к петле подъездной дороги. Такой прием позволил создать перед каждым входом уютную площадку; благодаря обращенности смежных ячеек на разные стороны корпуса и односторонней планировке второго этажа обеспечена изолированность этих площадок. Идиллическая живописность характерна для конца 40-х гг. Расположение сблокированных домов на склонах определяет различные типы композиций блоков. В Веллингбю они стоят поперек горизонталей, поднимаясь по склону крупными ступенями; на участке Гальонсбильден района Грендал сблокированные дома образуют серию террас вдоль крутого склона (1950).

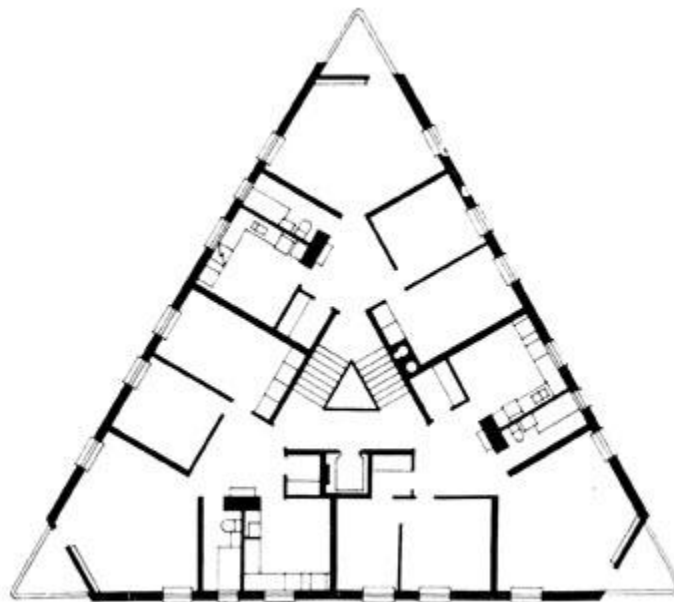
Фарста. 16-этажные односекционные дома. Архитекторы С. Бакстрём и Л. Рейниус, 1961. План этажа

Тип семейного отеля получил развитие в крупном доме-комплексе в Хессельбю-горд, одном из жилых районов Веллингбю (1956). Была сделана попытка сделать коммунальное обслуживание более дешевым и доступным, укрупнив комплекс. В него входят четыре 12-этажных точечных дома и несколько трехэтажных корпусов, соединенных по первому этажу коридором длиной около 750 м. Общее число жилищ - 340, величина их - от одной до шести комнат. Жильцы здесь обеспечиваются полным обслуживанием, включая уборку квартир, стирку, доставку горячей пищи и т. п. В комплекс включены детский сад, клубы для взрослых и молодежи, церковь, спортивный зал, магазины, ресторан, парикмахерская, а также сдаваемые в аренду жильцам залы для семейных праздников. Композиция основана на противопоставлении вертикальных объемов распластанным горизонталям трехэтажных корпусов. Экономический эффект укрупнения, однако, не был столь значительным, как ожидалось.

Гётеборг. 11-этажные односекционные дома в юго-восточной жилой группе района Кортедала. Архитекторы С. Бролид, Я. Валиндер, 1956. Общий вид

Важным компонентом композиции шведских жилых зданий стал цвет, использование которого особенно важно потому, что выразительность пластических эффектов ослабляется скудостью и непостоянством северного солнца. Определились два пути использования цвета: первый - подчеркивание отдельных деталей и частей дома (ограждений, балконов, лоджий, лестничных клеток), второй - выявление цветом пространственной системы комплекса при едином цветовом решении каждой постройки. Последний прием особенно эффективен при живописной застройке больших жилых массивов.

Гётеборг. 11-этажные односекционные дома в юго-восточной жилой группе района Кортедала. Архитекторы С. Бролид, Я. Валиндер, 1956. План этажа

Наиболее распространенной конструктивной схемой жилого дома в Швеции стала система несущих поперечных стен в сочетании с самонесущими или навесными наружными стенами. Разделение функций восприятия нагрузки и ограждения внутреннего пространства позволяет использовать эффективные конструкции для наружных стен - слоистые с легкими утеплителями или из ячеистого бетона. Перекрытия и внутренние несущие стены выполняются из тяжелого бетона в виде плоских плит, толщина которых определяется требованиями звукоизоляции. Чтобы избежать "мостиков холода" при креплении балконов к несущей конструкции, шведские инженеры разработали систему независимых от внутренней структуры бетонных этажерок. Реже используется подвеска балконов к консолям чердачного перекрытия.

Гётеборг. 9-этажные односекционные дома в районе Вэстра Фрёлунда.

Архит. Л. Огрен, 1965. Общий вид

Значительная часть жилых домов выполняется в полносборных конструкциях или в сборно-монолитных. В последнем случае нередко используется сочетание внутренних несущих стен из монолитного бетона, выполняемых в скользящей или инвентарной опалубке, со сборными навесными наружными ограждениями (панели из ячеистого бетона или типа "сэндвич", чаще всего высотой на этаж с одним или двумя проемами). Специфический вариант организации строительства таких построек - так называемый "метод Скарне", при котором внутреннее ядро вертикальных коммуникаций, выводимое на всю высоту здания в скользящей опалубке, служит опорой для стрелы крана. С помощью последнего вокруг ядра монтируются остальные конструкции. Этот метод позволяет избежать излишнего нарушения ландшафта участка и получить экономию благодаря тому, что не нужны пути для башенного крана. Таким образом возводились, в частности, односекционные 17-этажные дома в Тэбю. В Швеции неотъемлемым структурным элементом жилой среды служит школа. Радиус ее обслуживания определяет членение крупных жилых комплексов на микрорайоны. Школьные здания создаются как многофункциональные и в вечернее время играют роль общественно-культурных и спортивных центров, образуя пространственно обособленное, но жизненно необходимое продолжение жилищ. Рационалистический подход к архитектуре определил понимание жилого комплекса как единой системы. На этой основе родилось отношение к школе как к зданию, которое принимает на себя часть традиционных функций жилища.

Гётеборг. 9-этажные односекционные дома в районе Вэстра Фрёлунда.

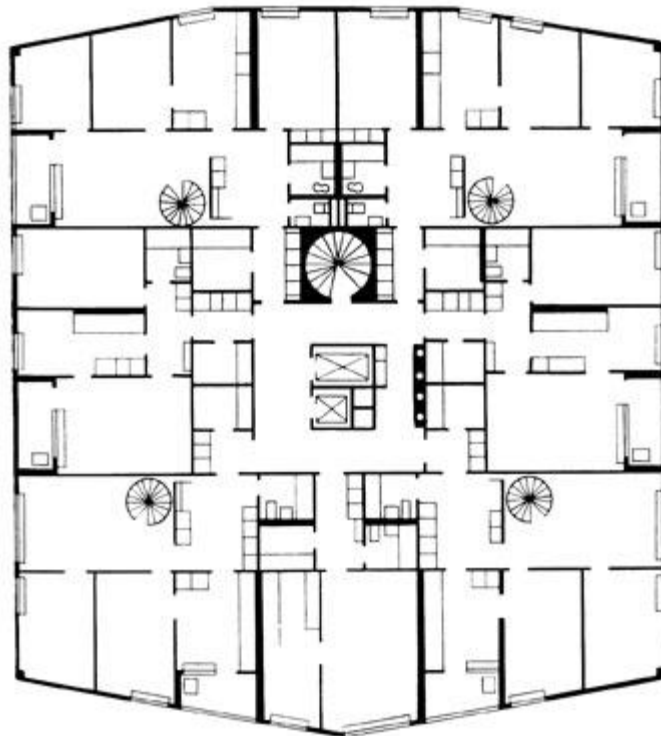
Архит. Л. Огрен, 1965. План этажа

Еще в 20-е гг. в Швеции, как и в других странах Европы, школы строились по принципам, восходившим к средневековым монастырским колледжам. Симметричность плана казалась при этом более важной, чем удобство функциональных связей и удовлетворительная ориентация помещений. Первым школьным зданием нового "рационального" типа была школа для девочек в Стокгольме (1932 - 1936, архитекторы Н. Арбом и Х. Цимдал), которая состоит из длинного четырехэтажного блока с односторонней застройкой коридора, где размещены классы для старших, примыкающего к нему блока для младших классов и актового зала в отдельном объеме. Все классные комнаты ориентированы на юго-восток. Этажность сооружения определялась стремлением сделать его компактным, обеспечивая в то же время максимальное освещение классов солнцем. Это здание стало прообразом для ряда построек 30 - 40-х гг., очень естественно вписавшихся в строчную застройку кварталов вместе с такими же аскетичными блоками жилых домов.

Тэбю. 17-этажные односекционные дома. Архит. К. А. Аккинг, 1961. Общий вид

Сложившиеся в годы войны тенденции использования местных материалов в жилищном строительстве непосредственно отразились и на характере школьных зданий (примером может служить школа для девочек в районе Сёдермальм в Стокгольме, архитекторы Н. Арбом и Х. Цимдал, 1945). Отказ от плоских кровель привел к созданию выразительных, открытых в интерьер деревянных конструкций. Архитекторы отказались от применения отделки, используя поверхности конструктивных материалов: дерева и светло-желтого кирпича. Прием расчленения здания на блоки и выделения зала в особый объем с независимым входом позволял населению микрорайона использовать его по вечерам для собраний или концертов. Отношение к школе, как к центру определенного соседства, стало сознательно культивироваться в соответствии с идущей от Мамфорда концепцией микрорайона.

Тэбю. 17-этажные односекционные дома. Архит. К. А. Аккинг, 1961. План этажа

Хессельбю-Горд. Семейный отель. Архитекторы К. А. Аккинг и О. Энгквист, 1956. Генплан, общий вид, планы типовых ячеек в протяженных корпусах

В конце 40-х - начале 50-х гг. экономические трудности стимулировали поиски компактного типа школьного здания. Под влиянием архитектуры Дании эти поиски привели к так называемой "зальной" школе, помещения которой группируются вокруг центрального холла, что позволяет удобно организовать рекреации и свести до минимума чисто коммуникационные площади. Крупное пространство легко осознавалось как центр всего окружающего района. Характерным примером может служить средняя школа на 1000 учащихся в Сульне (1947, архитекторы Н. Теш и Л. Гиртц). Центральный зал ее имеет пояс окон, поднятый над каре учебных и обслуживающих помещений. Для связи между помещениями на верхних этажах используются открытые галереи. При всей спорности приема нельзя не отметить богатство и своеобразие пространственной системы интерьера, его подчеркнуто общественный характер. Напротив, в трактовке внешнего объема в этом, как и в других зданиях того же типа, архитекторам не удалось выявить его внутреннюю структуру, его роль средоточия жизни жилого комплекса и на этой основе добиться выразительности. Чтобы избежать преувеличенных размеров зала, некоторые архитекторы отошли от чистоты компактного объема и, группируя вокруг зала специальные классы, дополняли главный корпус связанными с ним блоками обычных классов, имеющими коридорную планировку. При этом возрождались и удобства здания, расчлененного на блоки, для универсального использования.

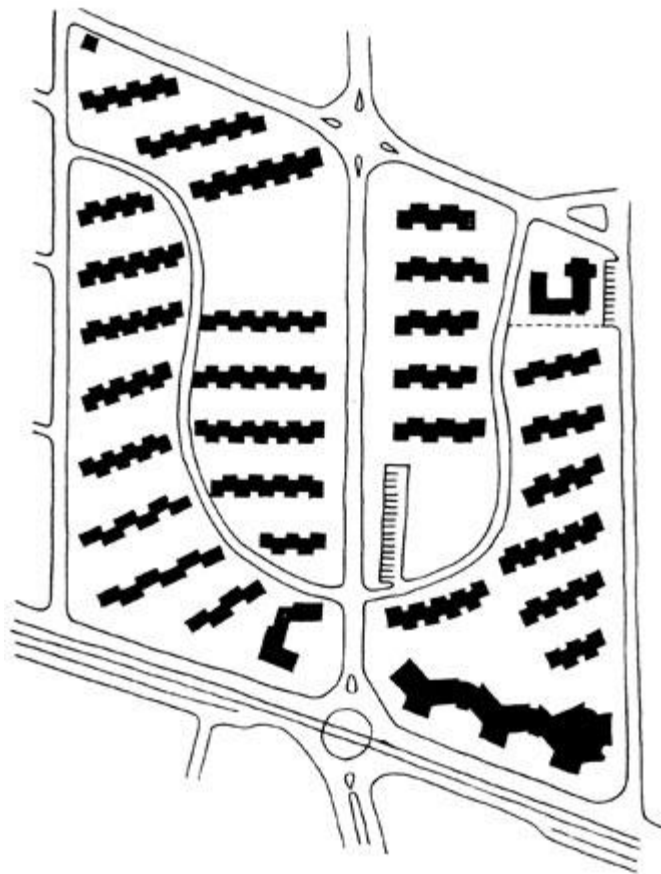
Впрочем популярность "зальных" школ не была продолжительной. В течение 50-х гг. определилась тенденция к созданию экономичной павильонной школы малой этажности. Ее павильоны образуют замкнутые группы вокруг дворов или объединяются общей коммуникацией в "пальцеобразную" схему. Но наиболее радикальные изменения наметились в конце 60-х гг., когда "проблема поколений" угрожающе обострилась, появилась четко сформулированная установка - создать условия для контактов разных поколений, между учащимися и преподавателями, детьми и взрослыми членами семей. На этой основе сложились новые принципы функциональной программы школьных зданий, способствующие их дальнейшей интеграции с системой жилого комплекса. Новые методы обучения уже не столь жестко предписывают внешние формы поведения и требуют от школьников большей самостоятельности и инициативы, чем традиционные. Эти новые методы не обуславливают жестко закрепленных границ классных помещений; они должны снять "противостояние" учеников и учителя, присущее традиционному уроку. Функции школы как центра культурной и общественной деятельности в микрорайоне получают широкое развитие с тем, чтобы развить чувство общности между разными возрастами, разными поколениями в соприкосновении их с одной и той же предметной средой.

Мальмё. Жилой комплекс Фрилюфтстаден. Архитекторы Э. Перссон и Хубе, 1949. Общий вид

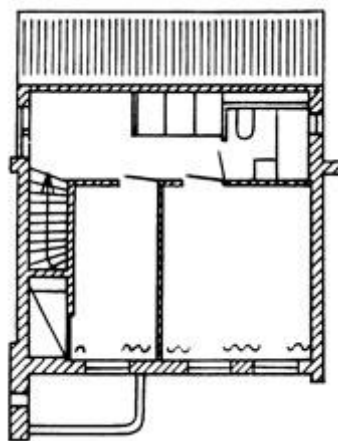
Предпосылкой новых пространственных решений, воплощающих подобную функциональную программу, стало утверждение, что традиционное представление о необходимости прямого естественного освещения рабочего места школьника устарело. Возможность использования обширных пространств, освещаемых зенитными фонарями и искусственным светом, привела к созданию новых типов построек, имеющих, как правило,

один этаж (редко два) и компактную планировку с очень большой глубиной корпуса. Распространенной схемой стала группировка "традиционных" классных помещений вокруг обширного пространства, предназначенного для занятий, отдыха и общественных функций. Открытая планировка этого пространства, не имеющего жестко закрепленных подразделений, должна служить символическим выражением функциональной интеграции. Такие залы обычно включают зоны для групповых или индивидуальных занятий, библиотеку, стеллажи с учебными материалами. Они оборудуются современными аудиовизуальными средствами обучения. Подвижные перегородки позволяют соединять классы в крупные помещения или раскрывать их в центральное пространство. Все это должно обеспечить варьируемые размеры учебных групп.

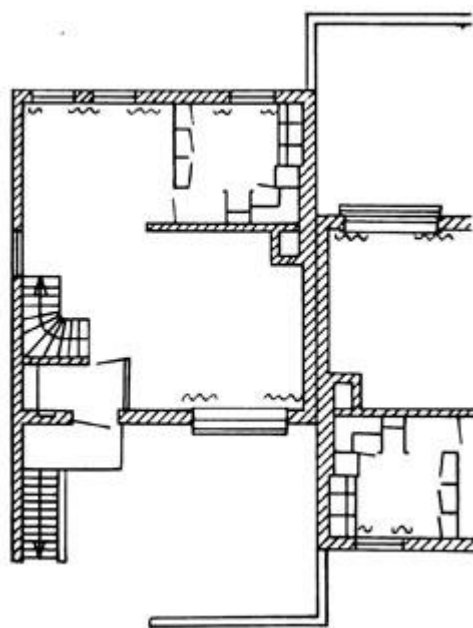
Мальмё. Жилой комплекс Фрилюфтстаден. Архитекторы Э. Перссон и Хубе, 1949. Генплан

Новый подход, впрочем, почти не затронул школы высшей ступени и профессиональные школы, не входящие в систему жилой среды. Компактные здания с большой площадью застройки доминируют при этом, так как позволяют сократить коммуникации и шире развить координацию функций. Расширение общественных функций школьных построек во внеучебные часы стимулируется не в последнюю очередь и экономическими соображениями.

Мальмё. Жилой комплекс Фрилюфтстаден. Архитекторы Э. Перссон и Хубе, 1949. План секции

Школа Нюпкэрр в Тюресё под Стокгольмом (1970, архитекторы Улин и Мальм) - одноэтажное здание с 20 классами. Каждая пара классов имеет свой вход со стороны улицы с гардеробом и туалетом. Средний пролет занимает протяженный учебный зал, где совмещены места для индивидуальных и групповых занятий, библиотека, стеллажи для учебных пособий. Цветовые и световые эффекты членят коридорообразное помещение, выделяя определенные зоны. Столовая и классы для обучения ремеслам выделены в отдельный блок. Архитектура нейтральна - она должна служить лишь объединяющим фоном для жизненных функций. Во вторую половину дня здание используется как молодежный клуб.

Мальмё. Жилой комплекс Фрилюфтстаден. Архитекторы Э. Перссон и Хубе, 1949. План секции

Школа Бриккебакен на 500 учащихся в Эребру (1971, архит. С. Уайт) образует часть общественного и культурного центра района. Жесткого

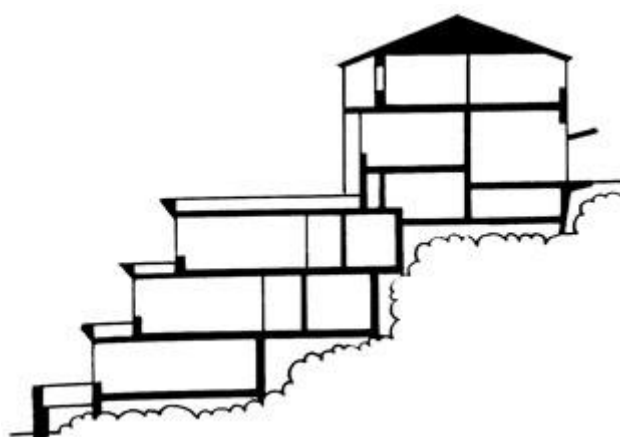
разделения между школой и другими его учреждениями здесь нет. Внутренняя "улица" центра - школьный коридор со стеклянными стенами, отделяющими его от классов, библиотеки, мастерских. В этот же коридор выходят приемная врача, зал собраний местных организаций. Школьная столовая во вторую половину дня используется как ресторан и банкетный зал, а спортзал входит в общерайонный спортивный комплекс. Общерайонной стала и библиотека, где для школьников выделена отдельная комната. Окончательное разрушение обособленности школьного мира возведено здесь в степень принципа.

Стокгольм. Террасные дома в районе Грёндал. Архитекторы С. Бакстрём и Л. Рейниус, 1950. Общий вид

Своеобразна большая школа "Рисберг" на 1500 учащихся в Эребру (1971, архитекторы С. Уайт и Б. Иохансоон), которая занимает пространство (около 110x120 м), организованное системой параллельных коммуникаций и полосами зон хранения учебных пособий. Вокруг замкнутых двориков, пересекаемых коридорами, группируются блоки помещений. Дворики позволяют обеспечить естественное освещение и разбить монотонность пространств огромного плоского здания. Классы получают и дополнительный верхнебоковой свет. В центре расположена библиотека, фланкируемая залами для общих занятий. Особенность этого здания -

гибкость планировки. Перегородки между помещениями могут свободно перемещаться, позволяя менять состав помещений каждого учебного блока, выделять четко фиксированные классы или создавать общие пространства для занятий. Облик распластанного сооружения элементарно прост. Вместе с тем его фрагменты масштабны, разработка их весьма корректна. Как и другие подобные постройки, в целом его может характеризовать лишь план, раскрывающий взаимоотношение фрагментов. Возникает архитектура, лишенная представительных фасадов, архитектура, которая стала средой. Преждевременно делать выводы о плодотворности радикальных изменений, которые происходят сейчас в школьном строительстве Швеции. Однако если даже в этих экспериментах жизнь опровергнет многое, тенденция к многофункциональному использованию школьных зданий и полной интеграции их с жилой средой заслуживает внимания и самого серьезного анализа.

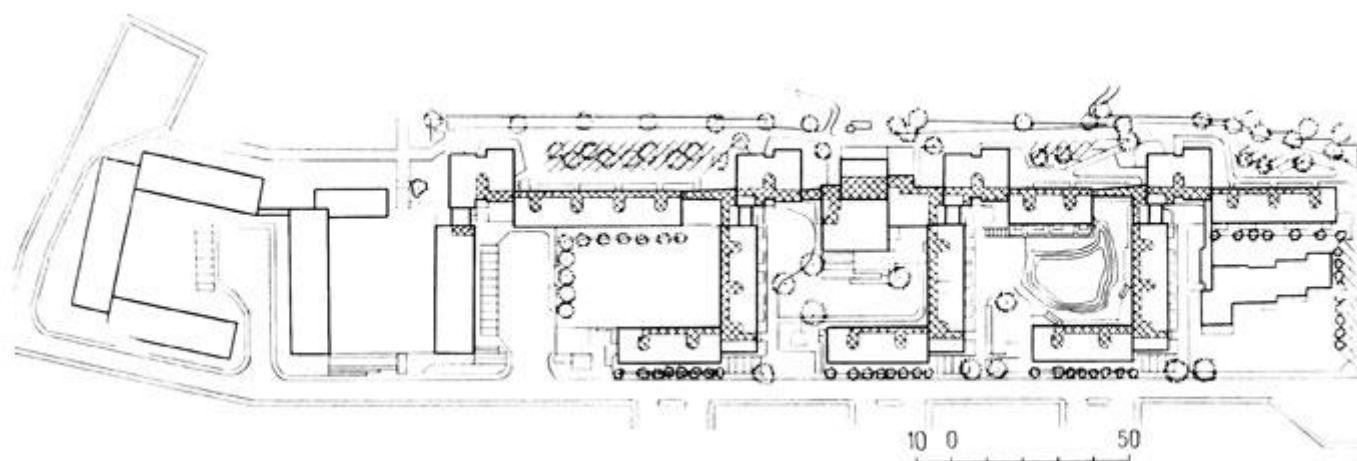

Стокгольм. Террасные дома в районе Грёндаля. Архитекторы С. Бакстрём и Л. Рейниус, 1950. Разрез

Архитектура жилых домов и связанных с ними построек развивалась в Швеции при неизменном подчинении более обширным контекстам градостроительных замыслов. Стремление достичь единства жилой среды было доминирующим. Функциональные задачи решались на рациональной основе, стилистические тенденции "вписывались" в пределы утилитарно целесообразного. В этом и сильная сторона шведской жилищной архитектуры, и ее ограниченность: достоинства оборачивались плоскостью замысла, бездуховностью под давлением общих тенденций буржуазного "общества потребления". В узких рамках, заданных социальной действительностью, шведским архитекторам нередко удавалось проявить профессионализм в лучшем смысле этого слова. В области создания жилой среды они достигали этого особенно часто.

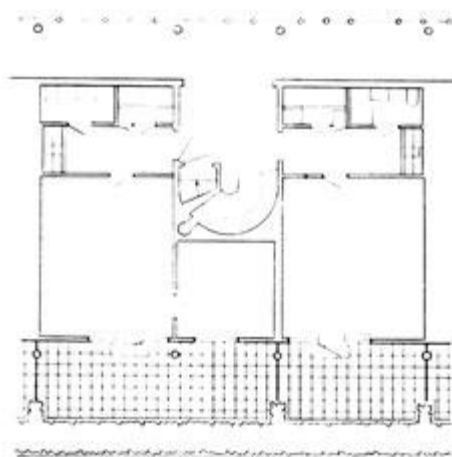
Хессельбю-Горд. Семейный отель. Архитекторы К. А. Аккинг и О. Энгквист, 1956. Общий вид

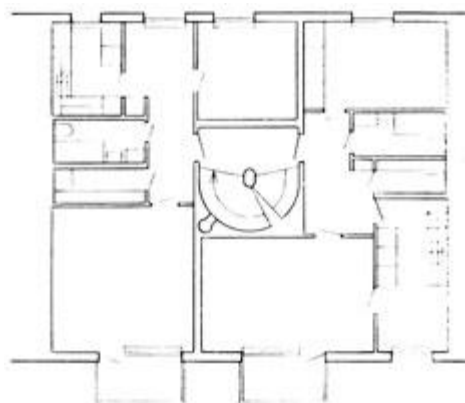
Хессельбю-Горд. Семейный отель. Архитекторы К. А. Аккинг и О. Энгквист, 1956. Генплан

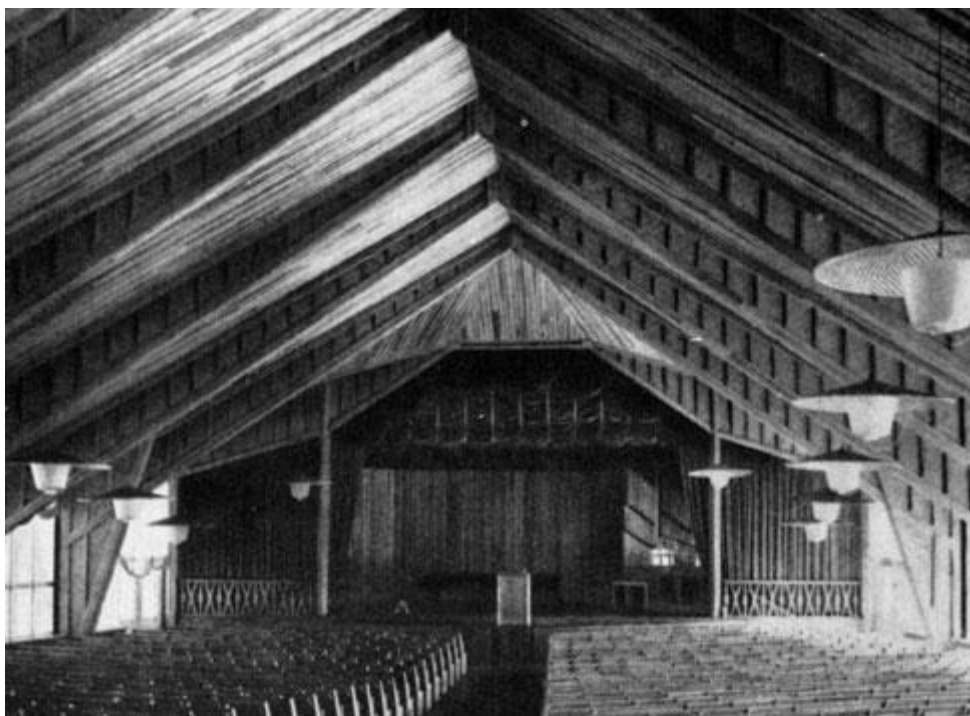
Хессельбю-Горд. Семейный отель. Архитекторы К. А. Аккинг и О. Энгквист, 1956. План типовых ячеек в протяженных корпусах

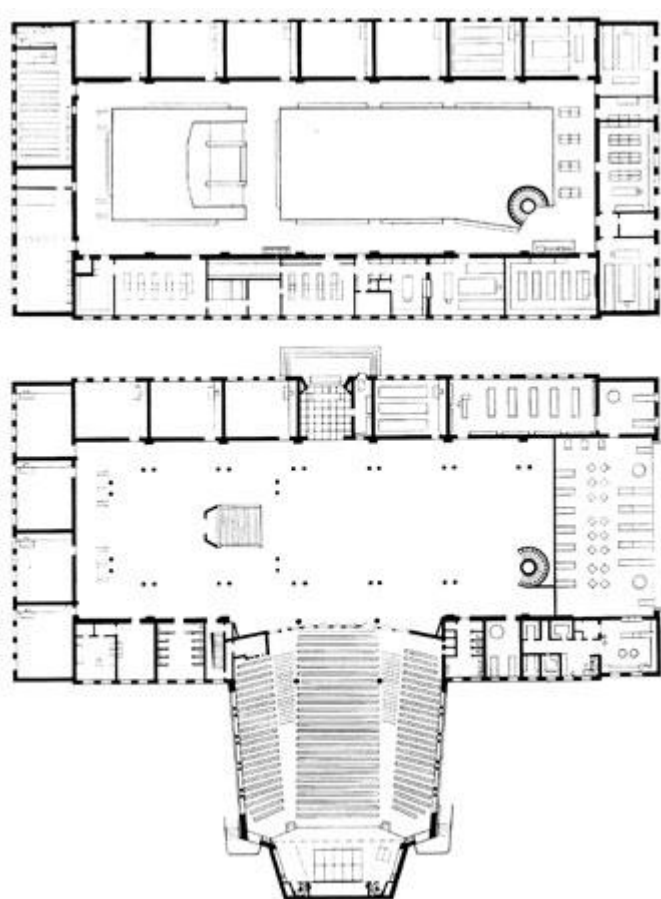
Хессельбю-Горд. Семейный отель. Архитекторы К. А. Аккинг и О. Энгквист, 1956. План типовых ячеек в протяженных корпусах

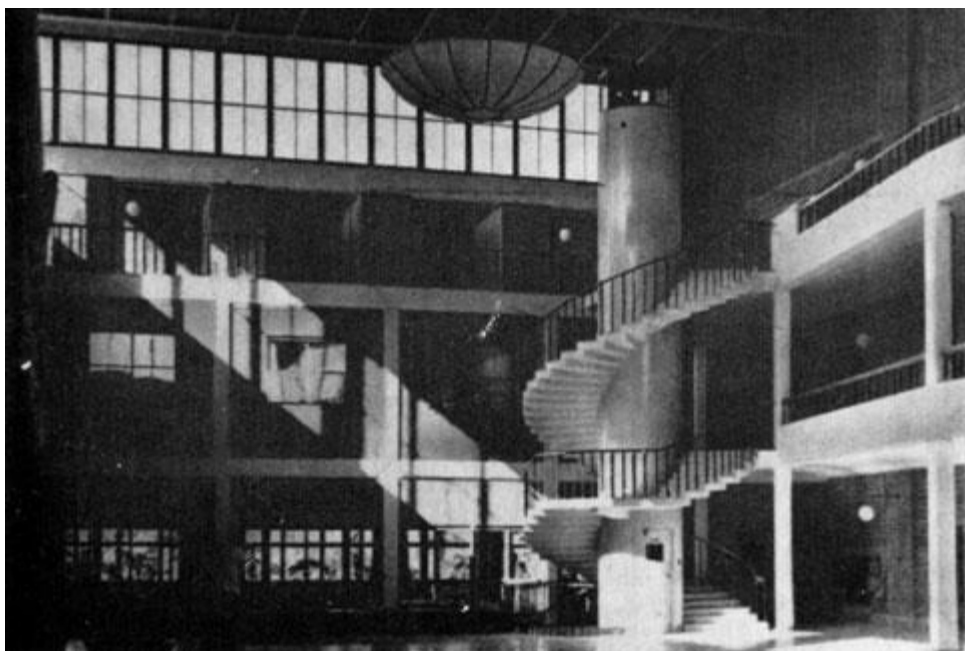
Хессельбю-Горд. Семейный отель. Архитекторы К. А. Аккинг и О. Энгквист, 1956. План типовых ячеек в протяженных корпусах

Стокгольм. Школа для девочек в районе Сёдермальм. Архитекторы Н. Арбом и Х. Цимдал, 1945. Интерьер зала

Сулна. Средняя школа. Архитекторы Н. Теш и Л. Гиртц, 1947. Планы

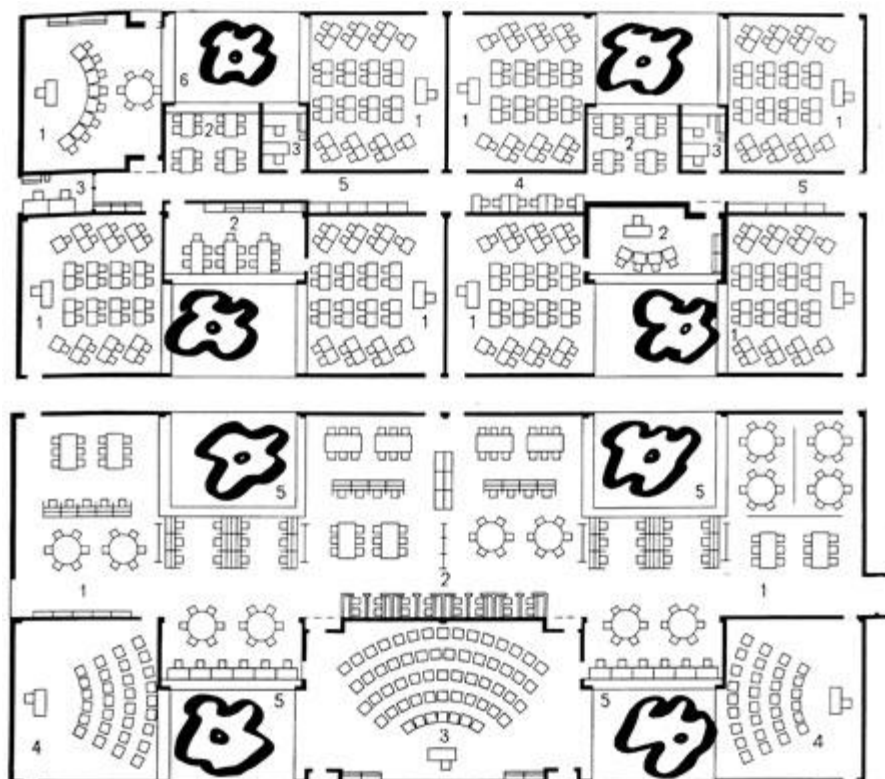

Сулна. Средняя школа. Архитекторы Н. Теш и Л. Гиртц, 1947. Интерьер зала

Эребру. Школа 'Рисберг'. Архит. А. Класон, 1971. План, схема разреза. 1 -

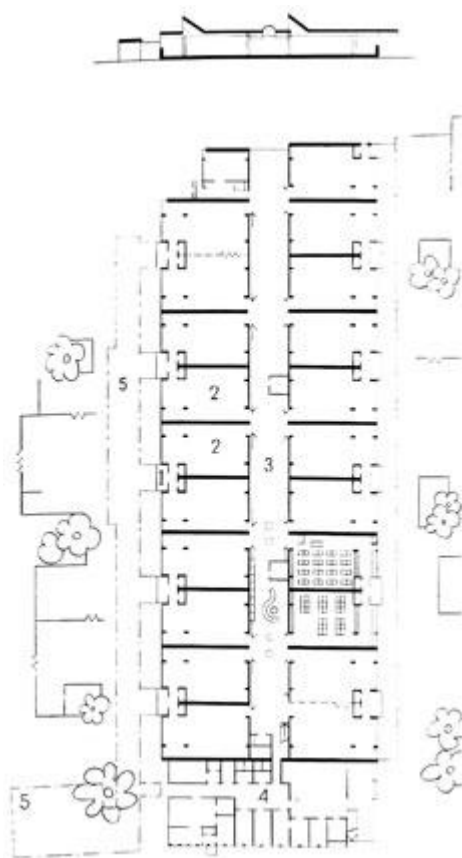
учебный блок; 2 - библиотека; 3 - читальная комната для учащихся; 4 - читальная комната для учителей; 5, 6 - учительские; 7 - подсобное помещение; 8 - общая комната; 9 - центральный гардероб; 10 - офисы; 11 - класс рисунка; 12 - музыкальный класс; 13 - сторож; 14 - подсобное помещение; 15 - актовый зал; 16 - столовая для учителей; 17 - столовая для учащихся

Школа 'Рисберг'. План учебного блока

Тюресё. Школа Нюпкерр. Архитекторы Улин и Мальм, 1970. Общий вид

Тюресё. Школа Нюпкерр. Архитекторы Улин и Мальм, 1970. Схема разреза. 1 -

входы и туалеты; 2 - класс; 3 - общая библиотека и групповые комнаты; 4 - администрация и учительская; 5 - навес

3. Творческие направления в современной архитектуре Швеции

Панораму современной шведской архитектуры можно сравнить с пейзажем плоского плато: сравнительно ровный и высокий уровень мастерства, отсутствие подавляющих окружение вершин и головокружительных пиков. Среди архитекторов Швеции есть много высокопрофессиональных мастеров, но за последние десятилетия здесь не было единственного "властителя дум", который олицетворял бы своим творчеством следовавшее за ним направление. Дискуссии не перерастали в устойчивое противостояние принципиальных концепций. Развитие шло как бы единым потоком; в его "русле" различимы явления, связанные с индивидуальными поисками или внешними влияниями, однако общее неизменно преобладало над особым.

Калейдоскопическая смена направлений, происходившая в западноевропейской архитектуре 60-х гг., лишь в малой степени коснулась архитектуры Швеции. Развитие последней испытало лишь один крутой перелом за полстолетия - в начале 30-х гг., когда совершился переход к рационализму, а до этого и далее его процессы сводились к постепенной эволюции. Даже в годы первой и второй мировых войн строительство в нейтральной Швеции не прерывалось, а потому обеспечивалась и преемственность архитектурных направлений.

Национальный романтизм и неоклассицизм

Национальный романтизм сложился в Швеции, как и в других странах северной Европы, в конце XIX столетия, когда конфликт между эклектическим стилизаторством и требованиями жизни стал очевиден. Господствовавшее в то время в Скандинавии понимание архитектуры направляло попытки преодолеть противоречия по линии того же стилизаторства, но ограниченного подражанием определенному кругу "национальных" прообразов. Их считали более отвечающими специфическим требованиям и культуре страны, а следовательно, и позволяющими создавать более реалистическую архитектуру.

В отличие от национально-романтических тенденций в архитектуре соседних стран, опиравшихся на прототипы в местном народном зодчестве (Норвегия) или на образы народного эпоса (Финляндия), шведская архитектура обратилась к дворцам и замкам династии Ваза, созданным в период высшего политического и военного могущества страны. И. Г. Класон (1856 - 1930) был лидером этого направления. Среди его построек выделяется здание Северного музея в Стокгольме (1897 - 1907). Башни с причудливыми

венчаниями, сложные фронтоны, кирпичные плоскости стен, чередующиеся с рядами естественного камня, воспроизводящие мотивы "шведского Ренессанса", придают зданию живописность; группировка его симметричных масс идет, однако, от приемов классицизма. Поиски национального характера архитектуры связывались и с применением традиционных материалов для облицовки - темно-красного кирпича, гранита. Развитию подобных тенденций способствовало влияние английских архитекторов Ф. Уэбба, Н. Шоу и Ч. Войси, помогавшее отрешиться от представлений о незыблемости классицистических законов архитектурной композиции.

После 1900 г. романтические тенденции в шведской архитектуре распространяются и усиливаются. Все более подчеркнутой становилась ретроспективность художественных образов. Здание городского суда в Стокгольме с башней в центре, без креповки вырастающей из основного массива, почти точно воспроизводит один из фрагментов замка Вадстена на Гётаканале, возведенного в XVI в. (1912 - 1915, архит. К. Вестман). Церковь Энгельбрект в Стокгольме повторяет шведские варианты романского стиля в сочетании с формальными приемами "стиля модерн" (1908 - 1914, архит. Л. Валман).

Строительство ратуши в Стокгольме было начато в 1911 г. по проекту архит. Р. Эстберга (1866 - 1946), но закончено лишь в 1923 г. Этим зданием как бы завершается история шведского архитектурного романтизма. Здание возведено в центральной части города на берегу оз. Меларен. Объем ратуши формируется вокруг пространств большого открытого двора и крытого дворика - "Голубого зала". Планировка помещений парадного второго этажа определена церемониалом торжественных приемов. Главное помещение здесь - "Золотой зал" - расположено между "Голубым залом", с которым он связан мраморной лестницей, и большим двором. Композиция здания, задуманного как символическое воплощение истории Швеции, подчинена разнородным историческим реминисценциям. Его формы, отмеченные мрачноватой экзотичностью экспрессионизма, откровенно декоративны, декорация почти перерастает в бутафорию. При этом нельзя не отметить талант Р. Эстберга - декоратора, сумевшего преодолеть разнородность истоков и обеспечить силу эмоционального воздействия ретроспективной композиции. В рамках направленности, которой он придерживался, Р. Эстберг показал высокий уровень мастерства, создав одну из немногих подлинно выразительных стилизаторских построек первой четверти нашего века.

Один из главных "секретов" впечатления, которое оставляет ратуша, - великолепная постановка здания в городском ландшафте, в обширной панораме акватории.

Для шведского романтизма начала 20-х гг. характерно здание церкви Хогалид в Стокгольме (1918 - 1923, архит. И. Тенгбом), которое венчает вершину скалистого холма. Композиция постройки повторяет схему

средневекового собора в Висби (о. Готланд). Однако влияние экспрессионизма привело к утрированной напряженности контрастов, диспропорциям, нервному динамизму силуэта.

Стокгольм. Здание Северного музея. Архит. И. Г. Класон, 1897 - 1907

Реакция против капризной произвольности и декоративности мрачноватой архитектурной романтики получила свое выражение в неоклассицизме, подкупавшем логичностью построения формы. Крайности декоративизма породили стремление к предельному упрощению, рассудочной геометризации. Эта тенденция ранее всего проявилась в неоклассическом здании художественного музея Лильевалхс в Стокгольме (1913 - 1916, архит. Бергстед) и в ранних постройках архит. И. Тенгбома. Его стокгольмский банк подчеркнуто монументален, классические формы упрощены. Крайней простотой форм, идущих от классицизма, отличается вилла Снеллмана в Дьюрсхолме (1918). Автор ее, архит. Г. Асплунд (1885 - 1940), был, пожалуй, наиболее индивидуальным среди шведских архитекторов нашего столетия. Это его раннее произведение лаконизмом, но отнюдь не конкретной формой напоминает работы австрийского архит. Лооса. Интересно пристальное

внимание к функции, которое Г. Асплунд проявил в вилле Снеллмана. В пределах общей системы фасада архитектор располагает окна в соответствии с назначением помещений, не слишком связывая себя формальной догмой. В плане дома подсказанный функцией отказ от строгой прямоугольности помещений, их расположение, свободное от предвзятости приема, послужили предлогом для тонких художественных эффектов. Здесь уже намечены тенденции, получившие развитие в годы после первой мировой войны.

Стокгольм. Здание городского суда. Архит. К. Вестман, 1912 - 1915

Наиболее известное произведение шведского неоклассицизма - концертный зал в Стокгольме (архит. И. Тенгбом, 1926). Зал получил традиционное прямоугольное очертание с колоннадой и балконами, охватывающими его с трех сторон. Элементом новизны было объединение пространства сцены и зала. Осевое построение объема подчеркнуто портиком, контрастно выделяющимся на гладкой поверхности стен. Модернизированный ордер имеет сильно вытянутые десятигранные колонны с обобщенными коринфскими капителями. Стилистически едина со зданием скульптура "Фонтана Орфея", созданного К. Миллесом (1936).

Стокгольм. Здание ратуши. Архит. Р. Эстберг, 1911 - 1923. Вид с оз. Меларен

Программным для шведского неоклассицизма конца 20-х гг. стало здание городской библиотеки в Стокгольме, которое построил в 1920 - 1927 гг. архит. Г. Асплунд. Сооружение строго симметрично. Круглый зал выдачи с трех сторон охвачен прямоугольными блоками читальных залов; его цилиндрический объем поднят над окружающими корпусами (чтобы оправдать огромную высоту зала, вокруг стен устроено трехъярусное книгохранилище). Противопоставление элементарных геометрических объемов - призмы и цилиндры - главная тема композиции. Ничто не отвлекает от ее восприятия. Классический прием доведен до предела обобщения и геометризации. Любопытно, что первоначальный проект был

повторением схемы римского Пантеона с венчающим куполом и коринфским портиком перед входом. Уже в ходе строительства Асплунд отбрасывает классические детали, строя эффект композиции на выражении в объеме структуры внутреннего пространства.

Стокгольм. Здание ратуши. Архит. Р. Эстберг, 1911 - 1923. Фрагмент фасада

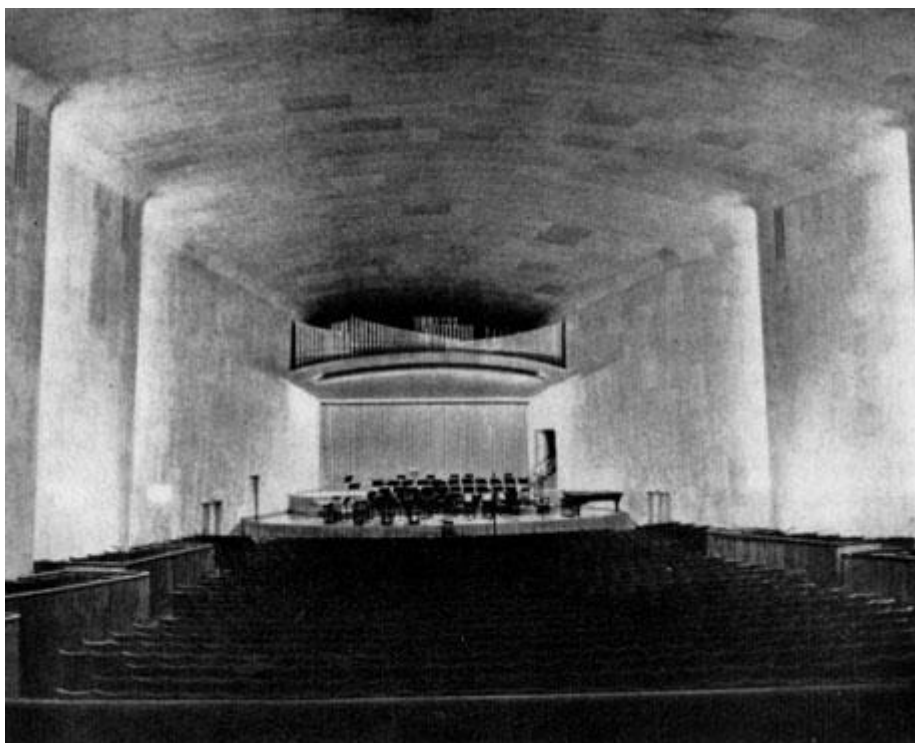
Рациональность формы (к тому же в пределах традиционных схем) сама по себе не способствовала решению острых проблем, выдвигавшихся жизнью, однако поиски неоклассицизма открыли путь для более радикальных тенденций. Все большее внимание стал привлекать рационализм Баухауза и Ле Корбюзье.

Стокгольм. Здание ратуши. Архит. Р. Эстберг, 1911 - 1923. Синий зал

Рационалистическая архитектура 30-х гг. в Швеции

Переход от романтизма и неоклассицизма к рационалистической архитектуре в начале 30-х гг. был в Швеции резким и всеобщим. Он произошел без затяжных драматических коллизий, с которыми было связано развитие архитектуры других западноевропейских стран.

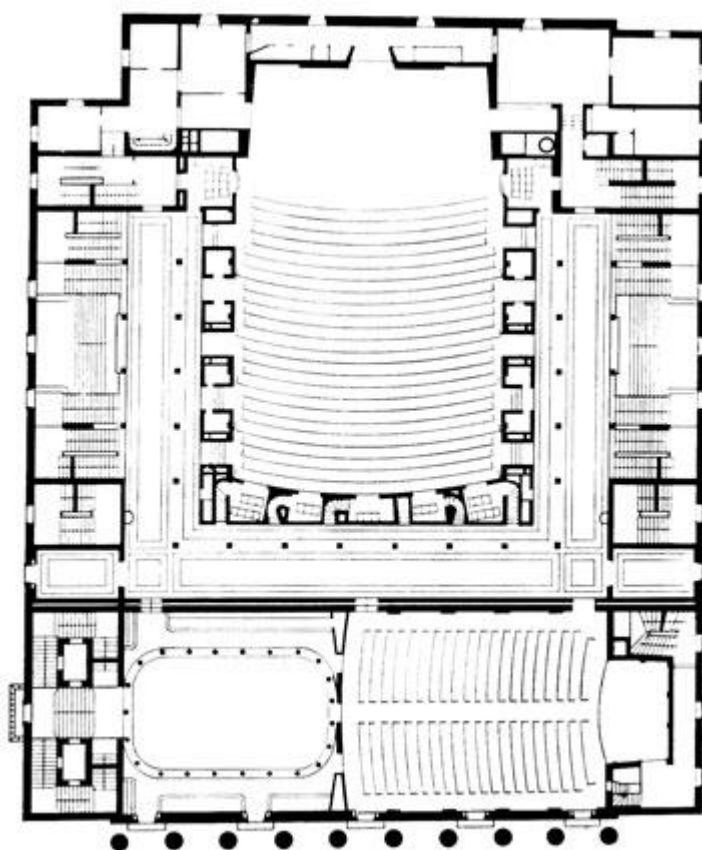
Гётеборг. Концертный зал. Архит. Н. Эриксон, 1935. Интерьер зала

Новые тенденции ранее всего получили реализацию в промышленных сооружениях, муниципальных и кооперативных жилых домах, строительство которых осуществлялось на жестко ограниченные средства. Так, уже в 1925 г. О. Алмквист построил здание электростанции в Хаммарфорсе, лаконичные объемы которого - результат поиска прямого ответа на функциональную задачу. В промышленном строительстве складывается жесткая дисциплина целесообразных решений, постепенно распространявшаяся на всю шведскую архитектуру. Одним из первых в Швеции примкнул к рационализму Свен Маркелиус (1889 - 1972). Влиянием Ле Корбюзье отмечен его собственный дом в Стокгольме (1928). Годом позже, следуя идеям Баухауза, он создал жилой комплекс кооператива ХСБ (Стокгольм).

Гётеборг. Концертный зал. Архит. Н. Эриксон, 1935. Общий вид

В конце 20-х гг. рационализм получил распространение и в области дизайна, среди художников и мастеров, объединенных обществом "Свенска Сьедфоренинген". Общество стало центром пропаганды идей, идущих от немецкого Баухауза. Принципиальное значение для развития шведской архитектуры имела выставка прикладного искусства, организованная обществом в Стокгольме (1930 г.). Г. Асплунд построил для нее серию павильонов, поверхностный, но броский модернизм которых был вдохновлен идеями Ле Корбюзье. Легкость их конструкций, лаконизм и необычность облика произвели огромное впечатление. Выдержанные в едином характере, павильоны образовали целостную, хорошо организованную среду. Но главную роль для успеха нового направления сыграла часть выставки, посвященная жилищному строительству, где наглядно демонстрировались возможности рационалистической архитектуры. Здесь были показаны убедительные образцы планировки и целесообразного оборудования компактных квартир. Молодые архитекторы сгруппировались вокруг Г. Асплунда, его яркая индивидуальность заняла центральное место в шведской архитектуре (единственный пример лидерства в ее истории после первой мировой войны). Коллективный манифест "Принять реальность" был выдвинут как теоретическая платформа радикально-рационалистического направления.

Стокгольм. Концертный зал на площади Хеторгет. Архит. И. Тенгбом, 1926.

План

Социал-демократы, пришедшие к власти в Швеции, сочли полезным использовать социологические аспекты теории рационалистов для своих политических целей и привлекли их к осуществлению реформистских программ в области муниципального строительства. Прокламировавшаяся рационалистами простота и широкое применение стандарта, казалось, открывали путь к повышению рентабельности строительства. Получив поддержку муниципальных властей, правительства и промышленно-финансовых кругов, рационализм утвердился в Швеции быстро и повсеместно (хотя на первых порах полемика вокруг него была настолько остра, что более всех подвергавшийся нападкам Г. Асплунд на несколько лет отошел от архитектурной практики).

*Стокгольм. Концертный зал на площади Хеторгет. Архит. И. Тенгбом, 1926.
Фасад*

Сильной стороной шведского рационализма с первых шагов было стремление к комплексным решениям, созданию целостной пространственной среды. Его идеи неизменно связывались с градостроительными замыслами (впрочем, в 30-х гг. они еще не выходили за

пределы организации отдельных фрагментов города). Экономические трудности начала 30-х гг. стимулировали развитие трезвой утилитарности решений. К тому же декоративные "изыски" национального романтизма, нарочитая живописная запутанность "пригородов-садов" и претенциозность парадных бульваров городских центров, характерные для шведской архитектуры первых десятилетий нашего века, породили реакцию - стремление к простоте. Тенденция эта пришла к своей крайности в жилищном строительстве, где отказ от каких-либо претензий на эстетическое становится частью программы. В этом шведские архитекторы были едины с наиболее ортодоксальными немецкими функционалистами того времени. Однако они шли еще дальше - их постройки аскетичнее, они настойчивее вводят монотонные ритмы строчной застройки в городскую ткань.

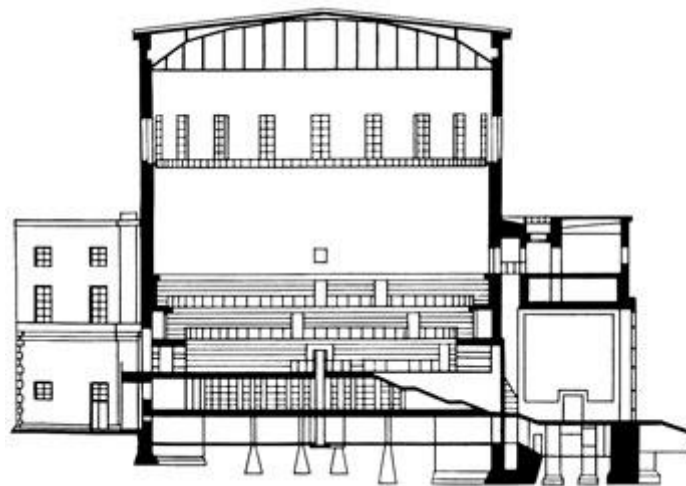

Стокгольм. Здание городской библиотеки. Архит. Г. Асплунд. 1920 - 1927.

Общий вид

В более поздних функционалистических постройках, таких, как новый корпус здания суда в Гётеборге (1934 - 1937, архит. Г. Асплунд), подход к архитектуре стал более комплексным, включающим поиск художественной выразительности. В композиции выявлены легкость и изящество современных конструкций; основное внимание при решении художественных проблем уделено интерьерам, объединенным в цельную

пространственную систему. Обогадилась палитра отделочных материалов, в композиции активно звучат контрасты их цвета и фактуры. Широкое применение получило дерево, как бы символизируя одно из главных природных богатств страны. В общем характере здания очевидно стремление к холодноватой утонченности. Характерное для шведской архитектуры внимание к взаимоотношению здания и окружающей среды проявилось в том, как бережно ввел Г. Асплунд свою постройку в классицистический ансамбль, стремясь достичь гармонии не стилизацией, а соподчинением ритма и единством масштаба. Западноевропейский функционализм - вслед за своими американскими предтечами - ставил акцент на создании архитектурной композиции "изнутри наружу", от пространственной структуры функций к объему здания. Г. Асплунд корректирует такой подход, включая в сферу внимания факторы, определяемые внешним окружением, градостроительной ситуацией, т. е. сочетает компоновку "изнутри наружу" и "извне внутрь".

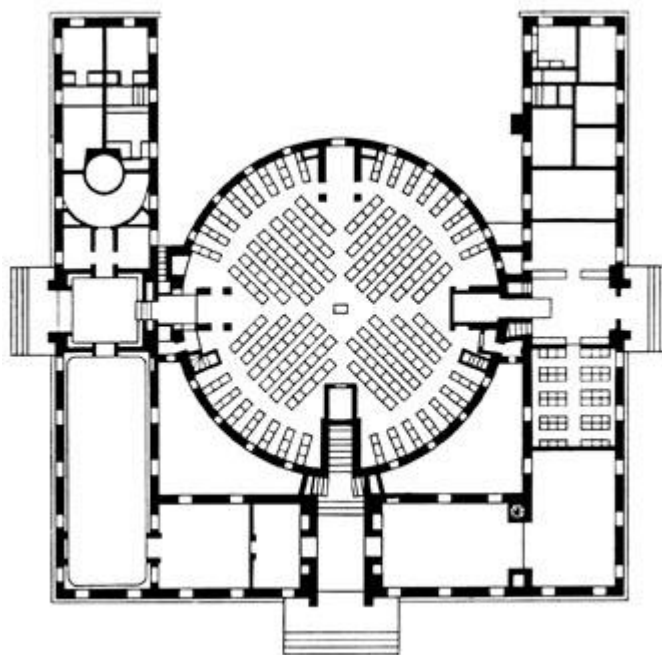

Стокгольм. Здание городской библиотеки. Архит. Г. Асплунд. 1920 - 1927.

Разрез

Характерен для шведского функционализма ансамбль Слюссен в Стокгольме на набережной у знаменитой транспортной развязки (1935, архитекторы К. А. Аккинг, Э. Сундал, О. Тунстрем и К. Одеен). Верхний этаж восьмиэтажного жилого дома, расчлененного на пять вертикальных блоков 32-метровым мостиком, переброшенным через прибрежную магистраль, соединен с ажурной стальной башней лифта. По другую сторону корпуса бетонная эстакада ведет на вершину скального плато. Лифт, кабина которого открыто движется между тонкими опорами, связывает остановки общественного транспорта не только с рестораном и видовыми площадками, устроенными в остекленных галереях, но и с кварталами, лежащими на верхней террасе. Своеобразное решение коммуникации в специфических условиях города на скалах здесь получило подчеркнуто техницистский характер. Обнаженные металлические конструкции и механизмы лифтовой башни, легкие мостики напоминают мотивы футуристических фантазий Сант-Элиа. Авторы постройки стремились к буквальному воплощению

популярного в то время лозунга Ле Корбюзье - "техника - источник нового лиризма".

Стокгольм. Здание городской библиотеки. Архит. Г. Асплунд. 1920 - 1927.

План

Широкий международный отклик имели поиски новых приемов формирования зрелищных зданий, которые велись шведскими архитекторами. Исследование акустики и видимости в больших залах привело к расширению круга целесообразных форм, признанных рационализмом, и освободило его от пристрастия к схематической геометрии. Решительный отход от "ортодоксальных" схем был совершен архит. С. Маркелиусом в здании концертного зала в Хельсинборге (1931 - 1933). Объем здания нарочито расчленен и асимметричен. В нем четко выявлены основные группы помещений - вестибюля, фойе, зала. Выразительность объема построена на контрасте жестких параллелепипедов и мягких криволинейных поверхностей. Интерьер зала (как и фасады здания) почти аскетичен. Его характер также определяют контрасты - плоскости стен противопоставлены криволинейным поверхностям акустического экрана над эстрадой и мягко поднимающегося пола.

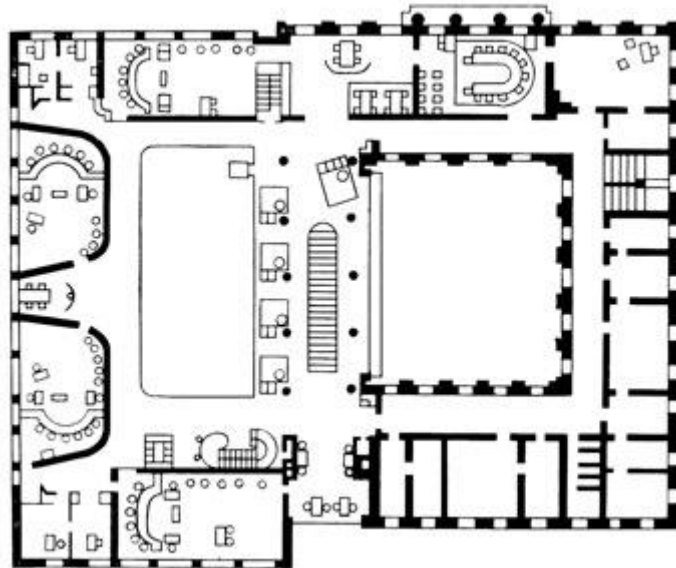
Стокгольм. 'Слюссен'. Архитекторы К. А. Аккинг, Э. Сундал, О. Тунстрем и К. Одеен, 1935

Объемное построение концертного зала в Гётеборге (1935, архит. Н. Эриксон) более канонично, к чему обязывало расположение здания на симметричной площади. Но композиция интерьера, основанная на комплексном решении функциональных, акустических и эстетических проблем, оказала широкое влияние на развитие архитектуры зрелищных сооружений. Зал на 1350 мест отделан панелями из палисандрового дерева. Пространство зала и сцены едино; наклонные стены плавно переходят в потолок, имеющий двоякую кривизну. Расчленение боковых стен уступами, увязанными с расположением мест для зрителей и размещением источников света, обеспечило равномерность рассеивания звука. Различные повороты панелей стен и нюансы их золотистого цвета создают богатый зрительный эффект при отсутствии декора. Отдаленным прообразом и для Маркелиуса, и для Эриксона послужил конкурсный проект здания Лиги наций в Женеве, выполненный Ле Корбюзье (1927), но, как и во многих других случаях, шведские архитекторы, отталкиваясь от чужой идеи, нашли свой подход, создали оригинальные варианты и довели их до реализации.

Гётеборг. Новый корпус здания суда. Архит. Г. Асплунд, 1934 - 1937. Общий вид

Тенденции универсального использования общественных сооружений выражены в здании театра, построенном в Мальмё по проекту архитекторов Д. Хеллдена, Э. Лаллерстедта и С. Левернтца (1936 - 1943). Здание было задумано как городской театральный и концертный зал и одновременно крупнейшее помещение для собраний в Скандинавии. Большое влияние на его авторов оказали конкурсы на проекты зданий театров, проводившиеся в СССР, и особенно международный конкурс в Харькове. Нормальная вместимость амфитеатра 1600 человек может быть сокращена при помощи криволинейных в плане раздвижных деревянных стенок до 400 мест при камерных концертах или, напротив, увеличена до 4000 мест при проведении конференций путем его объединения с верхним фойе и планшетом сцены. Для обеспечения акустики, одинаково хорошей при любом использовании зала, применен криволинейный подвесной потолок, спускающийся к сцене и сильно сокращающий воздушный объем. Новаторский подход к пространственному формированию интерьера сочетается с компромиссом между рационализмом и свехупрощенным классицизмом во внешнем облике театра.

Гётеборг. Новый корпус здания суда. Архит. Г. Асплунд, 1934 - 1937. План

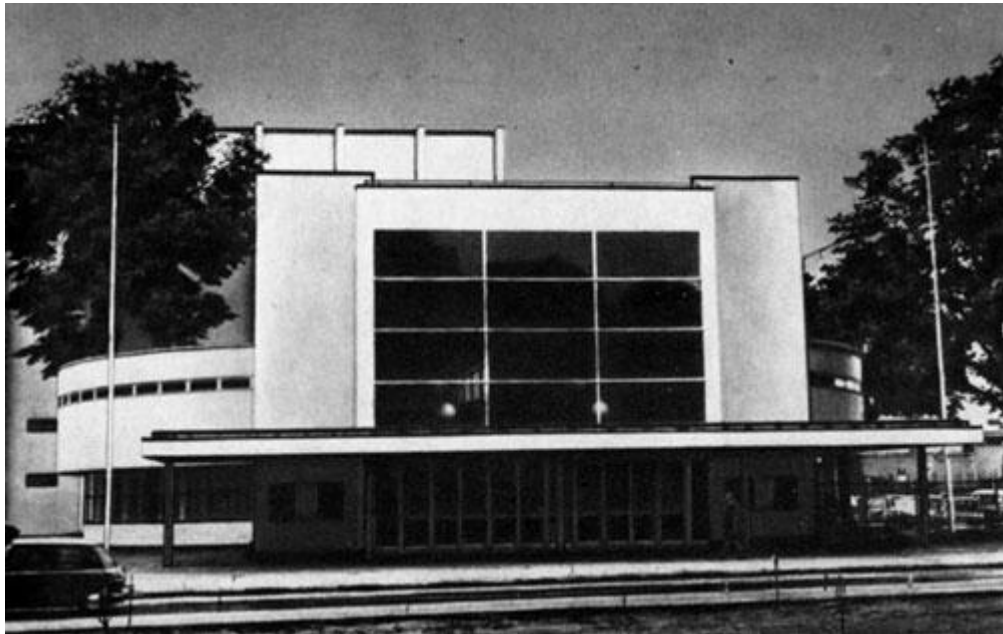
Принципы рационалистической архитектуры получили последовательное воплощение в промышленном строительстве Швеции. Территориальная рассредоточенность промышленных предприятий облегчала рациональное решение их генеральных планов. Шведские архитекторы стремились к органической связи между группами производственных зданий и природным окружением. К лучшим примерам такого рода относятся промышленные постройки кооперативного союза КФ в окрестностях Стокгольма. В числе их комплекс элеваторов и фабрик мучных изделий на о-ве Квархолмен (1925 - 1935, архит. Э. Сундал) и фабрика электроламп (1928, архит. Э. Сундал, А. фон Шмалензее, Л. Энглунд и С. Брофельт). Промышленная архитектура Швеции в 30-е гг. оказывала большое влияние на все виды строительства. Именно здесь отрабатывалась методика четких функциональных решений, здесь начали развиваться стандартизация и модульная координация элементов.

Гётеборг. Новый корпус здания суда. Архит. Г. Асплунд, 1934 - 1937. Интерьер холла

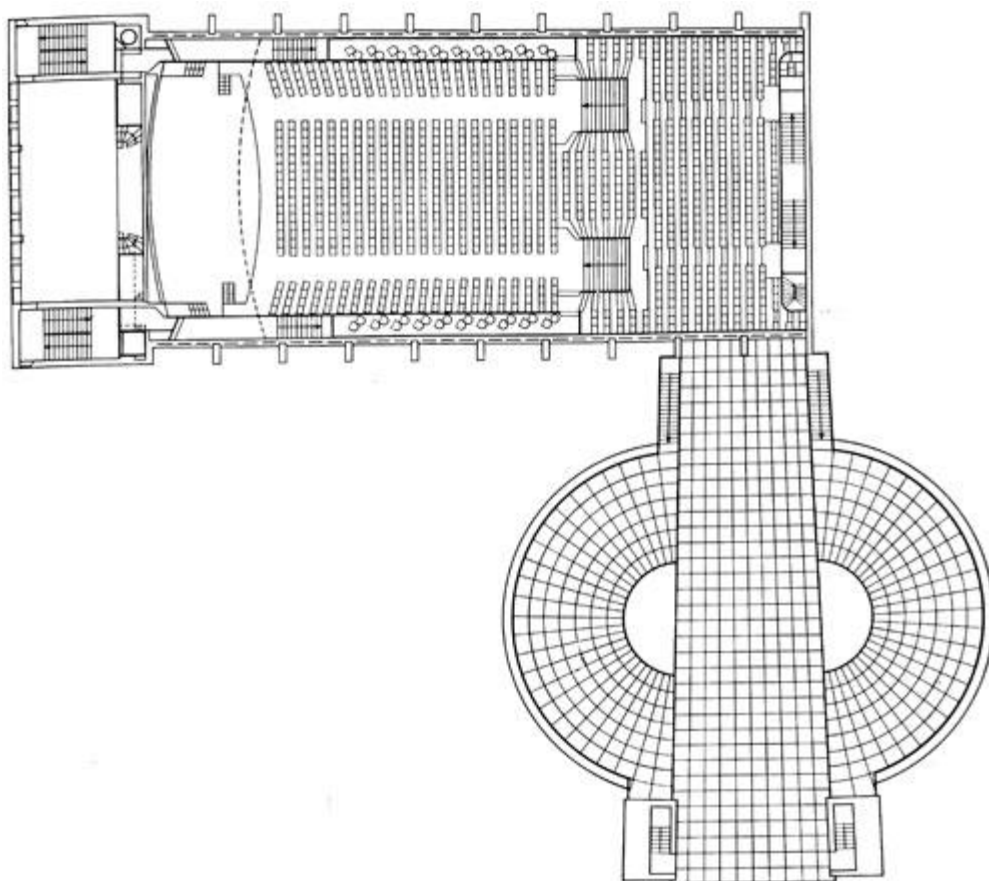
К концу 30-х гг. в стилевых поисках функционалистов наметились два пути. Тот и другой определяло стремление повысить эмоциональную действенность и художественную выразительность архитектуры. Один путь был связан с четким выявлением конструктивного скелета построек, упрощением их структуры, строгим геометризмом. План здания при этом делали мобильным, пригодным для удовлетворения различных функций. Внутренние пространства раскрывались одно к другому, связываясь воедино. С наибольшей ясностью такая тенденция проявилась в здании шведского павильона на Всемирной выставке 1937 г. в Париже (архит. С. И. Линд). Постройка эта, созданная под несомненным влиянием экспериментов голландских архитекторов начала 20-х гг. (группа "Стиль"), во многом предвосхитила известные сооружения Мис ван дер Роэ, осуществленные на 15 - 20 лет позже. Близкими по характеру были жилые дома Э. Фридбергера, упомянутые в предыдущей главе (тип "Элементхус"). Другой путь основывался на поисках специфического характера шведской архитектуры. Вначале эти поиски шли неуверенно - то использовались приемы, идущие от

классицизма, в сочетании с функционалистической схемой, то главный акцент переносился на использование традиционных материалов - дерева, неоштукатуренного кирпича.

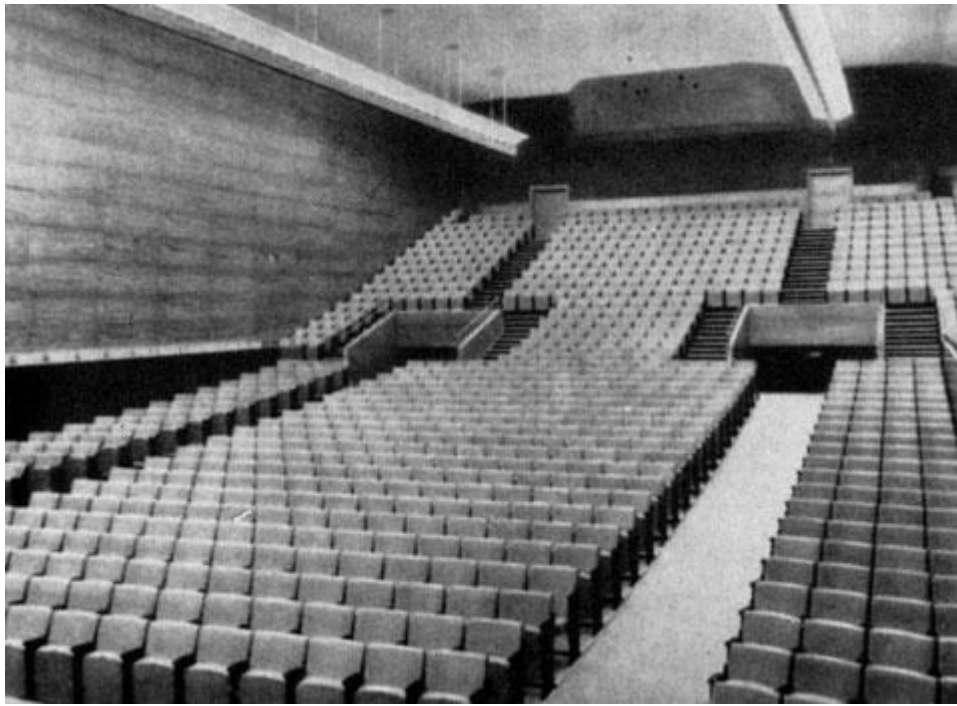
Хельсинборг. Концертный зал. Архит. С. Маркеллиус, 1931 - 1933. Общий вид

Однако в композиции комплекса "Лесного крематория" в Стокгольме (1935 - 1940), своей последней работе, Г. Асплунд сумел добиться подлинной поэтической выразительности и цельности. Низкая белая стена, вдоль которой проходит мощеная тропа, объединяет комплекс. Тропу замыкает выдвинутый вперед портик большой капеллы, вырастающий прямо из поверхности земли, без стилобата. Гладкие белые кубы малых капелл, поднимающиеся над оградой, дополняют асимметричную систему. Гармоничны пропорции строгого каменного портика с деревянным покрытием, понижающимся к центральному световому отверстию, под которым установлена скульптурная группа. В четкую структуру внесены тонкие нюансы, обогащающие ее пластику. Точно найденные немногочисленные детали придают сооружению масштабность и теплоту. Комплекс в целом с его живописной асимметрией, органически единой с ландшафтом зеленого склона, рождает настроение спокойной грусти. Асплунд, несомненно, был самым крупным художником среди шведских архитекторов. Однако его остроиндивидуальное творчество было обособленным явлением. Асплунду были чужды и социологические увлечения функционалистов, связанные с реформистскими идеями, и их интерес к проблемам массового строительства, жилой среды.

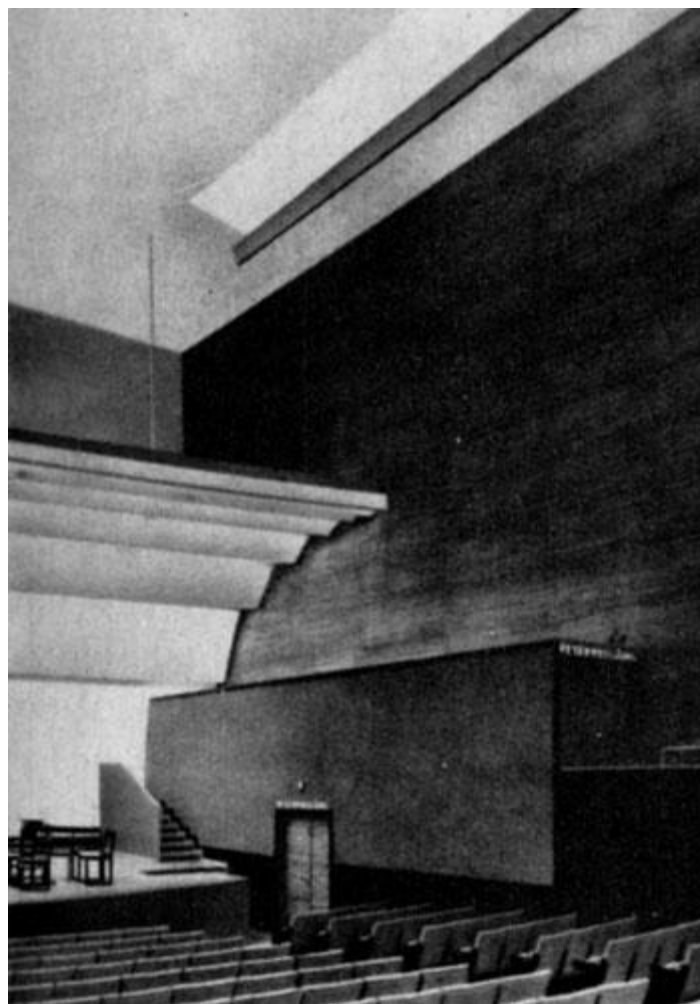
Хельсинборг. Концертный зал. Архит. С. Маркелиус, 1931 - 1933. План

Шведский функционализм привлекал к себе общее внимание. В 30-е гг. на западе Европы это течение, растратив творческие силы на завоевание господства, стало общепризнанным "интернациональным стилем" и из направления поисков превратилось в моду. Архитекторы Швеции выделялись на этом фоне уже тем, что они обладали бескомпромиссностью творчества, которую утратили вчерашние бойцы, превратившиеся в признанных "мэтров". Принципы функционализма, так быстро обернувшиеся рутинными догмами, в работах северян (шведов и их финских соседей) вновь получили острое, свежее истолкование. Их произведения, неразрывно связанные со специфическими условиями северной окраины Европы, с ее суровым ландшафтом и самобытной культурой, были глубоко национальны и притом всецело отвечали стандартам "современности", провозглашавшимся функционалистами. Их поиски определялись пониманием архитектуры как части комплексной среды, где ландшафт, постройки и предметы, создаваемые дизайном, образуют интегральное целое (западноевропейский функционализм в то время ограничивал свои интересы пределами собственно здания).

Хельсинборг. Концертный зал. Архит. С. Маркелиус, 1931 - 1933. Интерьер зала

Однако очищая архитектуру от пассивного украшения, пробуждая интерес к подлинным человеческим проблемам, функционализм не шел дальше преобразования оболочки вещей. В его идеях наивные претензии на "жизнестроительство", возможность реформы общества средствами архитектуры соседствовали с чисто буржуазной расчетливостью.

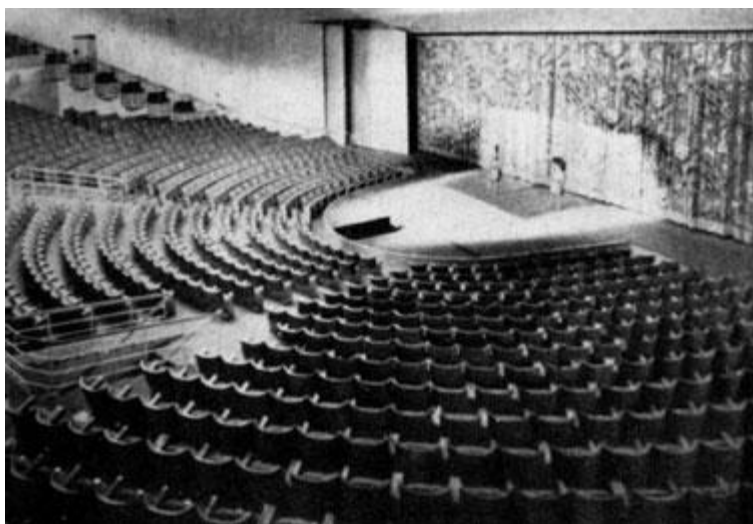
Хельсинборг. Концертный зал. Архит. С. Маркелиус, 1931 - 1933. Интерьер зала

Шведский "неоэмпиризм"

Мальмё. Городской театр. Архитекторы Д. Хеллден, Э. Лаллерстендт, С. Левернтц, 1936 - 1943. Общий вид

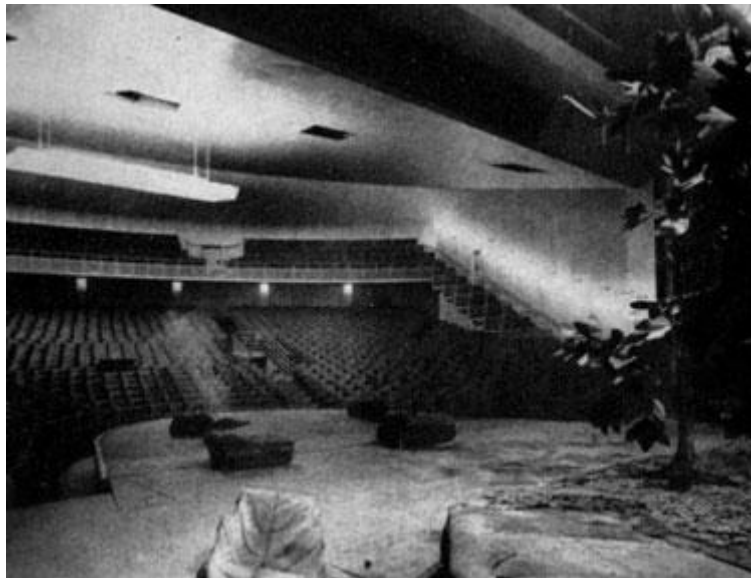
Экономические трудности, пришедшие с началом второй мировой войны, стали объективным аргументом противников "правоверного" функционализма. Вынужденный возврат к традиционным материалам сопровождался усилением наметившейся в конце 30-х гг. тенденции к поискам национального своеобразия в архитектуре. Играли свою роль и изоляционистские настроения, искусственно подогревавшиеся буржуазными кругами, которые стали отождествлять нейтралитет с национальной изоляцией. Развилось новое течение, которое, с легкой руки английских критиков, получило не очень точное название "неоэмпиризма". В этом течении реакция против безликости "международного стиля" получила выражение в поисках нового на основе климатических особенностей и характера ландшафта страны, использования ресурсов местных материалов.

Мальмё. Городской театр. Архитекторы Д. Хеллден, Э. Лаллерстендт, С. Левернтц, 1936 - 1943. Интерьер зала

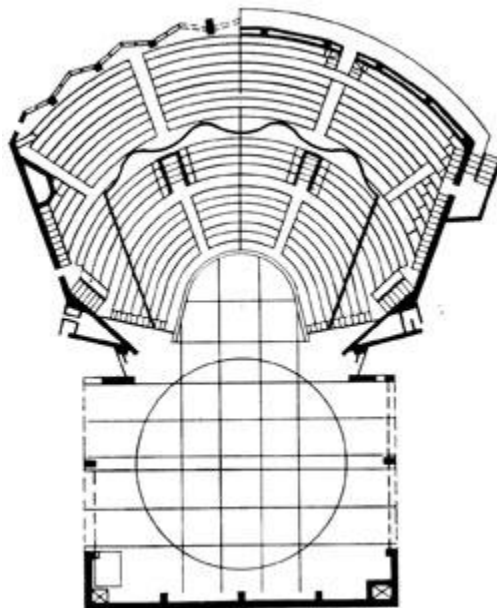
"Почему мы должны делать окна большими, чем это действительно необходимо, - не только ли для того, чтобы доказать, что мы можем создать целую стену из стекла? Зачем плоские кровли, которые постоянно протекают весной? К чему отвергать традиционные материалы - ведь их легко производить и в то же время они имеют приятную текстуру и цвет", - писал сочувствующий неоэмпиристам английский критик Э. де Маре¹. Композиция зданий стала более живописной. Расширилось применение дерева и оштукатуренного кирпича как в наружной, так и во внутренней отделке. Неизменную белизну стен заменила интенсивная окраска. "Воскресают" карнизы; там, где не нужно большого количества света, массивную стену прорезают лишь небольшие квадратные окна.

¹(«Architectural Review», 1948, vol. CIII, № 613, p. 9.)

Мальмё. Городской театр. Архитекторы Д. Хеллден, Э. Лаллерстендт, С. Левернтц, 1936 - 1943. Интерьер зала

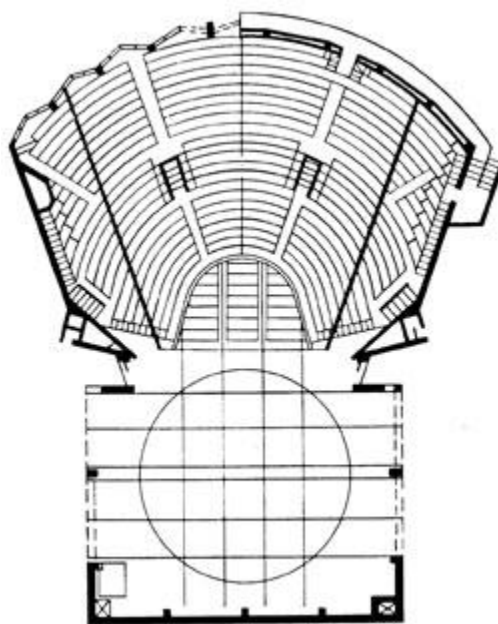
Черты нового направления проявились уже в здании музея в Линчёпинге (1939, архит. Н. Арбом и Х. Цимдал). В жилищном строительстве оно наиболее ярко воплощено в ранних постройках С. Бакстрёма и Л. Рейниуса (упоминавшийся выше "Элфвинггорден"). До полемической заостренности принципы "неоэмпиризма" доведены С. Маркелиусом в особняке в Кёвинге. Здесь почти непосредственное воспроизведение приемов крестьянского зодчества было подчеркнуто как прямой вызов ортодоксальному функционализму.

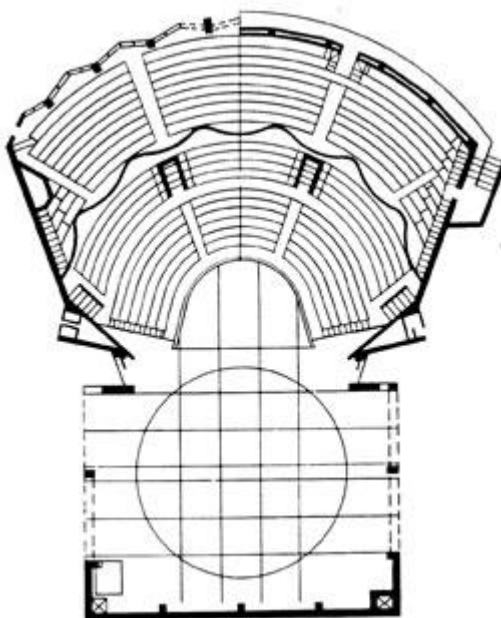
Мальмё. Городской театр. Архитекторы Д. Хеллден, Э. Лаллерстендт, С. Левернтц, 1936 - 1943. Вариант трансформации зала

Прямое воздействие неоэмпиризма на городское строительство 40-х гг. в конечном счете свелось к применению высоких кровель с деревянными

карнизами и к облицовке кирпичом фасадов с небольшими квадратными окнами. Отголоски идей "неоэмпиризма" были еще ощутимы в первой половине 50-х гг. Примером может служить законченный в 1954 г. "народный дом" в Линчёпинге (архит. С. Маркелиус), объединяющий профсоюзный центр, жилой корпус, ресторан, кинотеатр и залы собраний. Характер здания в большой мере задан соседством собора XIII в., обязывавшим к определенной традиционности архитектуры. Железобетонный каркас этой постройки заполнен панелями, облицованными деревом, что определило деликатный масштаб композиции в целом. Неоэмпиризм был явлением недолговечным и поверхностным, его нарочитая провинциальность казалась анахронизмом уже в первые послевоенные годы. Однако исследование специфики местных условий и традиций имело большое значение для последующего развития архитектуры Швеции. Рационализм здесь уже не возвратился к элементарности и жесткости, которые были характерны для его "героического периода" 30-х гг. Шведский неоэмпиризм имел влияние и за пределами своей страны, проявившееся в архитектуре Англии и особенно Италии.

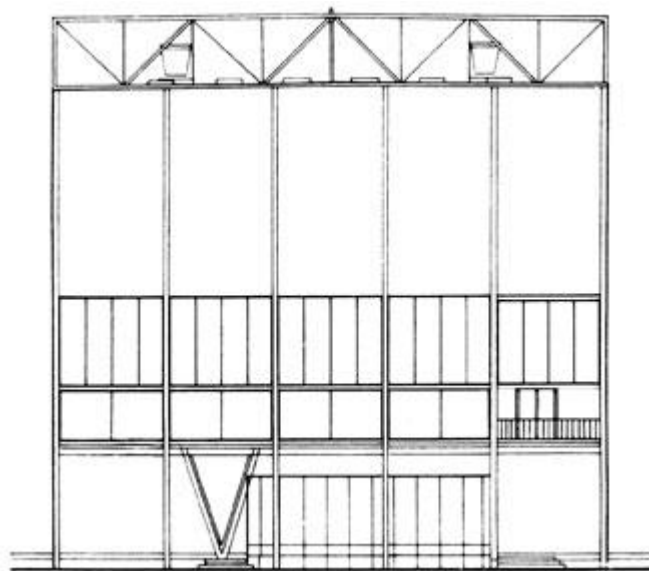
Мальмё. Городской театр. Архитекторы Д. Хеллден, Э. Лаллерстендт, С. Лёвернц, 1936 - 1943. Вариант трансформации зала

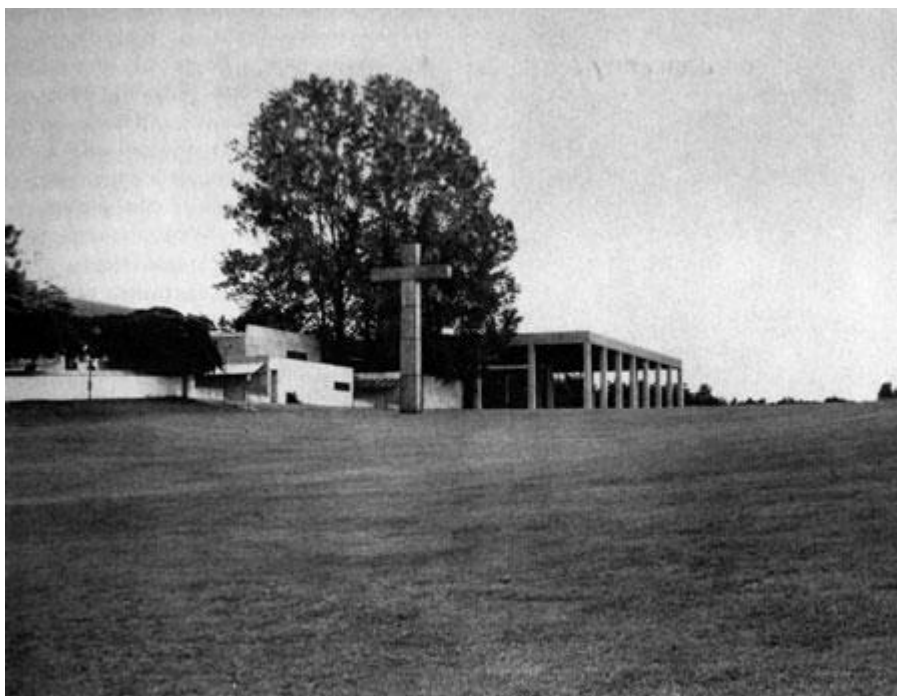
Мальмё. Городской театр. Архитекторы Д. Хеллден, Э. Лаллерстендт, С. Левернтц, 1936 - 1943. Вариант трансформации зала

Париж. Павильон Швеции на Всемирной выставке 1937 г. в Париже. Архит. С. И. Линд

Париж. Павильон Швеции на Всемирной выставке 1937 г. в Париже. Архит. С. И. Линд

Стокгольм. Лесной крематорий. Архит. Г. А. Асплунд, 1936 - 1940. Общий вид

*Стокгольм. Лесной крематорий. Архит. Г. А. Асплунд, 1936 - 1940. Портик
Большой капеллы*

Шведская архитектура 50-х гг.

Линчёпинг. Народный дом. Архит. С. Маркелиус, 1954

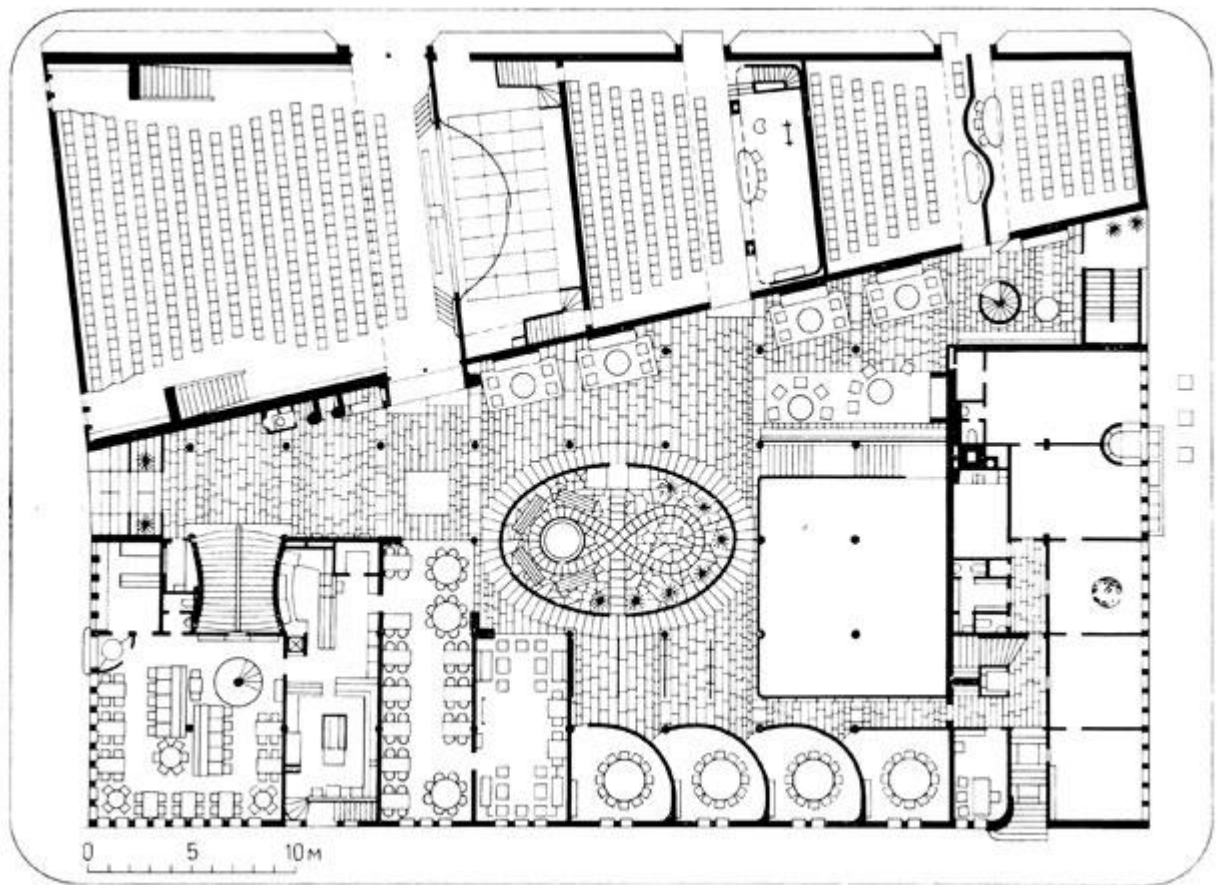
После второй мировой войны развитие шведской архитектуры пошло путем постепенной эволюции. Когда были устранены экономические трудности, в большой мере ставшие причиной распространения "неоэмпиризма", черты этого течения постепенно нивелировались. Однако

вкус к использованию естественных материалов, к контрастам цвета и фактуры, интерес к пластичности объема сохранились. Неизменным осталось и внимание к взаимодействию здания и ландшафта, природного или искусственного, городского. При застройке жилых районов и общественных центров оно перерастает в стремление создать среду, качества которой определяются не только утилитарной целесообразностью, но и учетом психологических потребностей человека. Функционализм, обогащенный опытом "новой эмпирики", определил основное направление шведской архитектуры в 50-е гг.

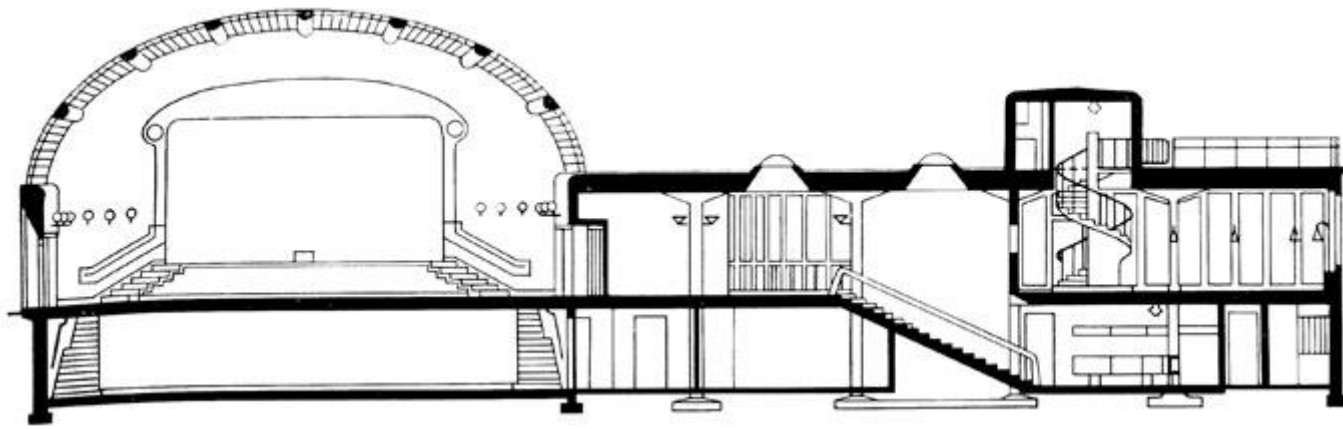
Эслёв. Здание общественного центра. Архит. Х. Асплунд. 1955 - 1957. Общий вид

Влияние, идущее из стран Западной Европы и США, оказывало воздействие на шведскую архитектуру, находя почву в известной неопределенности ее творческих концепций. Но такое воздействие было ограниченным. Связь с идеями "органической архитектуры" можно усмотреть в некоторых жилых комплексах и общественных зданиях, где возникали преувеличенно сложные пространственные формы, как бы воспроизводящие характер природных образований. Более непосредственным было влияние "универсальной формы" Мис ван дер Роэ. Однако круг этого влияния довольно четко определялся конторскими постройками. Направленность шведской архитектуры в целом такие влияния не изменили.

Эслёв. Здание общественного центра. Архит. Х. Асплунд. 1955 - 1957. План

В 50-е гг. поиски целостности городского ландшафта, основанные на приемах живописной организации застройки, связывающих сооружения с естественной природой, были по существу переносом на более высокий уровень структурной организации тех поисков, которые породили "неоэмпиризм". От иллюстративных атрибутов "местной специфики", вводимых в отдельные сооружения, шведские архитекторы перешли к приемам организации городских комплексов, специфичным для условий, связанных с ландшафтом и климатом страны. В то же время от неоэмпиризма сохранился и подход к оценке архитектурных решений на основе достаточно неопределенного критерия "живописности". В ряду функциональных первенствующее место заняли факторы, связанные с организацией жизненных процессов, оттесняя на второй план факторы гигиенические (последние к тому же были подвергнуты переоценке: место заботы о "проветривании" кварталов занимает стремление защитить внутриквартальные пространства от сильных ветров и снежных заносов).

Эслёв. Здание общественного центра. Архит. Х. Асплунд. 1955 - 1957. Разрез

Результатом этого направления поисков были живописные комплексы Грендала, Орсты, Веллингбю и Фарсты в Стокгольме, Кортёдалы в Гётеборге, Барунбакарны и Росты в Эребру и т. п. Общая устремленность к созданию целостной среды определяла не только пространственную организацию застройки, но и решения отдельных сооружений (даже нарочитая индивидуализация фасадов торговых построек центра Фарсты привела к общей пестроте комплекса, но не к выделению отдельных сооружений в самостоятельные единицы композиции). Это было принципиальным отличием основного русла шведской архитектуры 50-х гг. от "органической архитектуры" с ее антиурбанизмом и стремлением рассматривать каждую постройку как независимый архитектурный организм, связанный с природной средой, но не с другими постройками.

*Стокгольм. Здание профсоюзного центра. Архит. С. Маркелиус, 1955 - 1957.
Фасад*

Определенный отпечаток на шведскую архитектуру наложило развитие сборного строительства. Характерная для ранней стадии освоения индустриальных методов строительства скованность пространственных и объемно-пластических решений появляется в 50-е гг., не оказывая, однако, существенного влияния на общую панораму застройки, так как процент сборных сооружений был невелик. Распространение стандартных элементов и деталей оказало, напротив, свое дисциплинирующее влияние почти повсеместно. Сложность живописной организации застройки соединялась, как правило, с простотой объема и сдержанностью деталей отдельных домов.

*Стокгольм. Здание церкви на площади Броммаплан. Архит. О. Люнинг, 1959.
План. 1 - церковь; 2 - приходский зал; 3 - воскресная школа; 4 - гостиница; 5 -
магазины; 6 - отделение банка; 7 - галерея; 8 - колокольня*

При комплексной застройке жилых массивов широко использовались кооперированные постройки, включающие помещения для различных функций, торговых и общественно-культурных. На рубеже 40 - 50-х гг. особенно широко обсуждалась проблема культурного центра. Однако культурные центры не могли способствовать сплочению общества, "атомизированного" системой капиталистических отношений. Их нежизненность усугублялась и тем, что в условиях научно-технической революции, оказавшей свое влияние и на капиталистические страны, мобильность населения и роль общегородских связей в удовлетворении его культурных интересов значительно возросли. В 50-е гг. такие постройки вытесняются коммерческими зданиями с широким диапазоном функций. Примерами культурных центров могут служить упоминавшееся выше здание в центре Орсты и центр маленького (10 тыс. жителей) городка Эслёв на юге Швеции (архит. Х. Асплунд, проект 1947 г., строит. 1955 - 1957 гг.). Последнее трактовано как фрагмент комплексной среды, объединяемой перекрытым двориком, который получает естественное освещение через круглые фонари плоского перекрытия на грибовидных опорах. Сюда открываются небольшие клубные комнаты, выставочный зал, бар, ресторан. Связанный с фойе объем конической формы, перекрытый сводом-оболочкой, разделен на четыре зала, имеющих 450, 133, 90 и 66 мест для собраний, концертов, представлений самодеятельного театра. К распластанной группе общественных помещений примыкает пятиэтажный административный корпус. Структурная ясность плана не претворена в выразительную

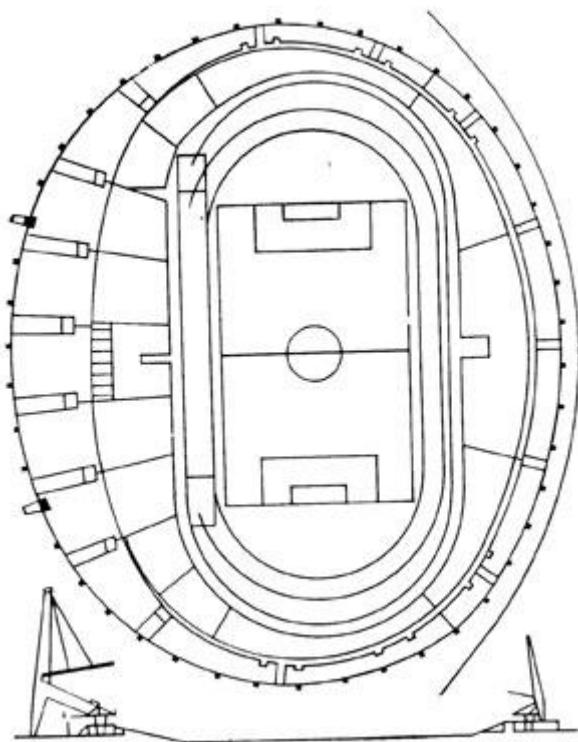
трехмерную форму - объемы кажутся случайными, пластическая трактовка суха и дробна.

Гётеборг. Стадион 'Нюа Уллеви'. Архитекторы Ф. Янекке и С. Самуэлсон, 1958. Общий вид

Сложные функциональные программы получили распространение и в других областях шведского строительства. В частности, они стали характерны для культовых зданий, а в конце 50-х гг. в Швеции проектировалось и строилось более 300 церквей - больше, чем когда-либо со времени средневековья. Церковь в Швеции не отделена от государства, и новые культовые сооружения должны были строить все новые муниципальные единицы. Стремясь преодолеть растущее равнодушие к религии и вовлечь в сферу влияния церкви молодежь, церковные власти пошли на соединение в одном комплексе религиозных и сугубо "мирских" функций. Характерна церковь на Броммаплан в Стокгольме у пересечения крупных магистралей на шоссе, ведущем к западу (архит. О. Люнинг, 1959). Здесь в аморфно застроенном пригороде конца 30-х гг. была сделана попытка превратить культовое здание в центр общественной жизни жилого района. Коммерческие учреждения заняли 75% здания, расположенного на участке треугольной формы. Собственно церковь образует лишь один из флангов сложного здания с открытым двориком, охваченным галереей-навесом. Здесь устроены не только воскресная школа и клубные комнаты, но и группа магазинов, отделения банка и страховой компании, гостиница на 100 мест и

гараж-стоянка. Расчет строится на увеличении числа прихожан за счет "попутных" помещений церкви теми, кто пользуется услугами коммерческих учреждений.

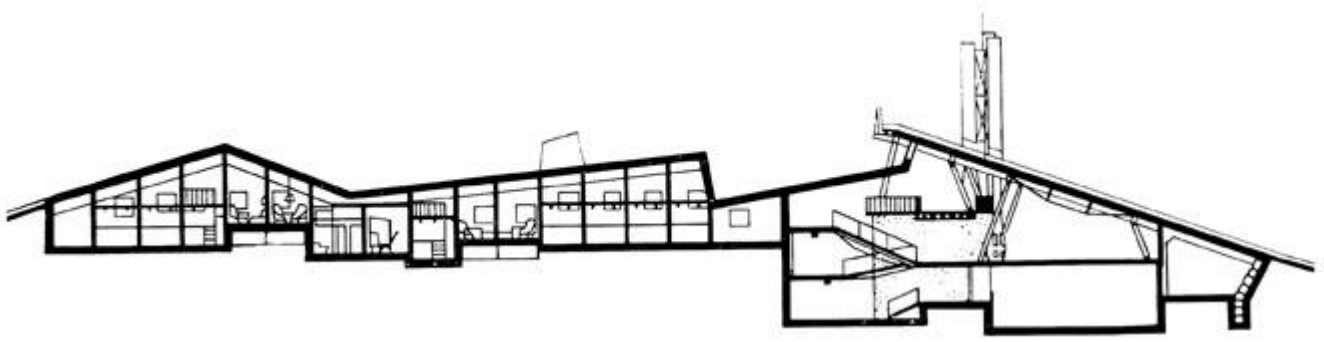
Гётеборг. Стадион 'Нюа Уллеви'. Архитекторы Ф. Янекке и С. Самуэлсон, 1958. План

Преодоление неомпиризма связывалось с сознательным обращением к языку форм "международного стиля", предложенному Мис ван дер Роэ. Построенное в 1955 - 1957 гг. здание профсоюзного центра (архит. С. Маркелиус) было попыткой создать "шведский вариант" универсальной формы Миса. Четыре этажа прямоугольного корпуса, поднятого на пилонах над уровнем земли, имеют двойной ряд пилонов посередине, от которого отходят консольные плиты перекрытий. Светлые зоны вдоль наружных стен благодаря этому свободны от опор и членятся подвижными перегородками. Навесная стена имеет внешние металлические ребра, по которым скользят окна с двойным остеклением. Необычная конструкция была предложена с тем, чтобы внести в сухую решетку фасада сложные "ритмы случайного", возникающие при открывании окон; несмотря на тщательность исполнения, она, по-видимому, не оправдала себя в климате Стокгольма, так как более не встречалась.

Боргафьелл. Здание отеля для лыжников. Архит. Р. Эрскин, 1955. Общий вид

Высотные пластинчатые блоки административных зданий в их "чистой" форме в Швеции почти не применялись. Для 25-этажного корпуса налогового управления Стокгольма, построенного в южной части города, была использована "турбинообразная" группировка четырех вертикальных объемов с конторскими помещениями вокруг центрального ядра вертикальных коммуникаций - по типу жилых домов-башен в Веллингбю (1955, архит. П. Хедквист). Навесные наружные стены каждого из четырех объемов различны по рисунку заполнения. Как и в предыдущем примере, основное внимание архитектора занимала своеобразная "структурная декорация" фасадов, холодно-абстрактный характер которых определялся использованием новых материалов вне принципиального решения эстетических проблем или учета местной специфики. Пять высотных административных зданий в Сергальгатан в центре Стокгольма (1956 - 1962) воспроизводят "классический" прием навесной стены, однако стремление сознательно внести в систему элементы разнообразия, варьируя разработку деталей отдельных блоков и усложнение их объемов, вызванное формальными соображениями, уже свидетельствуют о сомнении в возможностях "универсальной формы". Энтузиазм к "архитектуре новых материалов" даже в узкой области строительства офисов был недолговечен. Ассимилировать наиболее ценные стороны "универсальной формы", не жертвуя своеобразием, шведским архитекторам не удалось. Упрочнялась тенденция к ощутимой материалности построек, к сложным (отнюдь не универсальным) объемным построениям, продиктованным конкретной пространственной структурой функций, к экспрессивности формы.

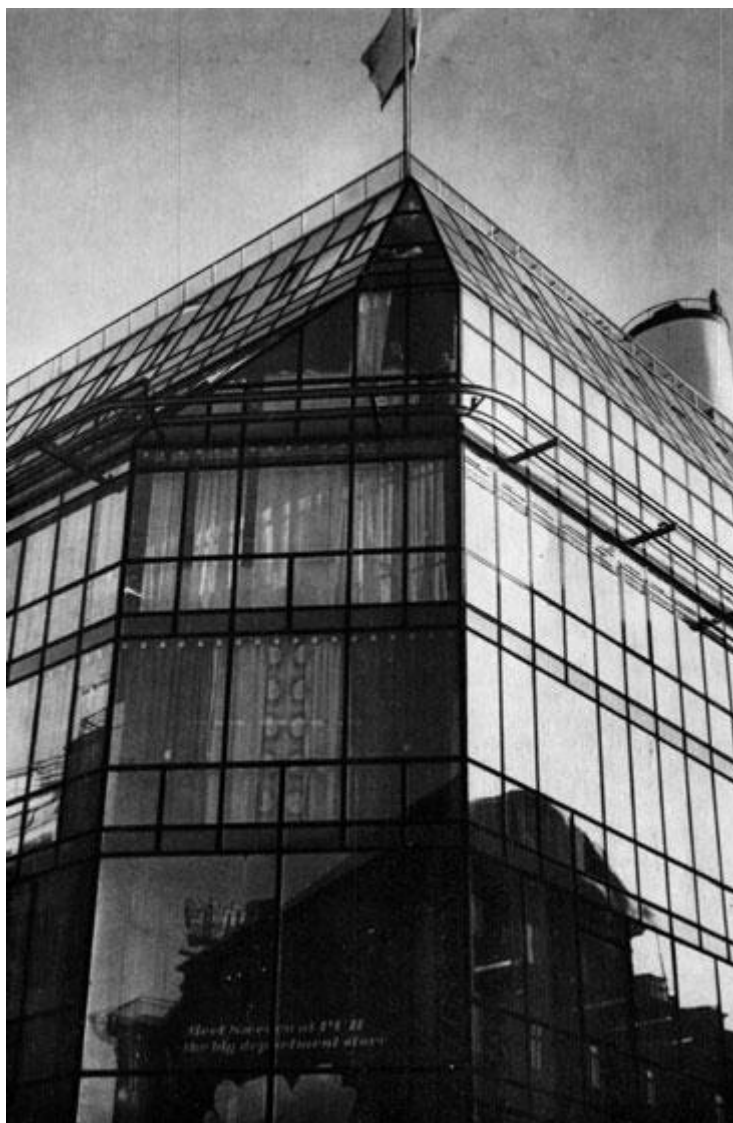
Боргафьелл. Здание отеля для лыжников. Архит. Р. Эрскин, 1955. Разрез

Возвратом к резковатой силе формального языка архитектуры раннего функционализма отмечены спортивные сооружения 50-х гг. в городах Швеции. Наиболее интересен среди них стадион "Нюа Уллеви" в Гётеборге с трибунами на 54 тыс. мест, самый большой в скандинавских странах (1958, архитекторы Ф. Янекке и С. Самуэлсон). Очертания этого сооружения были подсказаны изучением данных о том, как зрители размещаются на частично заполненных трибунах. Предпочтению к местам на боковых сторонах и прежде всего на южной отвечает необычный план "Нюа Уллеви", обеспечивающий значительное расширение южной и меньшее - северной трибуны. Верхние ряды мест защищены кровлей из легкой железобетонной плиты на стальных балках. Трибуны и кровлю несут 46 радиально расположенных монолитных железобетонных рам. В центре южной трибуны, где вылет консолей кровли возрастает с 9 до 33 м, ее конструкция подвешена на тросах к двум бетонным пилонам высотой более 50 м, используемым как осветительные мачты. Входы на стадион, распределенные по всему его периметру, организованы через широкие бетонные лестницы, выводящие на открытую галерею, образованную плоской кровлей подтрибунных помещений, причем нижние трибуны загружаются сверху, верхние - снизу. Это позволило не только удобно организовать потоки зрителей, но и придать четкость пространственному решению. Открытые глазу рациональные конструкции стадиона ясно и энергично организуют его объем; они производят впечатление упруго напряженных и легких. Сооружение масштабно человеку, несмотря на значительные абсолютные размеры. По проекту тех же архитекторов в 1959 г. построен стадион в Мальмё, имеющий несколько меньшую величину (трибуны на 31 тыс. зрителей). Принцип его композиции повторяет "Нюа Уллеви", но меньшим общим размерам отвечают более деликатные размеры отдельных элементов и более простые конструктивные схемы.

Линчёпинг. Крытый спортивный зал. Архит. Х. Вестман, 1958

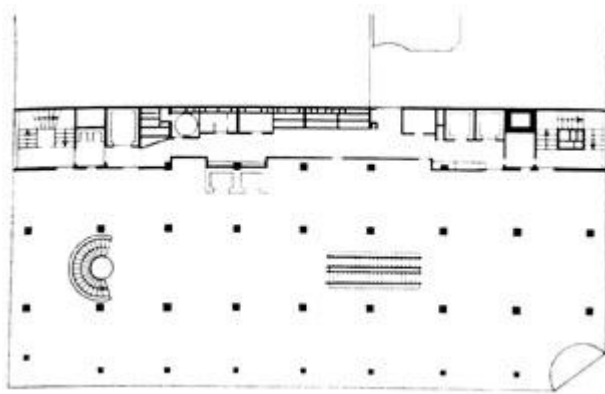
Сводчатое покрытие спортивного зала в Линчёпинге (1958, архит. Х. Вестман) подвешено на тросах к двум железобетонным аркам, возвышающимся над зданием. Однако возможности создания выразительной композиции на основе этого конструктивного приема остались неиспользованными. Торцовые фасады с их дробными членениями, разнохарактерными элементами и нетектоничностью разрушают целостность объема.

Стокгольм. Здание универмага ПУБ. Архитекторы Э. и Т. Алсен, 1955 - 1959.

Общий вид

Если спортивные сооружения можно считать одним полюсом шведской архитектуры 50-х гг., то другим ее полюсом были произведения архитектора Р. Эрскина, выполненные под непосредственным влиянием "органической архитектуры". Его отель для лыжников в Боргафьелл на севере Швеции (1955) называют "землей, превращенной в скульптуру"; своеобразные очертания этой распластанной постройки вписаны в холмистый ландшафт и стали как бы его частью. Специальные ветрозащитные стенки направляют снежные заносы таким образом, что из снега возникают почти скульптурные формы, дополняющие пластику постройки. Кровли здания используются для старта лыжников. Мастерски разработанная композиция здания, однако, в большой мере подчинена стремлению к броским формальным эффектам, во многом нарочита.

*Стокгольм. Здание универмага ПУБ. Архитекторы Э. и Т. Алсен, 1955 - 1959.
План типового этажа*

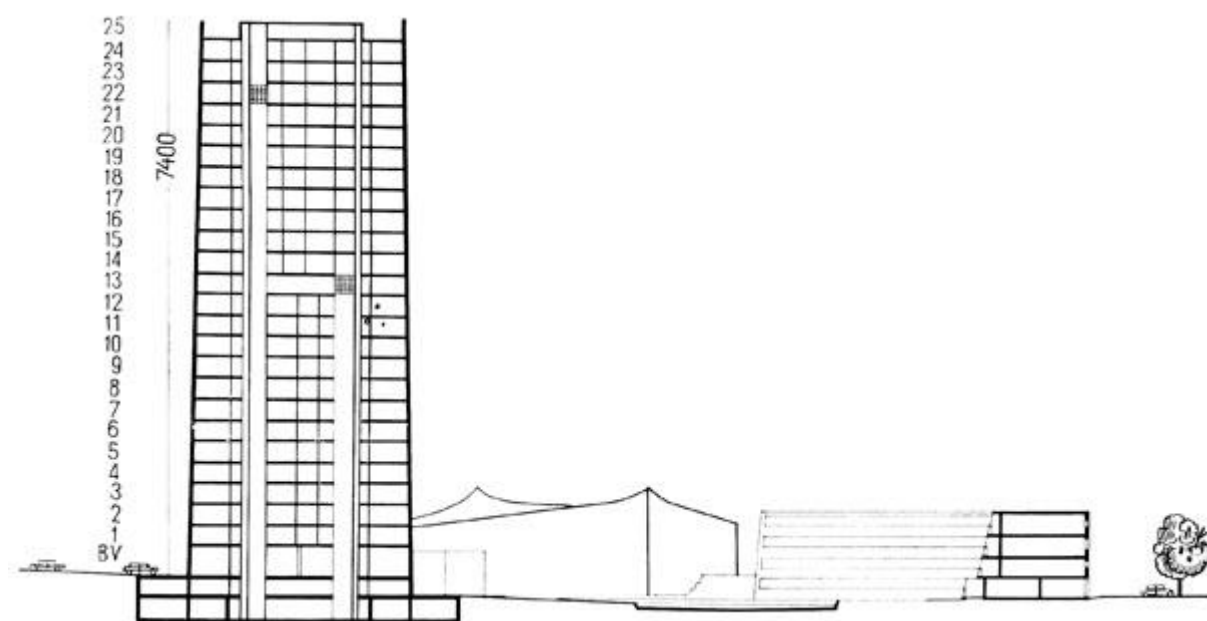
Шведская архитектура 60-х гг.

Стокгольм. Комплекс 'Венергрэн-центра'. Архитекторы С. Линдстрём и А. Бюден, 1959 - 1961. Общий вид

Хронологические рубежи для развития архитектуры имеют весьма условное значение. Тенденции, которые стали очевидны в шведской архитектуре 60-х гг., складывались в предыдущем десятилетии. Их уже можно обнаружить и в некоторых постройках, завершённых к концу 50-х гг. Одна из них - здание крупного универмага ПУБ в центре Стокгольма (1955 -

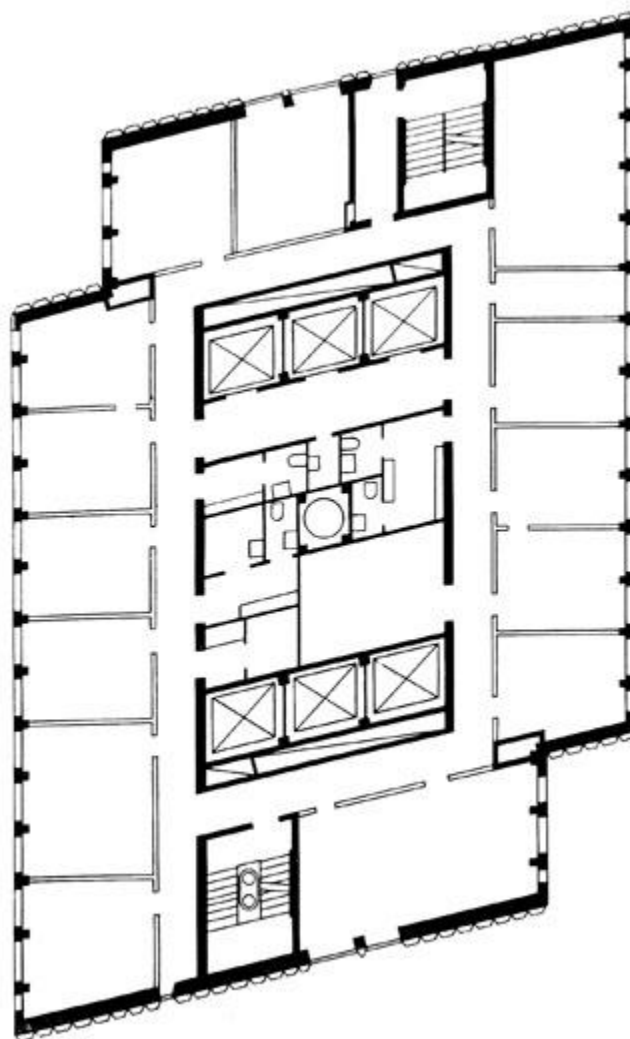
1959, архитекторы Э. и Т. Алсен). Структура его с нерасчлененными залами, обеспечивающими гибкую организацию торговли, и подсобными помещениями, образующими полосу вдоль тыловой стороны корпуса, отвечает концепции "универсальной формы". Однако его стеклянное ограждение образует сложные "кристаллические" грани, выявляющие блеск и игру отражений, присущие стеклу. Очертания объема, полемично противопоставленные стеклянным прямоугольным призмам, обычным для 50-х гг., определены на чисто рациональной основе. Стоящее на угловом участке здание выходит на улицы различной ширины, для которых строительными нормами установлены и различные максимальные отметки вертикальной плоскости фасада. Выше стеклянная стена наклонена внутрь, а сопряжение поверхностей на срезанном углу образует подобие асимметричного кристалла.

Стокгольм. Комплекс 'Венергрэн-центра'. Архитекторы С. Линдстрём и А. Бюден, 1959 - 1961. Разрез

Стремлением к отходу от жесткой прямоугольности и сознательным поиском необычной формы отмечена и композиция комплекса "Венергрэн-центра", замыкающего с северной стороны перспективу Свеавеген, одной из главных магистралей города (1959 - 1961, архитекторы С. Линдстрём и А. Бюден). Здесь размещается научный центр, построенный на средства частной благотворительности. Архитектура подобных учреждений на Западе всегда тяготеет к претенциозной броскости и необычности форм, удовлетворяя стремление "донаторов" (в данном случае шведского фабриканта пылесосов Венергрена) к самопрославлению и рекламе. Не стал исключением и этот комплекс. Он сформирован как самостоятельный организм, доминирующим элементом которого служит 25-этажный высотный лабораторный и административный корпус-"пилон". Эта веха как бы отмечает северную границу "Каменного города". Утончение кверху и непрямоугольность плана придают его объему своеобразное изящество и напряженный динамизм

ценой значительных усложнений конструкции и планировки (последние подчас, как, например, ромбические в плане кабины лифтов, даже не создавая неудобств, крайне неприятны визуально). Ритм чередования цветных и прозрачных стеклянных поверхностей в пределах геометрической решетки каркаса разбивает монотонность навесных стен. У основания "пилона" - четырехэтажный жилой корпус для стажеров научного центра, широкой дугой охватывающий пространство зеленого двора, изолированного от улицы перепадом уровней. Плавные кривые непрерывных лоджий, формирующих фасад жилого корпуса, образуют острый контраст с вертикалью "пилона". За счет разной глубины лоджий создана иллюзия террасообразного объема. Горизонтальные членения фасада криволинейного корпуса оказались расположены на наклонной плоскости, что усиливает зрительный эффект динамичности композиции. Третий ее компонент - объем, включающий конференц-зал и ресторан, своей обычностью выпадает из ансамбля.

Стокгольм. Комплекс 'Венергрэн-центра'. Архитекторы С. Линдстрём и А. Бюден, 1959 - 1961. План типового этажа высотного корпуса

Та же тенденция к созданию экспрессивных форм и преувеличенной монументальности (как и обострение внимания к чисто формальным проблемам) прослеживается в жилых комплексах Тэбю и Танто в

Стокгольме, Вэстра Фрёлунда в Гётеборге и т. п. В этом можно видеть отголосок направлений, развивавшихся в начале 60-х гг. в Западной Европе. В Швеции, однако, эта тенденция не пришла к иррационализму "нового барокко". Если шведские архитекторы и отходили от логики функциональной, то рассудочная логика геометрической формы, пусть нарочито усложненная, у них всегда ощутима. За претенциозностью формы скрывается внутренний холод - кажется, что даже аскетичные постройки 30-х гг. и нарочито живописные 50-х гг. богаче по своему образному содержанию. Впрочем, формальные эксперименты начала 60-х гг. в Швеции не получили широкого распространения и продолжения.

Стокгольм. Комплекс 'Венергрэн-центра'. Архитекторы С. Линдстрём и А. Бюдэн, 1959 - 1961. Генплан

Не было глубоким и влияние нео- брутализма, хотя в отдельных постройках присущие этому направлению средства языка художественной выразительности были разработаны своеобразно и артистично. Прежде всего в этой связи нужно упомянуть выполненную в монолитном бетоне телевизионную башню в Стокгольме (1964 - 1967, архитекторы Х. Боргстрём и Б. Линдроос). Интересна здесь разработка объемной формы - крепкую прямоугольную призму основного "столпа" высотой 137 м очень естественно развивают массивные консоли площадок для оборудования и венчающий объем с рестораном и видовой террасой. Открытая поверхность грубого бетона расчленена горизонтальными поясами простого рельефного орнамента. Башня хорошо вписана в силуэт города и ландшафт парка Дьюргорден.

Стокгольм. Комплекс 'Венергрэн-центра'. Архитекторы С. Линдстрём и А. Бюдэн, 1959 - 1961. Жилой корпус

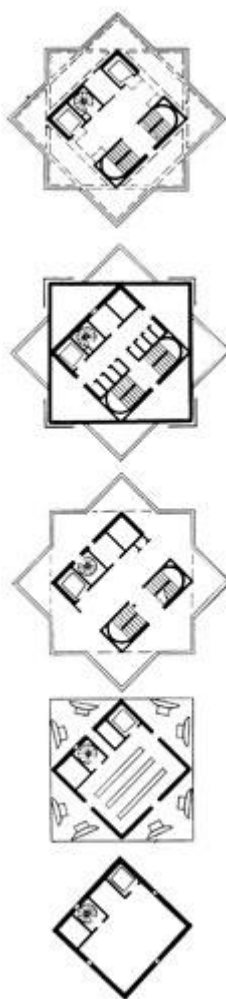
"Словарь" бруталистских форм использовал архитектор П. Селзинг для церкви в центре Веллингбю, придав пуританскую строгость ее угловатому замкнутому краснокирпичному объему, увенчанному железобетонной звонницей (1959). Более живописная композиция церкви в Бьёркхагене (1960, архит. С. Леверентц) интересна мастерским использованием контрастов в сложно организованной форме, благодаря которым материал - грубая кирпичная кладка - производит впечатление неожиданного богатства. Эти культовые постройки дали архитекторам повод попытаться уйти от холодной прагматичности, к которой все более склонялась шведская архитектура в 60-е гг.; в крайностях, к которым приведена их форма, ощутим смутный протест против буржуазного благополучия, своеобразный отзвук бергмановского пессимизма.

*Стокгольм. Телебашня. Архитекторы Х. Боргстрём и Б. Линдроос, 1964 - 1967.
Общий вид*

В противовес иррационалистическим тенденциям, усилившимся в архитектуре многих стран, в Швеции возникло тяготение к простоте и ясности пространственных композиций. Дисциплинирующую роль сыграло внедрение в шведское строительство индустриальных методов (в 1967 г. полностью сборные здания составляли около 15% общего объема строительства многоквартирных домов, широко использовались стандартные элементы в сочетании с железобетонными и кирпичными конструкциями). Серьезная работа по стандартизации элементов и внедрению модульной координации в строительстве способствовала укреплению рационализма в архитектуре. Живописные композиции, тщательно вписанные в природные ландшафты, стали подвергаться критике за рыхлость пространственной организации, отсутствие целостности, трудность ориентации. Как уже отмечалось выше, в планировке городских комплексов совершился возврат к геометрическим закономерностям организации пространства. Вместе с живописностью, подчас нарочитой, уходил, однако, и интерес к естественной природе. Наряду с реакцией против формальных крайностей на шведскую архитектуру начинала оказывать все большее влияние бездуховность "потребительского общества". В профессиональной среде архитекторов угасли последние следы "жизнестроительных" иллюзий, надежд на

совершенствование общества средствами архитектуры. Как следствие угас и интерес к социологическим экспериментам, к попыткам создать материальную оболочку для неких "социальных моделей", которые надеялись внедрить в общество. В сравнении с 30-ми гг. явно ослабела энергия поисков, ушла смелость экспериментов. Рационализм переродился в спокойную, расчетливую рассудочность. Сложился более или менее благополучный средний профессиональный уровень, сильные стороны которого проявляются прежде всего в формировании жилой среды. Однако в шведской архитектуре все меньше появляется произведений художественно ярких и принципиальных. Коллективный авторитет шведской архитектуры основывается прежде всего на последовательном завершении заложенных еще в конце 40-х гг. замыслов развития структуры Стокгольма и в известной степени Гётеборга.

*Стокгольм. Телебашня. Архитекторы Х. Боргстрём и Б. Линдроос, 1964 - 1967.
Планы*

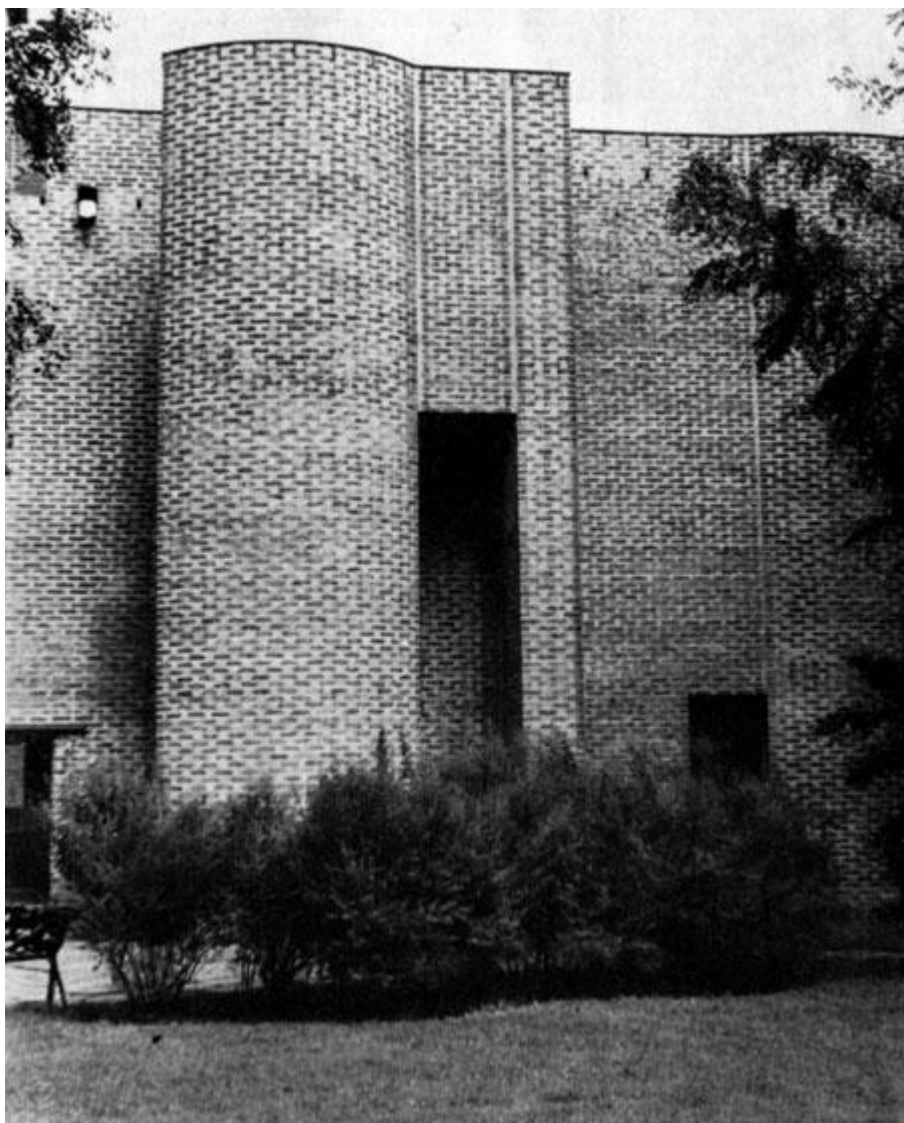
Лишь при проектировании южного, завершающего звена "Нового Сити" в Стокгольме - культурного центра на площади Сергельторг, были поставлены принципиально новые проблемы. Одно только это здание в рассматриваемый период стало заметной вехой на пути развития шведской архитектуры, только

его создание вызвало разноречивые отклики и дискуссии и в Швеции, и за ее пределами.

Стокгольм. Церковь в районе Бьоркхаген. архит. С. Леверентц, 1960. Общий вид

На проект культурного центра в 1966 г. был объявлен конкурс; первую премию получил архит. Петер Селзинг. Он предложил композицию, которая соединяет корпус дома культуры в виде протяженной пластины, обращенной к площади, с массивным блоком театра и национального банка. К этому блоку с тыльной стороны примыкает здание отеля (архит. С. Малмквист). Первоначальная программа была изменена уже после того, как началось строительство. В связи с изменением конституции страны парламент Швеции был реорганизован из двухпалатного в однопалатный, а это требовало большого зала для заседаний. Было решено, что на десятилетний срок, необходимый для реконструкции постоянной резиденции, театральный блок культурного центра станет временным зданием парламента, в то время как дом культуры частично сохранит свою функцию.

Стокгольм. Церковь в районе Бьоркхаген. архит. С. Леверентц, 1960.

Фрагмент

В основу концепции культурного центра П. Селзинг положил "идею объединения многих явлений общей природы, открывающего широкие возможности для изменений в использовании, функциональных связях, коммуникациях, обслуживании"¹. Проблема гибкости, "универсальности" решалась при этом не в простой сетке конструктивного каркаса, а в рамках сложной структуры, отразившей сумму влияний градостроительной ситуации, инженерной инфраструктуры и формальных предпочтений автора. При изменении программы включением заведомо преходящих функций временного парламента идея изменчивости, заложенная в замысле П. Селзинга, получила особое значение. По выражению обозревателя английского журнала "Архитекчурал Ревю" здание напоминает любым своим пользователям, что они "не столь необыкновенны, чтобы не сыграть в игру "будка и часовой" - театр может быть заменен парламентом, отель - офисом, но все это - лишь смены в череде пользователей"².

¹(«Arkitektur», 1971, N 6, p. 8.)

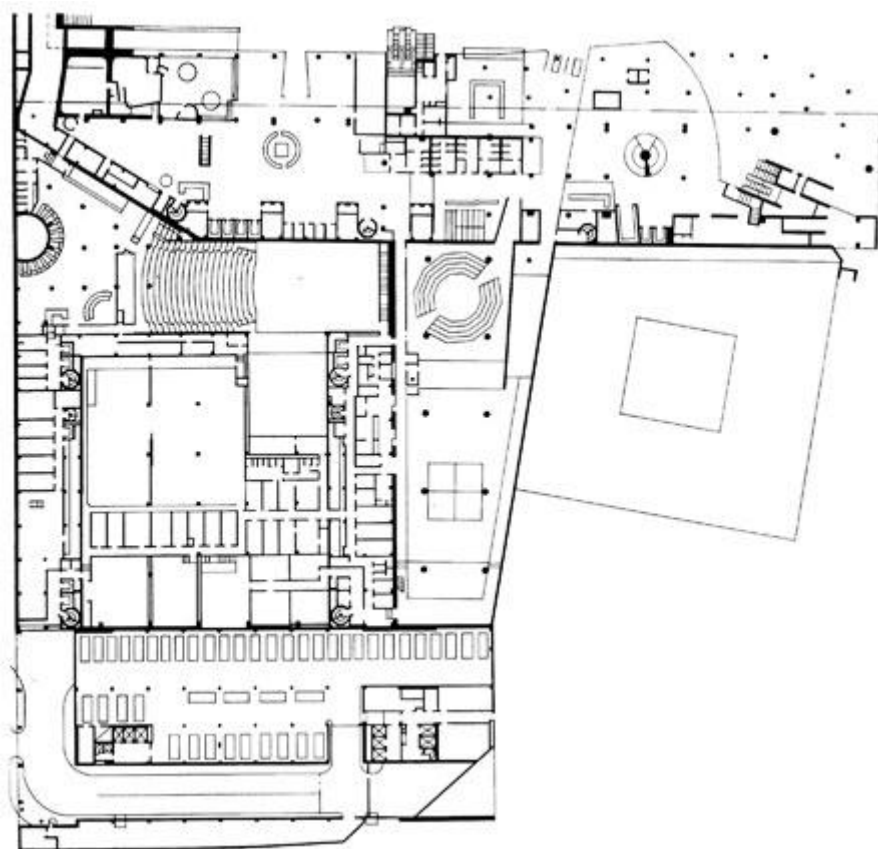
²(«Architectural Review», 1971, vol. 150, № 810, P. 197, 198.)

Стокгольм. Дом культуры. Архит. П. Селзинг, 1966 - 1971. Общий вид

В условиях временных структур, исключая применение стационарных разграничений пространства и традиционных отделочных материалов, максимально использованы приемы открытого плана в сочетании с цветовыми системами, определяющими основной эмоциональный эффект интерьеров. Приемы организации внутренних пространств здания сблизились с приемами, которые использует декоратор, формируя сценическое пространство. Облицовки, дающие нужный эффект на недолгий, точно рассчитанный период, использованы и на фасадах здания; отражающие поверхности стекла и листов полированной нержавеющей стали должны придать постройке видимую легкость. Здание-витрина заменило традиционный замкнутый объем. Селзинг говорил: "Не хотелось, чтобы это было слишком архитектурой. Хотелось сделать стеклянный фасад, через который можно было бы видеть с площади - что происходит за ним"¹.

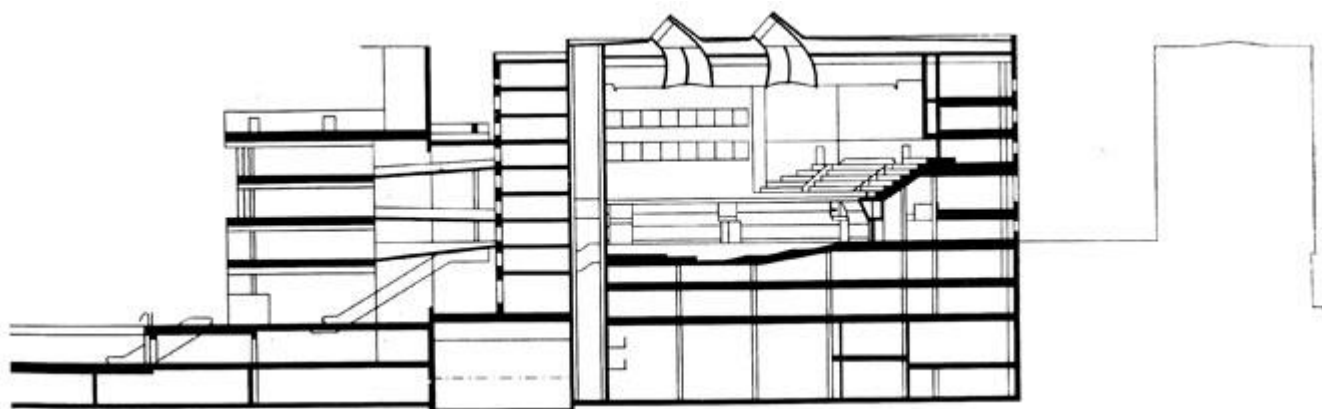
¹(«Architectural Review», 1971, vol. 150, № 810, P. 197, 198.)

Стокгольм. Дом культуры. Архит. П. Селзинг, 1966 - 1971. План цокольного этажа

В цокольном этаже, совпадающем с отметкой нижнего уровня площади Сергельторг, предназначенного для пешеходов, обширные пространства, организованные по принципу открытого плана, как бы продолжают площадь, от которой отделены лишь стеклом. Здесь расположены кафетерий и библиотека; эту зону дополняют меньшие замкнутые помещения - зал студий для экспериментальных спектаклей, детская комната для чтения вслух, помещение для прослушивания музыкальных записей. Пространства театра-арены и кабаре могут быть разделены или слиты в одно целое. Объемы блоков расчленяются лишь в надземных уровнях. Первый этаж блока Дома культуры включает и вестибюль парламента. Выше располагаются залы ресторана и выставочные помещения. Зал заседаний с амфитеатром имеет в плане форму четверти круга и сдвинут по диагонали от центра прямоугольного блока, в который он включен. Остальная площадь прямоугольника используется для фойе и крупных общественных помещений, а по его внешнему периметру группируются небольшие офисы. Впоследствии в этот прямоугольник будут вписаны фойе, зал и сцена театра. Части объекта - парламент и Дом культуры - пространственно не разделены. На разных уровнях они разграничены по-разному. Нарочитая нечеткость границ - след влияния американского архитектора Р. Вентури, отвергающего примитивную ясность, к которой стремился функционализм, в пользу неопределенности, многозначности, компромиссности архитектурных решений (в этом Вентури видит отражение реальной сложности и

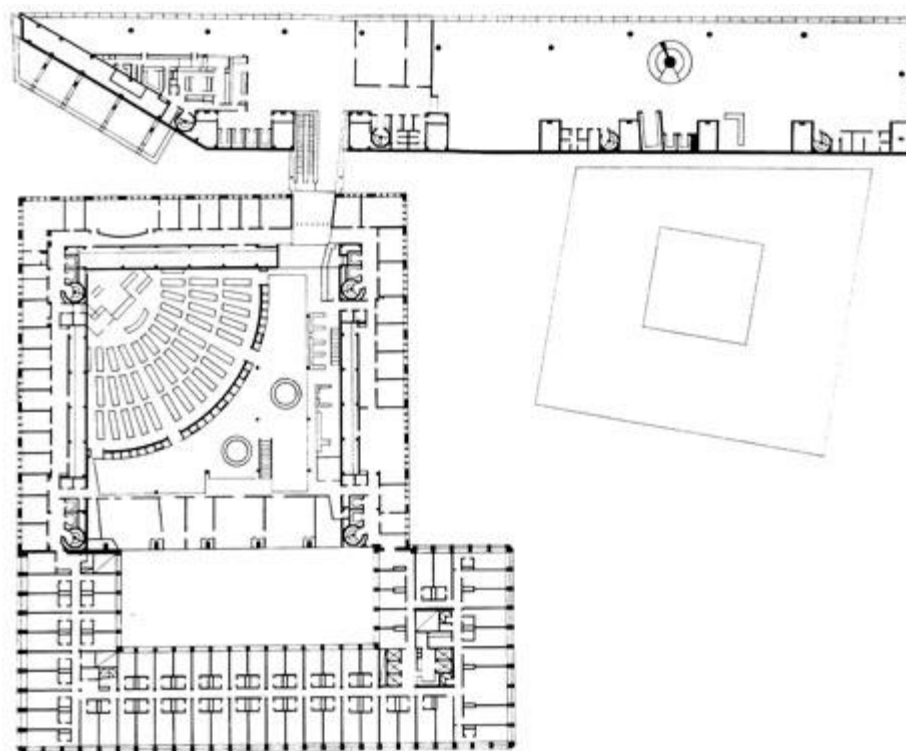
неизлечимой противоречивости современной действительности Запада). Под влиянием творчества соотечественника и единомышленника Вентури архитектора Р. Джиурголы возникли такие особенности объемной формы, как косой срез западного торца Дома культуры, образующий воронкообразное "ущелье" между корпусами, перекрытое мостиками-переходами. Странные узкие переулки должны воспроизводить "традиционную интимность городской среды". Четырехэтажный протяженный корпус, расположенный вдоль площади Сергельторг, имеет высоту, явно недостаточную в сравнении с ее обширным пространством. Чтобы зрительно усилить его, архитектор поднял над плоской кровлей изломанную в плане бетонную стенку - намек на возможную в будущем надстройку...

Стокгольм. Дом культуры. Архит. П. Селзинг, 1966 - 1971. Разрез

Сложное, двойственное впечатление производит это здание, совмещающее функции правительственного здания и культурного, а точнее - развлекательного центра, изобилующее неожиданными столкновениями разнородных жизненных процессов. Архитектура, превращенная во временную декорацию для своеобразного "хэппенинга", программно нестабильная, драматизирующая нарочитую неправильность формы, среда, в которой нет замкнутости, нет четких рубежей... Английский обозреватель ставит вопрос: "дает ли такая среда свободу от ограничений или только отражает дезинтеграцию человеческой личности? Попытка ли это ответить реальным нуждам или отречение от первичной функции зодчества, от стремления создать вещь, которая действительно уважаема?"¹. Вопросы не кажутся результатом традиционной предубежденности англичанина к тому, что создано "на континенте". Постройка Селзинга стала материальным воплощением тупика, в который все более безысходно углубляется культура потребительского общества с ее погоней за "эффективностью" и пренебрежением к духовным ценностям.

¹(«Architectural Review», 1971, vol. 150, № 810, P. 197, 198.)

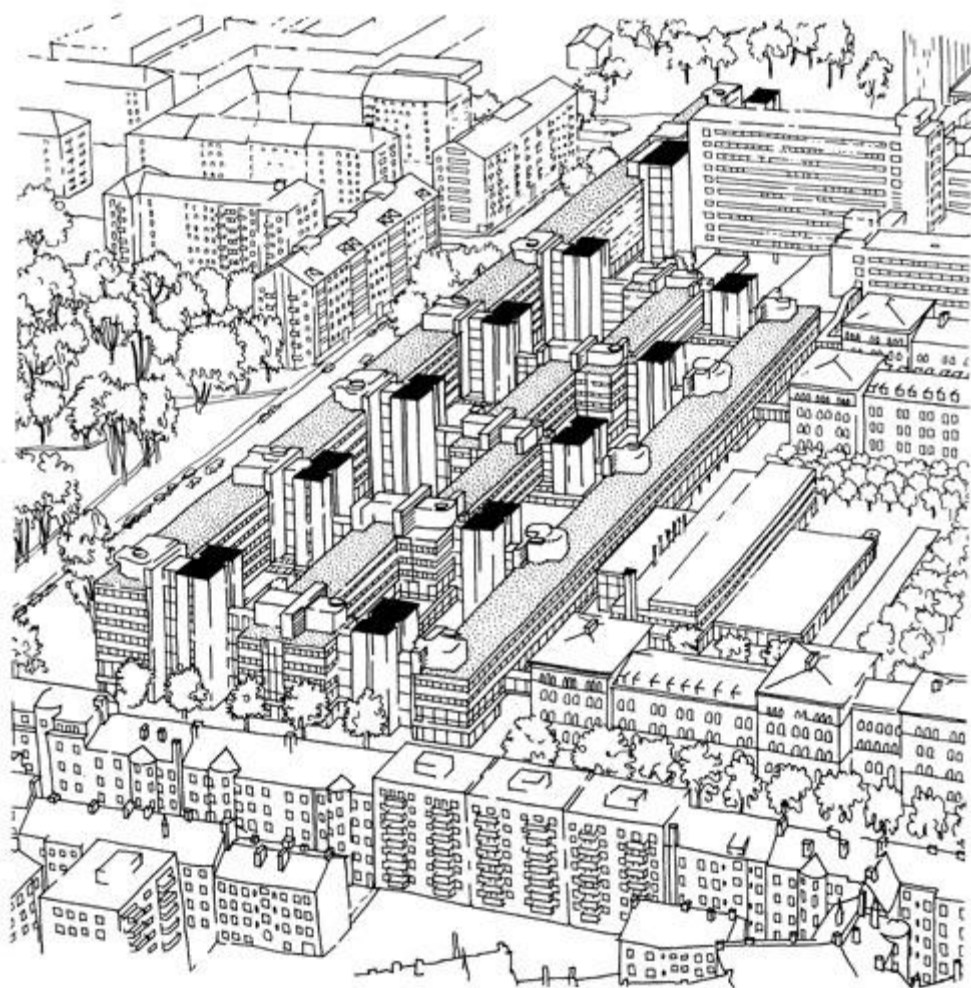
Стокгольм. Дом культуры. Архит. П. Селзинг, 1966 - 1971. План на уровне зала

Идея максимальной гибкости, неустойчивости, открытости к изменениям, разрабатываемая в шведской архитектуре последних лет, как мы видели, затрагивает в равной мере структуру и самых массовых общественных построек - школ и уникальных зданий. Она проводится и в зонах реконструкции, где обычно специфика ситуации принуждает к решениям, строго индивидуализированным. Примером последнего рода может служить административный комплекс "Гарнизонен", созданный на месте старых казарм в центре Стокгольма (архитектурное бюро "А-4 Аркитектенконтор АБ", 1972). Комплекс задуман как не имеющий конкретной, заранее заданной программы, его помещения - бюро, конференц-зал, различные по площади, арендуются различными частными нанимателями и приспособляются к их потребностям. Гибкость планировки обеспечивается ее крупным модулем - 7,2x9,6 м. В большую сторону модульной сетки (9,6 м) укладывается глубина рабочих помещений вместе с коридором. Соединение нескольких модульных единиц позволяет создавать большие конторские залы со свободной расстановкой оборудования. Следующий уровень модульной системы - 50,4 м, определяемый расстоянием между ядрами вертикальных коммуникаций, определяет общую структуру комплекса, образованного тремя рядами корпусов, параллельных улице, и перпендикулярными корпусами системы коммуникаций. Открытое пространство комплекса расчленяется на ряд двориков, имеющих различные размеры, уровень и высоту обстройки. Разнообразие пространств подчеркивается цветовым решением, основная идея которого - окраска элементов в соответствии с их функцией.

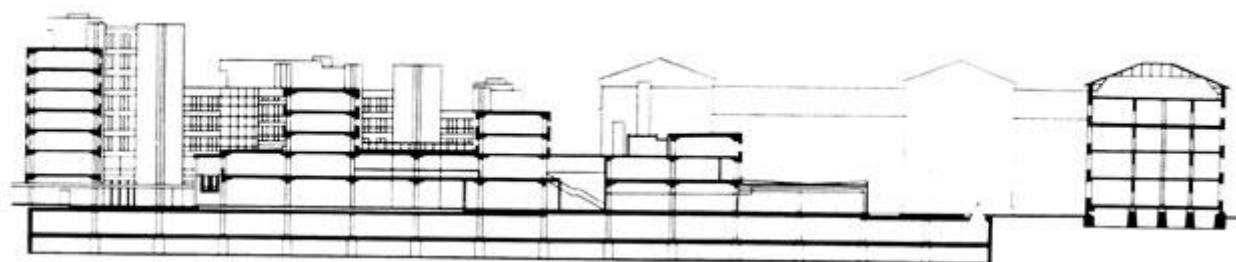

Стокгольм. Дом культуры. Архит. П. Селзинг, 1966 - 1971. Интерьер большого фойе

Спад, наметившийся в экономике Швеции в конце 60-х гг., отразился на строительстве. Понижилась и энергия творческих поисков в архитектуре. Прагматическая "универсальность" была вкладом шведских архитекторов начала 70-х гг. И если в связи с постройками предвоенных лет можно говорить о наивном радикализме молодости, то последнее десятилетие в шведской архитектуре отмечено осторожной старческой рассудочностью...

Стокгольм. Комплекс конторских зданий 'Гарнизонен'. Архитектурное бюро 'А-4 Архитектенконтор АБ', 1972. Общий вид

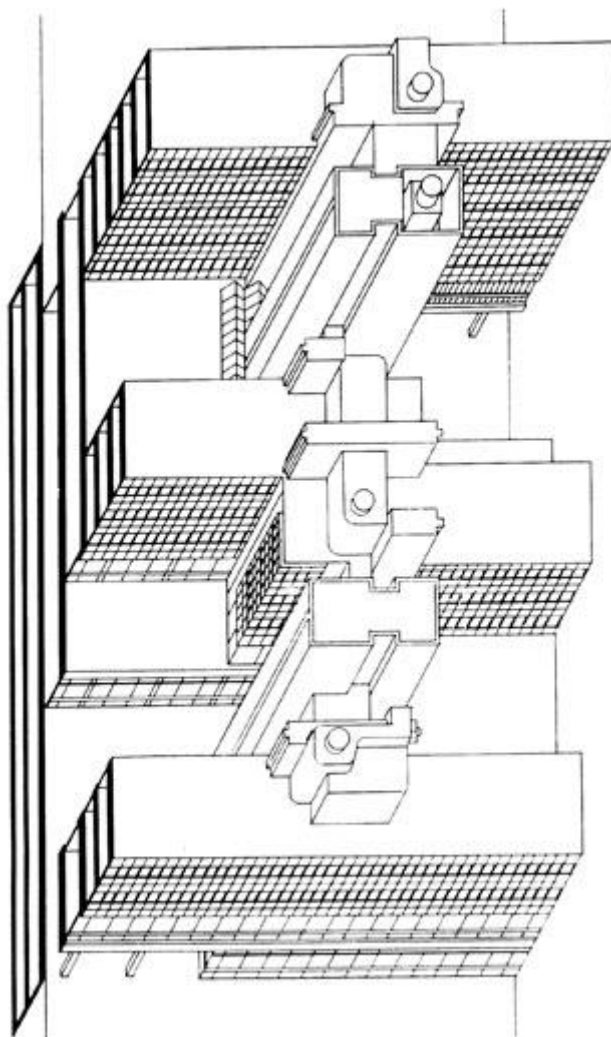
Стокгольм. Комплекс конторских зданий 'Гарнизонен'. Архитектурное бюро 'А-4 Архитектенконтор АБ', 1972. Разрез

Стокгольм. Комплекс конторских зданий 'Гарнизонен'. Архитектурное бюро 'А-4 Архитектенконтор АБ', 1972. Дворик

Стокгольм. Комплекс конторских зданий 'Гарнизонен'. Архитектурное бюро 'А-4 Архитектенконтор АБ', 1972. Интерьер вестибюля

Стокгольм. Комплекс конторских зданий 'Гарнизонен'. Архитектурное бюро
'А-4 Архитектенконтор АБ', 1972. Типовой блок

Список литературы

Антонов А. П., Орлов М. А., Ципин И. М. Крупные торговые здания Швеции. М., ЦНТИ, 1971.

Блохин П. Н.г Этенко В. П. Жилищное строительство в скандинавских странах. М., Стройиздат, 1965.

Васильев Б. Л., Платонов Г. Д. Градостроительная практика и жилищное строительство в скандинавских странах. Л., Госстройиздат, 1960.

Гроссман В. Г. Городские жилые дома в Швеции. М., Госстройиздат, 1958.

Иконников А. В. Архитектура Швеции. - В кн.: Всеобщая история архитектуры, т. II. "Архитектура капиталистических стран XX в.". М., Стройиздат, 1973.

Родин Ю. М.г Смирнов Т. Н., Жагар О. А. Гражданское строительство в Швеции. М., ЦНТИ, 1970.

Ahlberg H. Swedish architecture of the twentieth century. London, 1925.

Åström K. City Planning in Sweden. Stockholm, 1967.

Backström S., Ålund S. Swedish housing of the Forties. Stockholm, 1950.

Cornell E. Ny Svensk byggnadskonst. Stockholm, 1950.

Cornell E. Ragnar Östberg, svensk arkitekt. Stockholm, 1965.

Froderus Å. The renewal of town centres in Sweden. Stockholm, 1970. Göteborg bygger. Göteborg, 1965. Guide to architecture in Göteborg. Göteborg, 1960. Housing in the Nordic Countries. Copenhagen, 1968.

Kidder Smith G. E. Sweden Builds. New York, 1957.

Malmö. Byggnadsnamnden 100 ar (1862 - 1962). Malmo, 1962.

Mare de E. Gunnar Asplund - a great modern architect. London, 1955.

New architecture in Sweden. A decade of Swedish building. Stockholm, 1961.

Nordisk arkitektur. 1946 - 1949. Stockholm, 1950.

Nordisk arkitektur. 1950 - 1954. Stockholm, 1955.

Ny Svensk arkitektur. Stockholm, 1939.

Ödmann E., Dahlberg G. B. Urbanisation in Sweden. Means and methods for the planning. Uddevalla, 1970.

Olsson T., Silow S. Schwedische Baukunst. Stockholm, 1955.

Ostrowski W., Adamczewska H. Z problemow urbanistycznych miast Szwecji. Warszawa, 1967.

Östberg R. The Stockholm city hall. Stockholm, 1956.

Palm B. Arkitekten Karl Westman. Lund, 1954.

Paulsson T. Scandinavian architecture. Building and society in Denmark, Finland, Norway and Sweden from the iron age until today. London, 1958.

Rasmussen S. E. Nordische Baukunst. Berlin, 1940.

Ray S. Il contributo svedese all'architettura contemporanea e l'opera di Sven Markelius. Roma, 1970.

SAR's Stockholms guide. Stockholm, 1966.

Stockholm - byggd miljö. Stockholm, 1972.

Swedish housing. Stockholm, 1949.

Zevi B. Gunnar Asplund. Milano, 1948.